

ПРЕДЫСТОРИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

В. С. ВАСЮКОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

Февраль 1917 — март 1918

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1968

Васюков Вячеслав Сергеевич.
В20 Предыстория интервенции. Февр. 1917 — март 1918. М., Политиздат, 1968.

296с.

В книге рассматривается позиция западных держав и Японии по отношению к революционным событиям в России, начиная с февраля 1917 г. до заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. Автор показывает, к каким приемам и средствам прибегали международные империалистические силы, чтобы задержать развитие революции, не допустить перехода власти в руки народа, как готовилось вооруженное вмешательство.

1—6—4

9(С)21

105—67

Редактор *И. П. Башкирова*

Художник *Т. В. Акуров*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 20 декабря 1967 г. Подписано в печать 12 марта 1968 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 15,54. Учетно-изд. л. 15,24. Тираж 60 тыс. экз. А 05819. Заказ № 1013. Цена 67 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Полвека минуло с тех пор, как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. И чем дальше в глубь десятилетий уходит от нас это знаменательное событие, тем величественнее и грандиознее предстает оно перед нашим взором, в сознании наших современников.

Ныне даже буржуазные историки, философы и социологи все чаще и чаще вынуждены признавать, что Октябрьская революция явилась выдающимся событием, оказавшим глубочайшее воздействие на развитие современной цивилизации, что она ознаменовала собой «поворотный пункт в истории России и всего мира»¹. Так, профессор Принстонского университета Джеймс Г. Биллингтон (США) пишет: «Если для мыслителя девятнадцатого века главной задачей было определить свое отношение к французской революции, то для современного человека центральная задача состоит в оценке Русской революции. Последняя задача стала даже более решающей, потому что теперь почти миллиард людей на земном шаре заявляют, что они являются наследниками и защитниками Русской революции. Силы, вызванные к жизни переворотом 1917 г., дают о себе знать еще энергичнее и еще ощутимее, чем силы, порожденные французской революцией 1789 г. и веком демократической революции»².

Весьма характерное, причем далеко не единственное признание. Можно было бы привести еще ряд аналогич-

¹ «Russian Review». January 1967, p. 3.

² «World Politics». April 1966, p. 452.

ных оценок, показывающих, как под давлением неумолимой логики истории буржуазные ученые начинают все больше «постигать» сущность минувших и происходящих в мире событий, ибо жизнь неизменно оказывается сильнее всяких догм и предубеждений, как бы упорно ни цеплялись за них представители обреченного строя. Ныне только слепцы и завзятые реакционеры могут отрицать неотвратимость того процесса, начало которому было положено в октябре 1917 г.

Пролетарская революция в России навсегда останется главным достоянием XX века, одним из величайших событий в истории человечества, предначертавшим его будущее на многие столетия вперед. По меткому выражению бразильского писателя-коммуниста Отавио Брандао, Октябрьская революция явилась «вехой, вбитой в землю на тысячелетия». Вот почему она по-прежнему привлекает к себе неослабный интерес во всех уголках земного шара.

В данной работе автор поставил перед собой целью осветить одну из наиболее драматических сторон русской революции: борьбу с нею международного империализма, правящих кругов Антанты и США, пытавшихся во что бы то ни стало задушить революцию, не допустить распространения ее влияния на другие страны и континенты. Этот аспект истории революции более или менее отражен в нашей литературе, однако он еще не получил самостоятельного, систематического освещения. Между тем буржуазная историография до сих пор всячески извращает многие факты, изображает дело таким образом, будто сама революция и ее деятели повинны в подобном развитии событий, будто союзники и их ответственные руководители не намеревались вмешиваться в русские дела, и т. д. и т. п.

Апологеты капитализма не перестают эксплуатировать лживую версию о «подрывных действиях» коммунистов, об их стремлении экспортировать революцию. Однако история русской революции, как ни одна другая, свидетельствует о том, что под шумок об «экспорте революции» империалисты стремятся экспортировать контрреволюцию, подавлять силы национального и социального прогресса, социальные и национально-освободительные движения. Собственно говоря, большевикам еще нечего было «экспортировать», они только еще

вели борьбу за переход власти в руки Советов, а экспорт контрреволюции в Россию, предпринятый империалистическими кругами Запада, приобретал все более широкий размах. И одна из важнейших задач Октября состояла в том, чтобы создать непроницаемый «таможенный заслон» против него. «Организатором вооруженной борьбы против Советской республики,— подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— выступил международный империализм... Свергнутые эксплуататорские классы и международный империализм яростно боролись против нового общественного строя. Они принесли неисчислимые бедствия и страдания нашему народу»¹.

В книге на большом фактическом материале рассматривается позиция западных держав и Японии по отношению к революционным событиям в России; показывается, к каким приемам и средствам прибегали руководители капиталистического мира, чтобы остановить развитие революции, не допустить перехода власти в руки трудового народа, как готовилось иностранное вооруженное вторжение в пределы молодой Советской республики.

Перед читателем проходит галерея буржуазных государственных деятелей того времени, возглавивших международную контрреволюцию, с их ханжеством и лицемерием, ненавистью к освободительному движению народных масс. В книге показывается также контрреволюционная роль лидеров II Интернационала и западноевропейской социал-демократии, тесное взаимодействие внутренней и внешней реакции.

Хронологически работа охватывает период с февраля 1917 г. по март 1918 г. Изложение начинается с краткой предыстории второй русской революции, точнее, с описания попыток правящих кругов Запада спасти трон Николая Романова, и доводится до начала вооруженной интервенции.

Все даты до 31 января 1918 г. даются по старому стилю. В необходимых случаях указывается старый и новый стиль.

---

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы. М., 1967, стр. 29—30.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЮЗНИКИ

Тревога и смятение

Февральская революция, вспыхнувшая в самый разгар первой мировой войны, всколыхнула весь мир. О приближении революции в России говорили давно — на это указывало много симптомов, но никто не предполагал, что она произойдет с такой необычайной быстротой. За каких-нибудь несколько дней веками господствовавший царский режим был сметен восставшим народом. В короткий срок Россия превратилась в демократическую республику, наиболее свободную из всех воюющих государств, хотя формально республика была провозглашена лишь спустя полгода после свержения самодержавия.

Все прогрессивное человечество с неподдельным восторгом приветствовало русскую революцию, прорвавшуюся сквозь свинцовые тучи войны и осветившую мир заревом свободы. Наконец-то рухнул оплот тирании и деспотизма, распространявший свою зловещую тень и на другие народы. В русской революции трудящиеся всех стран, и в первую очередь европейских, увидели предвестника скорого мира, начало крушения других реакционных режимов, избавления от кошмара братоубийственной войны, нечеловеческих мук и страданий.

По-иному отнеслись к ней правящие круги западных держав. Официально, конечно, и они «приветствовали» русскую революцию. На самом же деле она была глубоко чужда и ненавистна им, чужда по своему характеру и содержанию, по тем результатам, к каким она привела.

Истинное отношение империалистов Антанты к русской революции было predetermined еще до того, как она стала свершившимся фактом. Уже с середины

1916 г. и даже раньше союзники стали проявлять все большее беспокойство в связи с развитием событий в России. Они опасались резкого социального переворота и прилагали немало усилий к его предотвращению. Особой активностью отличались правительства Англии и Франции. Сами официальные представители этих стран не скрывали того, что они всеми силами старались спасти царскую монархию, не допустить возникновения народной революции.

Бывший великобританский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен в своих мемуарах (основанных на большом фактическом материале и дипломатических документах) откровенно признал, что он и его правительство усиленно ломали голову над тем, как избежать «катастрофы», подразумевая под ней революцию. Положение, писал посол, «с каждым днем становилось все более и более угрожающим. Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу... народное восстание... могло вспыхнуть ежеминутно»¹. Такие же признания мы находим в мемуарах бывшего французского посла в России Мориса Палеолога².

Единственный способ предотвратить народную революцию союзники видели в возможности упредить ее «революцией сверху». Последняя мыслилась ими в двух вариантах. Первый из них состоял в том, чтобы побудить самого царя пойти на некоторые уступки требованиям народа (прежде всего имелись в виду, конечно, буржуазия и думские круги, так называемая думская оппозиция). В числе этих уступок на первом плане фигурировало создание «ответственного министерства», т. е. такого правительства, которое бы не только подчинялось царю, но и отчитывалось за свою деятельность перед Государственной думой. Речь шла, таким образом, о некоторой либерализации режима, о проведении небольших реформ. Союзники предпочитали именно этот вариант «революции сверху». Через своих представителей в России они постепенно усиливали нажим на царя, пытаясь склонить его к «реформам», доказывая

---

¹ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, изд. 2. М. (б. г.), стр. 180.

² См. М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М., 1923.

ему, что они необходимы в его же собственных интересах, как и в интересах всей царствующей династии.

Второй вариант такой «революции» состоял в осуществлении дворцового переворота, в подготовке которого участвовали члены думской оппозиции, представители торгово-промышленных и финансовых кругов и некоторые офицеры генерального штаба. Предполагалось арестовать Николая II, заставить его отречься от престола в пользу несовершеннолетнего сына Алексея и назначить в качестве регента брата царя великого князя Михаила. В случае же несогласия или противодействия со стороны императора и императрицы, избавиться от них вообще. Этот вариант находил поддержку и у союзников, однако осуществление его они считали возможным лишь при условии, если бы Николай II оказался совершенно неспособным понять ситуацию и категорически отказался внять советам своих доброжелателей. «Я не хотел быть свидетелем развития событий,— признавался английский посол,— не сделав последнего усилия спасти императора вопреки ему самому»¹.

Такое упорство в защите российского самодержца объяснялось рядом обстоятельств, и прежде всего соображениями военного порядка. Полагали, что даже сравнительно тихий дворцовый переворот может неблагоприятно отразиться на ходе военных операций, не говоря уже о классовой неприязни и ненависти к народной революции вообще. Вот почему представители Англии и Франции прилагали всяческие усилия, чтобы спасти российского владыку. Английский и французский послы упорно убеждали Николая II в необходимости «сближения с народом», соблазняя его тем, что это приведет Россию к победе и обеспечит «осуществление ее вековых стремлений», а ему самому — положение наиболее могущественного монарха в мире. В противном случае революция станет неизбежной.

Даже в своих публичных выступлениях некоторые официальные представители Запада, в частности английский посол, открыто предостерегали от «коварного врага, находящегося внутри собственного дома». Царизму настойчиво рекомендовалась более гибкая и

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 180—181, 214.

более осмотрительная политика, опирающаяся не только на кнут, но и на пряник. На языке советников из Альбиона это называлось иначе: «надеть бархатную перчатку на железный кулак». Именно с таким пожеланием обратился к царю глава английской военной миссии при ставке верховного главнокомандующего русской армии генерал Хенбри Вильямс. Поясняя свою мысль, «старый солдат» пытался убедить императора, что и самодержавный монарх может управлять в такое время только с помощью «хороших советников», избранных из числа лиц, коим доверяет народ. Он рекомендовал иметь некую «отдушину», каковой, по его мнению, могла служить «свобода слова» в парламенте или Думе¹.

Иными словами, царской камарилье предлагалось шире использовать демагогию, привлечь более ловких политиков и адвокатов монархического режима. Однако спасти императора «вопреки ему самому» оказалось не под силу... Кровавый самодержец не хотел идти ни на какие послабления. Он готов был перевешать половину России, но не уступить ни грана своей неограниченной власти.

После неоднократных, но безуспешных попыток «образумить» царя союзники пришли к выводу о необходимости дворцового переворота, который, по их мнению, хотя и мог привести к некоторой дезорганизации царской военной машины, но все-таки не в такой степени, как «всенародный бунт». Однако русская буржуазия все еще никак не осмеливалась поднять руку на царя, медлила, надеясь заключить с ним любовную сделку и совместными усилиями подавить революционное движение. Но сделка никак не вырисовывалась. Пришлось наметить роковой срок. В начале января Бьюкенен был извещен через подполковника Торнчилла (помощник английского военного атташе в Петрограде), что «маленькая революция» должна произойти перед пасхой. «К несчастью», с горечью констатировал английский посол, заговорщиков опередило народное восстание, вылившееся в февральско-мартовскую революцию, ту самую народную революцию, которой союзники страшились больше всего.

---

¹ См. «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 47.

С этой минуты все их помыслы были направлены к тому, чтобы удержать революцию в «умеренных рамках». Однако сделать это оказалось не под силу. Революция привела в движение широчайшие народные массы, самые различные слои трудящегося и эксплуатируемого населения страны. Начавшись в столице, она была подхвачена во всех уголках нашей необъятной Родины.

Выдающимся завоеванием Февральской буржуазно-демократической революции было то, что наряду с Временным правительством, являвшимся ставленником буржуазии и обуржуазившихся помещиков, возник Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, отражавший настроения и волю трудящихся масс страны, интересы беднейших слоев населения.

Вслед за Петроградом и Москвой Советы стали быстро создаваться по всей стране. В короткий срок они возникли в Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Самаре, Екатеринбурге, Киеве, Минске, Баку, Харькове, Луганске и других городах, почти во всех губерниях России. Эта быстрота в известной мере объяснялась тем, что идея Советов жила в народе еще с революции 1905—1907 гг.

В стране образовались, таким образом, две власти, по существу, два правительства, причем фактическая власть, реальная сила сосредоточилась в руках Совета.

Свою первейшую задачу союзники видели в том, чтобы поддержать буржуазное Временное правительство, единственное, по их мнению, правительство, «способное бороться с разрушительными тенденциями Совета и вести войну до конца»¹.

Бесспорно, приход к власти в России ревностных служителей капитала, которые не раз порицали царя за неспособность вести войну, весьма обрадовал и обнадежил правящие верхи союзных держав. Новое русское правительство, как и взятый им курс, вполне устраивало союзников. Ни один из его членов не обнаруживал германофильских тенденций, причинявших союзникам немалое беспокойство в последние месяцы царского правления. Все министры оказались убежденными приверженцами англо-франко-русского союза, сторонни-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 214, 215.

ками продолжения войны до победного конца. Вышедший «из недр революции» кабинет почти целиком состоял из представителей крупной финансовой и промышленной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, виднейших деятелей партий кадетов и октябристов. Почти все они входили в состав царской Государственной думы. Возглавил правительство крупный земельный собственник, один из старейших деятелей земств — князь Г. Е. Львов. Он же взял себе портфель министра внутренних дел. Два других самых ответственных поста в правительстве: пост министра иностранных дел и военного и морского министра — заняли лидеры крупнейших буржуазных партий П. Н. Милюков и А. И. Гучков, хорошо известные союзникам своими проантантовскими взглядами. Последний состоял председателем Военно-промышленного комитета. Другие министерские посты достались представителям тех же классов и партий. Лишь один из членов нового кабинета — министр юстиции А. Ф. Керенский — принадлежал к мелкобуржуазным социалистам, но и он являлся столь же откровенным сторонником продолжения войны, как и все перечисленные выше буржуазные деятели.

Временное правительство было составлено из представителей «прогрессивного блока», или, как его называли, партии «все для войны», которая целиком разделяла и поддерживала внешнюю политику царизма и которая не собиралась «изобретать» никакой иной политики. «Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры, — разъяснял В. И. Ленин в «Письмах из далека», — не случайные люди. Они — представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они связаны интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы». Эти люди пришли к власти не в интересах прекращения войны, а «в интересах еще более яркого и упорного ведения ее»¹. Именно эта ярость и единодушие вселяли в союзников надежду на лучшие перспективы войны и подавление революции.

Еще 1 марта Родзянко от имени Временного комитета Государственной думы, принявшего на себя правительственные функции, обратился к действующей

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 50, 16.

армии и флоту с призывом ни на минуту не ослаблять борьбу против внешнего врага¹. 4 марта Временное правительство приняло решение о том, что оно «будет ненарушимо отвечать по всем денежным и другим обязательствам, ранее заключенным от имени государства». Это решение подлежало безотлагательному сообщению «во всеобщее сведение как внутри империи, так равно и за границей»².

Во исполнение этого постановления Милюков в тот же день разослал циркулярные телеграммы русским дипломатическим представителям в союзных и нейтральных странах, в которых заявлялось о намерении Временного правительства «с неизменным уважением» относиться к международным обязательствам, принятым на себя павшим режимом, и приложить все усилия к исправлению в возможно короткий срок ошибок прошлого, парализовавших до того времени порыв и дух самопожертвования русского народа», и что порожденный переворотом великий энтузиазм «удесатерит силы... возрожденной России и ее доблестных союзников»³. Ознакомившись с указанной телеграммой, французский премьер А. Бриан заявил русскому послу в Париже А. П. Извольскому, что он с удовольствием принимает от имени Франции извещение русского министра иностранных дел. В том же духе высказался и министр иностранных дел Италии барон Соннино.

И состав Временного правительства, и объявленный им внешнеполитический курс встретили одобрение правительственных кругов Антанты. Они сразу признали Временное правительство де-факто, за которым последовало вскоре и признание де-юре. Правда, в течение нескольких дней союзники воздерживались от официального признания Временного правительства. Это объяснялось, во-первых, тем, что они хотели убедиться в прочности нового режима, в отсутствии возможности реставрации, а, во-вторых, получить от нового правительства твердые заверения относительно его внешнего и внутреннего политического курса. Однако особенно

---

¹ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, стр. 404.

² Там же, стр. 421.

³ Там же, стр. 423—424.

затягивать с этим было невозможно. В быстром признании нуждалось не только Временное правительство, но и сами союзники. Временному правительству оно было необходимо для укрепления своего положения. Союзникам же рискованно было надолго откладывать признание, так как к власти могли прийти лица иной политической ориентации. Ибо наряду с приятными слуху союзных империалистов заявлениями министров Временного правительства и представителей буржуазно-помещичьих партий все настойчивее и громче звучали голоса, требовавшие положить конец братоубийственной войне и повернуть оружие против эксплуататоров, не допускать к власти буржуазию, дабы парализовать ее контрреволюционную деятельность.

Еще 27 февраля большевики распространили в виде листовки манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», в котором содержался призыв к созданию Временного революционного правительства из представителей рабочих и восставших солдат и выдвигались требования демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, предоставления демократических свобод, а также немедленного прекращения грабительской войны. «Задача рабочего класса и революционной армии,— говорилось в манифесте,— создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя»¹. Манифест призывал трудящихся поднять знамя восстания по всей стране и безотлагательно приступить к повсеместному созданию органов революционной власти.

Создание революционного правительства большевики мыслили осуществить через Совет рабочих депутатов, о чем говорилось в другой большевистской листовке, выпущенной одновременно с манифестом. «Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты,— указывалось в этой листовке.— Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движе-

---

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 3.

нии, который создаст Временное революционное правительство»¹. В ряде большевистских документов того времени таким революционным правительством рассматривался сам Петроградский Совет.

В качестве неотложной задачи революции большевистский манифест выдвигал скорейшее достижение всеобщего мира, связывая борьбу за него с борьбой за освобождение трудящихся от ига капитала.

«Немедленная и неотложная задача Временного революционного правительства,— подчеркивалось в манифесте,— войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам»².

Оценивая значение большевистского манифеста, В. И. Ленин отмечал, что это была действительно социалистическая, действительно революционная тактика, принципиально отличавшаяся от оппортунистической тактики эсеров и меньшевиков и их зарубежных единомышленников, проповедовавших гражданский мир между угнетенными и угнетателями. «При этом,— подчеркивал Ленин,— особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран*»³.

Позиция большевиков в вопросе о власти, так же как и в вопросе о войне, насторожила представителей стран Антанты. Они не могли не обратить внимания, какие ожесточенные споры развернулись в Совете при обсуждении данного вопроса. «В прениях,— писали на следующий день «Известия»,— наметилось течение, отрицавшее всякую возможность контакта с думским комитетом (т. е. с представителями помещиков и буржуазии.— В. В.) и требовавшее создания Временного правительства Советом солдатских и рабочих представителей»⁴.

---

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 5.

² Там же, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 34.

⁴ «Известия Петроградского Совета», 3 марта 1917 г.

А вдруг это течение одержит верх! Поэтому надо спешить, надо помочь гучковско-миллюковскому кабинету поскорее «конституироваться». Еще до официального признания Временного правительства английский, французский и итальянский послы получили от своих правительств указание оказывать новому русскому кабинету всяческое содействие и внимание. «После отречения великого князя Михаила от престола,— признает Бьюкенен,— единственной возможной для нас политической было укрепление власти Временного правительства в его борьбе с Советом... И хотя большинство его членов (т. е. Совета.— В. В.) выказывали себя сторонниками продолжения войны, но крайние левые его члены отстаивали мир во что бы то ни стало. Поэтому быстрое признание Временного правительства было... необходимо»¹.

Первыми это сделали Соединенные Штаты, формально сохранявшие еще нейтралитет, хотя по идее вначале должны были «высказаться» союзники. В тот же день, 9 марта, последовало официальное признание со стороны Англии, Франции и Италии. Позже других великих держав (22 марта) с признанием выступило японское императорское правительство. Тогда же кабинет Львова был признан правительствами Бельгии, Португалии, Сербии и Румынии.

На торжественной церемонии признания английский посол от имени держав Антанты выразил уверенность, что новое русское правительство, «верное обязательствам, принятым его предшественниками, сделает все возможное для доведения войны до победного конца, употребляя особые старания к поддержанию порядка и национального единства, к возобновлению нормальной работы на фабриках и заводах и к обучению и поддержанию дисциплины в армии».

Это была своеобразная «памятка» для новых министров, указывающая, с чего им следует начинать свою деятельность. Лондонская «Таймс» снабдила ее дополнительным «комментарием», в котором выражалась надежда, что правительство Львова сумеет справиться со всеми трудностями, главная из которых — подавление «экстремистов», призывающих солдат к прекращению

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 210.

войны и к братанию и агитирующих против нового военного займа. (Экстремистами буржуазная пропаганда пыталась представить прежде всего большевиков.) «Все зависит от того, — инструктировала газета, — сможет ли правительство твердой рукой пресечь это подрывное движение»¹.

С самого начала союзники настраивали Временное правительство именно на этот лад, т. е. на подавление активного и всего революционного движения, что, конечно, вполне совпадало с его собственными намерениями. Принимая от Извольского циркулярную телеграмму Милюкова от 4 марта, извещавшую союзников о происшедшем в России перевороте и решимости правительства Львова строго соблюдать все царские договоры и соглашения, глава французского кабинета Бриан выразил «твердую уверенность, что новое русское правительство укрепитя и доведет до успешного конца предпринятое Россией совместно с Францией и другими союзниками великое дело»². С такими же напутствиями выступил в парламенте 6 марта английский премьер-министр Ллойд Джордж. Он подчеркнул, что новое правительство России «образовалось с ясной целью продолжать войну с обновленной энергией»³. И это была не просто констатация, но и указание на то, чего ожидают на Западе от новых правителей России, «от революции», какова должна быть у нее программа и основная, первостепенная задача. Не случайно русский поверенный в делах в Лондоне К. Набоков рекомендовал Временному правительству обратить особое внимание на это выступление. В том же духе высказывались и в Италии. Глава итальянского правительства Бозели заявил в сенате: «Мы твердо верим, что события в России упрочат общее дело ведения войны»⁴.

Правительства малых союзных стран в свою очередь выразили пожелание, чтобы Россия как можно скорее «вышла из кризиса», восстановила «порядок» и все

---

¹ «Times», 26.III.1917.

² Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. Канцелярия, 1917 г., д. 71, т. 1, л. 176.

³ «Вестник Временного правительства», 11 марта 1917 г.

⁴ Н. Губский. Революция и внешняя политика России. М., 1917, стр. 5.

свои усилия и средства направила против внешнего врага.

8 марта во французском парламенте выступил новый премьер Рибо, только что сменивший на этом посту Бриана. В своей речи Рибо заявил о твердой решимости сформированного им правительства довести войну до полной победы. Коснувшись затем событий в России, глава французского правительства высказал пожелание, чтобы переворот произошел «без глубоких потрясений». При этом он принялся восхвалять Николая II, призывая воздать ему «акт благоговения» за его заслуги перед союзниками. Такой же «акт благоговения» спешили воздать поверженному монарху и другие союзники. Английский министр Бонар Лоу, ведавший в военном кабинете Ллойд Джорджа делами России, публично выразил отрешенность от престола императору симпатии и признательность господствующим кругам своей страны за его союзническую верность и непреклонную решимость довести войну до полной победы¹.

Соответственно вела себя и союзная буржуазная пресса. Так, английские корреспонденты в России в своих сообщениях из Петрограда уделяли больше внимания личности свергнутого монарха и его семье, нежели самой революции. Даже Набоков усмотрел в этом явную аполитичность и просил Милюкова повлиять на них. Было бы желательно, писал он, просить представителей западных газет «не уделять в своих корреспонденциях слишком много места рассказам о семье бывшего государя. Эти рассказы занимают газетные столбцы в ущерб сведениям более действительно государственного значения»².

За выступлениями с парламентской трибуны в адрес Временного правительства последовала серия приветственных телеграмм, в которых выражалась уверенность, что возрожденная Россия быстро восстановит внутренний порядок и с обновленной энергией поведет борьбу против ненавистного общего врага. В телеграмме Ллойд Джорджа министру-председателю Львову, присланной от имени британского объединенного военного кабинета, говорилось: высоко ценя лояльное и

¹ См. «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 61.

² АВПр, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 3, л. 159

решительное содействие, которое мы получали от бывшего императора и русской армии в течение двух с половиной лет, я тем не менее не сомневаюсь, что в результате установления нового правопорядка в России русский народ укрепитя в своем решении продолжать войну до полного разгрома неприятеля¹.

Примерно в том же духе было составлено приветственное послание князю Львову французского премьера Рибо, в котором подчеркивалось, что назначение Львова на пост главы русского правительства является счастливым предвестником твердой решимости добиться совместно с союзниками победоносного окончания навязанной им войны². Цель всех этих приветствий состояла в том, чтобы содействовать укреплению русской буржуазии у власти и помочь ей взять твердый курс на продолжение войны. В своих ответах на эти послания Львов и Милюков заверили дирижеров Антанты, что Временное правительство сделает все необходимое во имя торжества «общего великого дела» и что русский народ «не пощадит никаких жертв для обеспечения победы союзных армий».

Питая к русской революции откровенную неприязнь и враждебность, правящие круги союзников тем не менее пытались использовать ее международный авторитет для усиления антигерманской пропаганды и поднятия морального духа своих армий. Печать Англии, Франции, США и Италии стала усиленно подчеркивать «освободительный» характер войны со стороны союзников, изображать ее как священную борьбу «демократий» против австро-германского деспотизма. В речах министров, парламентариев, сенаторов как из рога изобилия посыпались слова «о великих идеалах свободы и демократии», о будущем «вечном мире».

Правда, и раньше государственные и политические деятели Запада бессовестно спекулировали на такой пропаганде. Но тогда им несколько мешало одно довольно «компрометирующее» обстоятельство, а именно: союз с царем и его прогнившим режимом, с которым уж никак не ассоциировались такие понятия, как свобода и демократия. Теперь же это обстоятельство «во-

¹ См. «Вестник Временного правительства», 15 марта 1917 г.

² G. Welter. Histoire de la Russie Communiste. Paris, 1935, p. 44—45.

лею провидения» было устранено. Союзники избавились от «единственного темного пятна», каковым во всей антигерманской коалиции, по словам Милюкова, являлся царизм, хотя не кто иной, как сам лидер кадетов, прилагал всяческие усилия к спасению романовского трона. В обращениях к России на страницах западных газет запестрели эпитеты: «родная», «кровная», «сестра западной демократии» и т. п.

Истинную причину «неподдельного» восторга союзников достаточно откровенно раскрыл в своих мемуарах все тот же сэр Бьюкенен. По его собственному признанию, «теплотой» своих выступлений на публичных митингах он старался показать, что он «всею душой на стороне революции». «Но если я с воодушевлением говорил о вновь добытой Россией свободой,—откровенничал посол,—то только допуская поэтическую вольность; это делалось ради того, чтобы подсластить мой дальнейший призыв к поддержанию дисциплины в армии и к борьбе, а не братанию с германцами. Моей единственной мыслью было удержание России в войне»¹.

Откровенную неприязнь к происшедшему перевороту испытывали и другие официальные представители союзников, в подтверждение чего можно было бы привести десятки свидетельств. Морис Палеолог, например, уже 23 марта не без раздражения сообщал в Париж, что он не питает ни малейшего доверия к новому режиму². Но и ему приходилось несколько подстраиваться под общий тон, хотя он и не обладал такой «эластичностью», как великобританский посол.

За фасадом официального оптимизма и потоком правительственных приветствий скрывались глубокая тревога и разочарование. Уже на второй день после формирования Временного правительства К. Набоков доносил, что английский министр иностранных дел Бальфур «очень встревожен известиями об опасности возобладания крайних элементов, высказывающихся за окончание войны»³. Английского дипломата, как и его коллег по кабинету, не очень-то успокоили заверения Набокова в том, что новое правительство сумеет одер-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 215.

² См. М. Палеолог. Указ. соч., стр. 412.

³ «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 88; К. Набоков. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 64.

жать верх над этим «разрушительным течением». Позже он писал, что руководители английского министерства иностранных дел и правительство с самого начала отнеслись к обновленной России «скептически». Они исходили из убеждения, что внутреннее потрясение неминуемо повлечет за собою ослабление России как воюющей державы¹. 8 марта помощник Бальфура лорд Гардинг телеграфировал Бьюкенену: «Министр иностранных дел получил сведения, причиняющие ему большое беспокойство относительно позиции, занятой в Петроградском Совете рабочих, и он боится, чтобы это настроение не стало распространяться»². Сам Гардинг в беседе с японским послом в Лондоне Цинда 21 марта (3 апреля) о положении в России прямо заявил: «Единственно, чего я опасаясь, это — усиления радикальных элементов»³.

Речь шла, конечно, о большевиках и их сторонниках, выступавших против империалистической войны и добивавшихся от Совета проведения бескомпромиссной, подлинно революционной политики, направленной против эксплуататорских классов. Большевики настойчиво призывали массы к углублению революции, предлагали смело идти по пути социально-экономических и политических преобразований. «Революция не кончилась, — разъясняли они, — требования восставшего народа поставлены, но еще не осуществлены. Осуществить их можем только мы сами... Революция продолжается»⁴. «Задача Временного правительства, — писала «Правда», — сводится к тому, чтобы дать рабочим и крестьянам как можно меньше. А задача крестьян, солдат и рабочих — отвоевать от помещиков и капиталистов как можно больше»⁵.

Ясно, что подобные призывы никак не согласовались с исходившими от союзных руководителей пожеланиями обойтись «без особых потрясений», т. е. без революционных преобразований. Между тем агитация большевиков с каждым днем все усиливалась, а их

См. К. Набоков. Указ. соч., стр. 70.

² «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 90.

³ «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 127.

⁴ «Правда», 8 марта 1917 г.

⁵ «Правда», 7 марта 1917 г.

влияние в народе возрастало. Это и заставляло английских лидеров говорить о своих опасениях вслух.

Такие же опасения испытывали во Франции, Италии и Японии. «Здесь следят с крайне напряженным вниманием за событиями в России», — сообщал из Рима русский посол М. Н. Гирс 5 марта. В свою очередь посол в Париже А. Н. Извольский уведомлял: «Здесь очень обеспокоены известиями из Петрограда о радикальном настроении Совета рабочих и солдат и, в особенности, о его тенденциях в пользу прекращения войны». В тех же выражениях характеризовал настроение правящих кругов Японии русский посол в Токио В. Н. Крупенский.

Беспокойство союзников возрастало с каждым днем. Спустя две недели Набоков снова информировал МИД о том, что английское правительство пребывает в состоянии крайней тревоги. Особенно сокрушались по поводу «дезорганизации» русской армии, считая, что она уже не является столь же сильной опорой и надежным фактором в войне, как прежде. Но опасались не только военного ослабления России, а и вообще потери ее как источника дешевого «пушечного мяса».

Этот пессимизм был порожден неутешительными для империалистов сообщениями из Петрограда. В последних числах марта Бьюкенен писал военному министру лорду Мильнеру: «Как все здесь изменилось со времени Вашего отъезда! (Мильнер приезжал в Петроград на союзническую конференцию, состоявшуюся в январе — феврале 1917 г. — В. В.) Хотя я был подготовлен к тому, что произойдет нечто неожиданное, однако я никогда не воображал, что царизм распадется на куски при первом дуновении революции. Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной»¹. В таком же мрачном состоянии пребывал и Палеолог, который был готов примириться теперь с тем, чтобы русская армия играла роль «если не активного фактора», то хотя бы «роль массы»².

Все больше волновался и новый союзник — Соединенные Штаты Америки. Как и в других странах,

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 224.

² См. М. Палеолог. Указ. соч., стр. 424.

в США с каждым днем возрастала тревога за положение в России. Вскоре после объявления конгрессом состояния войны с Германией русский поверенный в делах в Вашингтоне К. М. Ону доносил, что, несмотря на дружеские заявления государственного секретаря Лансинга, американское правительство обеспокоено свободой действий, которой пользуются в России революционные элементы, и слухами о подрыве дисциплины в армии. «Здесь общественное мнение и пресса,— продолжал он,— еще яснее отражают эти опасения, сводящиеся к сомнениям в верности России своим международным обязательствам и в важности ее, как фактора в борьбе с Германией»¹.

Но сомневались, конечно, не только в верности России ее международным обязательствам, в возможности успешного весеннего наступления русской армии и т. п. Главное состояло в том, что острое борьбы трудящихся масс России все больше направлялось против господства капитала. Империалистические круги США, как и их партнеры по коалиции, опасались, что русская революция подаст «дурной пример» народам других стран и резко усилит революционное движение во всем мире.

Видя озабоченность правящих кругов союзников, Временное правительство всячески старалось успокоить их и внушить им, по выражению Набокова, твердую веру в стойкость, дух и порядок в русской армии, как и в конечное торжество нового режима. Однако подобные заверения не столько успокаивали, сколько раздражали партнеров России по коалиции. «Я не могу разделять оптимизма, с которым князь Львов и его коллеги смотрят на положение»,— писал Бьюкенен Бальфуру в начале апреля. Революция, продолжал он, привела во временное бездействие машину управления, и во многих административных ведомствах царит дезорганизация. Война внушает мало энтузиазма, и социалистическая пропаганда усилилась благодаря прибытию из-за границы новых политэмигрантов (имелись в виду главным образом опять же большевики)².

Предводителей Антанты интересовали не красивые речи и широкие обещания, а практические результаты

---

¹ АВПР, ф. Посольства в Вашингтоне, д. 79, л. 67.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 225.

в борьбе с революцией и в деле мобилизации военных усилий. Борьба с революцией и удержание России в войне с самого начала являлись двуединой задачей союзнической политики в отношении России.

Двоевластие портит музыку

Как уже отмечалось, после свержения самодержавия в России установилось двоевластие, которое В. И. Ленин назвал в высшей степени замечательным своеобразием русской революции. Однако именно это своеобразие причиняло союзникам наибольшее беспокойство, ибо, хотя буржуазия и сформировала свое правительство, фактическая власть сосредоточилась в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что признавалось и самой буржуазией. Военный министр А. И. Гучков в «весьма секретном» письме начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву 9 марта писал: «Нам необходимо установить одинаковое понимание современного положения дел, считаясь в оценке последнего лишь с жестокой действительностью, отбросив всякие иллюзии... Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках... В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным отдавать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета»¹. Более того, Гучков прямо подчеркивал, что Временное правительство существует лишь, пока допускает это Петроградский Совет.

В свою очередь генерал Алексеев в телеграмме командующим фронтами, разосланной им 11 марта, отмечал: «Временное правительство не имеет реальной силы, фактически сосредоточенной в руках Совета Депутатов. Какое бы ни было распоряжение правитель-

---

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 429—430.

ства, оно может появиться в свет только при согласии Совета, который лишь в силу морального значения правительства считается с ним. Все основано на компромиссах»¹. То же самое засвидетельствовали и многие другие политические и государственные деятели, в том числе и бывший английский премьер Ллойд Джордж. «Россия,— писал он,— в то время управлялась Временным правительством... фактическая власть, однако, находилась в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»². Без согласия Петроградского Совета Временное правительство не могло предпринять ни одного сколько-нибудь важного шага.

Уже в первые дни после переворота революционные массы, наиболее зрелые в политическом отношении слои, требовали не только проведения активной антивоенной политики Петроградским Советом, но и передачи ему всей полноты государственной власти. Так, участники митинга на Выборгской стороне в Петрограде 1 марта приняли следующую резолюцию: «Вся власть до созыва Учредительного собрания должна быть сосредоточена в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, как единственного Революционного правительства». На следующий день эта резолюция была распространена на многих заводах и фабриках столицы, получив горячую поддержку передовых рабочих³. 3 марта в Москве собрание рабочих, солдат и студентов Замоскворечья также приняло постановление, требовавшее передачи власти Совету рабочих и солдатских депутатов⁴.

Многие рабочие рассматривали Совет именно как революционное правительство. Например, рабочие завода Щетинина в Петрограде 1 марта избрали своего представителя «во Временное революционное правительство — Совет рабочих депутатов». Точно так же и солдаты относились к Совету, как единственному полному правному органу государственной власти. На одном из

¹ А. Зайончковский. Кампания 1917 года. М., 1923. Приложение № 3.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 4. М., 1935, стр. 113; см. также К. Набоков. Указ. соч., стр. 107, 109, 128.

³ См. Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959, стр. 42.

⁴ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 459.

первых заседаний солдатской секции Петроградского Совета солдат-депутат в своем выступлении заявил: «Мы признаем Совет солдатских депутатов и больше никого — даже бога не слушаем».

Восставшие массы так и рассчитывали, что именно Петроградский Совет возьмет на себя функции государственной власти или образует для управления страной Временное революционное правительство. Однако эсеро-меньшевистские лидеры, оказавшиеся тогда во главе Совета, капитулировали перед буржуазией и добровольно уступили эти функции правительству Львова. Соглашатели остались верны своей догме: коль скоро революция буржуазная, значит, и власть должна принадлежать буржуазии. Советам же ни в коем случае не следует брать в свои руки бразды правления. «В Советах рабочих и солдатских депутатов,— признавал один из меньшевистских вождей — Церетели,— мы видели не органы, конкурирующие с правительством для захвата власти, а центры сплочения и политического воспитания трудящихся классов, созданные для обеспечения влияния этих классов на ход революции»¹.

Тем не менее в первое время Советы действовали как органы революционной власти. Они повели решительную борьбу за искоренение царского режима и демократизацию общественного строя, решали важнейшие вопросы момента: вооружение народа, обеспечение населения продовольствием, возобновление работы предприятий и т. д. На одном из своих первых заседаний Петроградский Совет принял исключительное по важности решение о создании на заводах и фабриках рабочей милиции, которая впоследствии послужила основой для формирования Красной гвардии — ударной силы Октябрьской революции.

Совет постановил также назначить своих комиссаров в районы, создал продовольственную комиссию и решил конфисковать все запасы муки в городе для снабжения населения хлебом. Одновременно было вынесено решение об установлении контроля над финансами, для чего назначались караулы в Государственный банк, в Главное и губернское казначейства, Монетный

---

¹ И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1. Париж, 1963, стр. 23.

двор и Экспедицию заготовления государственных бумаг¹.

Особо выдающуюся роль сыграл знаменитый приказ № 1, принятый Петроградским Советом 1 марта 1917 г., действие которого распространялось на весь гарнизон Петроградского военного округа, армию, артиллерию и флот. 2 марта он был опубликован в виде постановления Совета.

Согласно этому приказу, во всех воинских частях и на военных судах создавались комитеты из выборных представителей от нижних чинов. Солдаты уравнивались в политических правах со всеми гражданами государства. В приказе подчеркивалась необходимость избрания представителей от солдат в Совет рабочих депутатов. Особенно важное значение имел пункт приказа, в котором говорилось, что во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

Установленный приказом порядок создавал Совету в лице гарнизона мощную вооруженную опору, поскольку воинские части во всех своих действиях становились под контроль Совета. Чрезвычайно важным обстоятельством являлось и то, что оружие в воинских частях должно было находиться в распоряжении и под контролем солдатских комитетов. Приказ этот, признавал Суханов, в полном смысле слова был «продуктом народного творчества». Он сыграл исключительную роль в завоевании армии на сторону революции².

Такое положение с самого начала вызывало глубокую озабоченность союзников, так как «раздвоение власти» значительно обесценивало обязательства Временного правительства перед ними, порождало у них сомнения в способности проведения провозглашенного новым кабинетом курса. «Министры,— сообщал Бьюкенен 27 марта,— работают до упаду и питают наилучшие намерения. Но хотя мне все время повторяют, что их положение упрочивается, однако я не вижу никаких признаков укрепления их авторитета. Совет продолжает

¹ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 187—190.

² Подробно о деятельности Советов в указанный период см. А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март — октябрь 1917 г. М., 1967.

действовать так, как будто бы он является правительством...»¹

Особое беспокойство «раздвоение власти» вызывало в связи с тем, что Совет под давлением масс все больше и больше «вторгался» в область внешней политики. Еще 14 марта Петроградский Совет выступил с обращением «К народам всего мира», которое эсеро-меньшевистская печать разрекламировала как «манифест мира». И хотя этот «манифест» носил явно оборонческий характер, он не понравился ни русской, ни союзнической буржуазии. В нем наряду с призывом к защите завоеваний революции от внешнего врага содержался также призыв к решительной борьбе за мир и к противодействию захватнической политике империалистических правительств, что позволяло использовать его в целях пацифистской пропаганды. Разумеется, это не могло прийтись по душе буржуазно-помещичьим и военным кругам. По словам Н. Суханова, Милюков, прочитав обращение, заявил, что оно выражает точку зрения социалистических меньшинств Европы. Лидер кадетов, несомненно, преувеличивал, и в этом нет ничего удивительного, ибо он причислял к циммервальдистам даже Керенского, рьяно выступавшего за войну. Но эта оценка лишь подчеркивает, насколько неприятной была для буржуазных партий инициатива Петроградского Совета.

Немало обеспокоил «манифест» и союзников. Их послы в Петрограде тотчас потребовали от Временного правительства точного определения своего отношения к выступлению Совета. 17 марта Набоков телеграфировал из Лондона, что там в правительственных кругах царит тревога в связи с развитием событий в России.

За обращением «К народам всего мира» последовали другие выступления Петроградского Совета по вопросам войны и мира. На Всероссийском совещании Советов, состоявшемся в Петрограде в конце марта — начале апреля, была принята резолюция о войне, в которой содержалось требование об официальном отказе всех правительств от завоевательных программ. Под давлением Петроградского Совета, подталкиваемого революционными массами, Временное правительство обнародовало 27 марта декларацию о целях войны, в которой оно

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 222.

вынуждено было заявить о своем отказе от захватнических стремлений. И хотя это заявление представляло собой всего лишь ханжеский реверанс в сторону революционных требований масс, формальную, чисто словесную уступку (так как оно сводилось на нет последующей частью декларации, гласившей о полном соблюдении ранее заключенных договоров и соглашений), тем не менее оно ставило союзников, как и само Временное правительство, в «затруднительное положение».

Наибольшую тревогу и раздражение вызывало у союзников присутствие в Совете интернационалистов, и прежде всего большевиков, влияние которых с каждым днем все возрастало.

Вот почему союзники упорно добивались ликвидации двоевластия, что означало на практике подавление революции. По собственному признанию Бьюкенена, он «не упускал случая», чтобы не указать министрам Временного правительства на «гибельность последствий» социалистической пропаганды, особенно в армии, и горько сетовал на их бессилие в борьбе против нее. (Заметим, что английский посол, представляя одну из самых влиятельных держав Антанты, являлся одновременно и главой дипломатического корпуса. Поэтому его выступления приобретали особое значение.)

Настаивая на прекращении социалистической пропаганды, представители союзных держав настойчиво требовали от Временного правительства энергичных мер против Совета. В начале апреля Бьюкенен посетил князя Львова и в откровенной беседе серьезно обратил его внимание на состояние армии. «Я опасаюсь,— наседал посол,— что если только не будут немедленно приняты меры к недопущению социалистических агитаторов на фронт, то армия никогда не будет в состоянии принимать действительное участие в войне». При этом он прямо потребовал «избавиться от контроля Совета рабочих и солдатских депутатов», т. е., по существу, разогнать его¹.

Еще чаще с такими «советами» Бьюкенен обращался к своему «другу» Милюкову. Однако и Львов, и Милюков, как и их сотоварищи по правительству, считали

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 225; «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 136.

этот шаг пока «несвоевременным». Объясняя великобританскому послу ситуацию, князь Львов сказал, что Временное правительство не может этого сделать, так как оно рискует подвергнуться обвинению в замышлении контрреволюции.

Буржуазно-помещичье правительство смущали, конечно, отнюдь не сами обвинения, а тот факт, что оно еще не располагало необходимыми силами. Ему пришлось больше думать не о том, чтобы распустить Совет, а о том, как бы рабочие и солдаты не разогнали само Временное правительство, на что прямо указывалось в упомянутом выше письме Гучкова к генералу Алексееву. Палеолог в беседе с Милюковым 27 марта упрекал последнего за «неопределенность и робость» формулировок только что принятой правительственной декларации (от 27 марта), с помощью которых, по его же собственному признанию, Временное правительство скрывало свое намерение продолжать войну до победного конца. Милюков разъяснял французскому послу: «Мы вынуждены быть очень осторожными по отношению к Совету, ибо мы не можем еще рассчитывать на гарнизон для нашей защиты». И действительно, добавил от себя Палеолог, Совет является хозяином положения¹.

Положение Временного правительства было настолько непрочным, что вообще казалось, оно вот-вот вынуждено будет уступить место левым силам. Швейцарский посланник в Петрограде Одье 4 апреля сообщал в Берн, что «Временное правительство не располагает силами, которые оно могло бы противопоставить рабочим», и что «в некоторых дипломатических кругах» даже считают «весьма вероятным» его близкое падение². Спустя три дня он отправил в тот же адрес еще одно не менее характерное донесение: «Несмотря на кажущееся спокойствие, мы живем на вулкане, вследствие антагонизма между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов»³.

Несколько позже, когда Бьюкенен снова осаждал лидера кадетов своими советами и рекомендациями «покончить с контролем Совета», Милюков вынужден был

¹ См. М. Палеолог. Указ. соч., стр. 421.

² См. «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 131.

³ Там же, стр. 132.

и на этот раз утешать английского посла тем, что эта мера пока нецелесообразна и что для правительства гораздо выгоднее сохранить его как защиту от масс, настроенных куда «агрессивнее» самого Совета. Последний, сказал он послу, подвергается полной реорганизации. Количество его членов уменьшено до шестисот, и избран новый Исполнительный комитет. В результате преобразования он окажется более умеренным, но в то же время более сильным. Поэтому не следует отвергать его притязаний на контроль и направление политики правительства¹.

Но дело, конечно, не в том, что Милюков осознал наконец «благотворность» контроля со стороны Петроградского Совета и его влияния на направление деятельности правительства, отнюдь нет. Кому-кому, а правофланговому кадетов не меньше других хотелось разогнать этот «Красный конвент». По его собственному признанию, он прилагал все усилия к тому, чтобы парализовать энергию Совета, избавиться от его «опеки», но был обречен на поражение. В течение первых двух месяцев революции, пишет Милюков в своих воспоминаниях, он вел активную борьбу на три фронта: против циммервальдизма, за сохранение общей внешней политики с союзниками; против стремлений Керенского к усилению его собственной власти и за сохранение полноты власти правительства. «Во всех трех направлениях,—подытожил он,—мои усилия оказались тщетными»².

Желание видеть Временное правительство полновластным хозяином было столь велико, что Бьюкенен стал говорить об этом не только с министрами-капиталистами, но и с министром-социалистом Керенским, являвшимся одним из товарищей председателя Петроградского Совета. «Правительство,—убеждал он министра юстиции во время беседы с ним 26 марта,—никогда не станет хозяином положения, пока будет допускать, чтобы им командовала соперничающая организация»³.

Керенский, конечно, был солидарен с мнением английского посла в части укрепления авторитета прави-

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228.

² П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2. Нью-Йорк, 1955, стр. 323.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 223.

тельства, однако он вынужден был заявить, что не чувствует мысли о применении «в настоящее время» энергичных мер против Совета, как и против социалистической пропаганды в армии, успокоив своего собеседника тем, что эта пропаганда прекратится, а Совет «умрет естественной смертью».

Прогноз «заложника демократии» не вызывал у собеседника особого доверия, но тем не менее он ему весьма импонировал. Во всяком случае, из этого разговора сэру Джорджу стало ясно, что Керенский далеко не тот представитель Совета, за которого он выдает себя, и что в его лице правительства Антанты найдут неплохого союзника в борьбе против революции. Спустя две недели Бьюкенен в продолжительной беседе с Керенским в здании английского посольства снова внушал последнему те же идеи, подчеркнув, что его «вера в армию и даже во Временное правительство поколебалась». Керенский внимательно выслушал наставления и под конец заявил, что их разговор не останется бесследным и несомненно принесет пользу¹.

Разумеется, союзников беспокоило не просто двоевластие в узком смысле слова, а весь многосложный революционный процесс: борьба рабочего класса за свои права, за удовлетворение его насущных требований — «ненасытные аппетиты рабочих», как выражались некоторые официальные представители Запада, разраставшееся крестьянское движение, общедемократическая борьба за мир, активизация профсоюзов, фабзавкомов, солдатских комитетов и всех других форм массового движения. Поэтому под ликвидацией двоевластия подразумевалось не только устранение Советов, а подавление всего революционного движения и прежде всего большевистской партии. В глазах внутренней и внешней реакции в Советах как в фокусе сконцентрировалось все зло революции. Советы явились той формой организации трудящихся, которая содействовала широкому вовлечению их в процесс активного революционного творчества, росту их самостоятельности, перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую.

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 226.

Морально-политическое воздействие было далеко не единственным средством, к которому с самого начала прибегли союзники, чтобы подтолкнуть Временное правительство к более решительной борьбе с развивающейся революцией. Они использовали и другие рычаги, и прежде всего пресловутую материальную помощь в виде кредитов и военных поставок. Временному правительству определенно дали понять, что России будет отказано в помощи, если оно не наведет в стране «надлежащего порядка», т. е. если оно не покончит с двоевластием в свою пользу. Тон задавала Англия. Английское правительство, доносил Набоков 29 марта, готово оказать Временному правительству всевозможную помощь, но оно опасается за устойчивость его положения и потому проявляет в данном вопросе известную «осторожность». Совокупность газетных известий, отмечал он, указывает на «раздвоение власти», и до тех пор, пока не выяснится, является ли Временное правительство полновластным хозяином и способно ли оно парализовать вредное влияние крайних партий и их органа, «нельзя ожидать от английского общества полной уверенности в боевой мощи России». А поскольку такой уверенности не было, правящие круги Англии стали тормозить предоставление кредитов и поставки, о чем доносили в МИД и военному министру русские дипломатические и военные представители в Лондоне.

Настойчиво требуя от Временного правительства выполнения решений конференции в Шантильи¹, подтвержденных на Петроградской межсоюзнической конференции (январь — февраль 1917 года), английское правительство в то же время игнорировало рекомендации этой конференции относительно предоставления России необходимых кредитов для приобретения вооружения и снаряжения. По этому поводу 25 марта Милюков телеграфировал в Лондон Набокову: «Английское казначейство решило... отпускать нам кредиты... в размерах, определенных предыдущим финансовым соглашением, т. е. значительно меньше против норм февральской конференции».

¹ См. гл. II, стр. 99.

Министр иностранных дел обращал внимание поверенного в делах на то, что Англия вообще стала проявлять «сдержанность» в открытии новых кредитов. Он просил убедить британское правительство в необходимости выполнения рекомендаций Петроградской конференции, в частности относительно заключения нового финансового соглашения, предоставившего бы России большой кредит. Однако все попытки Набокова в этом направлении оказались безуспешными. 3 апреля он доносил, что отношение английского министерства финансов к вопросу о русских кредитах граничит с обструкцией. И в дальнейшем английское правительство, все больше проявляя недовольство развитием событий в России, придерживалось в основном той же линии.

Аналогичная картина имела место и в отношении военных поставок. Как выяснилось позже, еще в середине марта английский военный атташе в Петрограде Нокс отправил британскому военному ведомству телеграмму с просьбой задержать заготовленное для России военное снаряжение¹. Английское правительство и само, и через своих представителей в России неоднократно и недвусмысленно заявляло, что обещанное им снабжение русской армии находится в прямой зависимости от состояния русского фронта и стабильности внутреннего положения.

Именно в этот период, т. е. еще до апрельского кризиса, в английских правительственных кругах возникла мысль предпринять коллективное выступление, пригрозив России приостановкой доставки всех видов военных материалов, «если не будет немедленно подавлена разрушительная пропаганда»². Правда, от этого шага пришлось пока воздержаться из опасения «сыграть в руку социалистов», которые, по мнению Бьюкенена, могли бы этим воспользоваться для заключения мира, сославшись на невозможность для России продолжать войну без снабжения ее союзниками.

Такую же тактику, как и в Лондоне, избрали правительства Парижа и Рима. Русский посол в Италии Гирс на соответствующие запросы из Петрограда сообщал,

---

А. Кнох. With the Russian Army, 1914—1917, vol. 2. London, 1921, p. 575—578.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 226.

что обращение в настоящий момент к итальянскому правительству с вопросом о получении займа для оплаты размещенных там военных заказов бесполезно, так как оно наверняка ответит отказом. Он рекомендовал ограничиться финансовыми сделками с промышленными группами, принимавшими русские заказы, и с частными итальянскими банками, у коих были уже заключены займы для оплаты прежних заказов, «лишь в крайнем случае» прибегая к непосредственному содействию итальянского правительства.

Таким образом, кредиты и поставки служили одновременно и кнутом, и пряником, а именно: союзники обещали Временному правительству увеличить «паек», если оно напряжет все силы и будет упорно продолжать империалистическую войну, и, наоборот, грозили оставить без помощи или свести ее до минимума, если она «увязнет в хаосе», т. е. не овладеет положением в стране и не сможет вести активных боевых операций.

Особенно откровенно к политике кнута и пряника прибегало вашингтонское правительство, твердо заявившее, что курс на продолжение войны является непременным условием предоставления России кредитов и военных материалов. 8(21) апреля государственный секретарь США Лансинг направил Френсису инструкцию, в которой, в частности, говорилось: «Конгресс вотировал 7-миллиардный заем. 3 миллиарда должны быть даны России и союзным правительствам... но последние, широко распространяемые в печати сообщения о том, что новое правительство находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению сепаратного мира... сильно вредят русским интересам здесь, и если эти сообщения не прекратятся, то это может помешать России получить свою долю в займе, предоставляемом союзникам»¹.

Послу предписывалось широко оповестить об этом русских вождей, «насколько это позволяет деликатность», и настаивать, «чтобы были приняты все меры к исправлению злополучного дурного впечатления, произведенного на американский народ». Далее следовали щедрые обещания дядюшки Сэма облагодетельствовать тех, кто изъявит готовность внять его советам. «Если

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 132.

новое правительство,— продолжал государственный секретарь,— сможет поддержать порядок и успешно продолжать войну, нельзя достаточно оценить то чувство восторженной дружбы к России, которое родится здесь и откроет огромные возможности для ее развития после войны»¹. В противном случае, предупреждал он, Россия лишит себя всякой возможности получить содействие со стороны Америки.

Соединенные Штаты еще не принимали непосредственного участия в сражениях, не произвели ни единого выстрела по вражеским позициям, но уже требовали от России неукоснительного выполнения союзнического долга. «Необходимо,— писала в эти дни газета «Нью-Йорк Геральд»,— чтобы Россия дала доказательства тому, что она по-прежнему решила идти до конца со своими союзниками»².

Но, пожалуй, еще более жесткую позицию, чем западные державы, заняли в этом вопросе правящие круги Японии. 24 марта Милюков дал русскому послу в Токио Крупенскому указание просить японского министра иностранных дел побудить местных банкиров возобновить переговоры о размещении в Японии русского займа для оплаты русских военных заказов. Однако эта просьба не дала положительных результатов. В ответной телеграмме от 27 марта Крупенский сообщал: «Банкиры до сих пор проявляют колебания в вопросе о русском займе». Ничего не добился он и при повторном объяснении с министром иностранных дел. Последний заявил, что японские банкиры «при всей своей готовности» содействовать реализации русского займа «не могут в настоящую минуту рассчитывать на покрытие оного публичной подпиской, так как здешняя пресса и широкие общественные круги еще недостаточно проникнуты уверенностью, что в России установлен прочный порядок». Японский министр обещал способствовать скорейшему помещению в Японии русского займа. Но при этом не преминул добавить: если бы из России стали поступать более определенные сведения об успешном ходе дел, то это значительно продвинуло бы разрешение вопроса о займе.

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 132.

² «New-York Herald», 24. III. 1917.

Под успешным ходом дел собеседник русского посла подразумевал укрепление власти буржуазии, подавление революционного движения и активное продолжение войны. Сведения же, поступавшие из Петрограда, были для них неутешительными. В телеграмме, отправленной в Токио 18 марта, Ушида писал: «Внутреннее положение по внешнему виду благоприятное, но на самом деле оно, наоборот, включает в себе большие опасности. Кроме того, оно изо дня в день ухудшается... Революция уже чрезвычайно вредно отразилась на фронте и в деревне. На фронте между офицерами и солдатами плохие отношения, а солдаты не только не подчиняются приказам офицеров, но многие из них оставляют фронт...»¹ Особенно поражал посла размах крестьянского движения. «За последние дни,—отмечал он,—аграрное движение весьма распространилось и результаты его вызывают опасения».

В конце концов японские банкиры, не без консультации с правительством, напрямик отказали в займе, хотя министр финансов Японии и обещал «деятельно двинуть» этот вопрос. Между прочим, отказывая в предоставлении займа, японские банкиры в то же время настойчиво торопили Временное правительство с платежами по краткосрочным финансовым обязательствам царского правительства.

Нельзя не отметить также, что кредиты и военные поставки служили у союзников жестким хлыстиком для России не только в вопросах продолжения войны и подавления революции, но и в отношении поставок ею союзникам сырья и продовольствия. Бальфур, например, еще в первых числах марта спешил предупредить Временное правительство о необходимости своевременного выполнения обязательства царского правительства по поставкам Англии и Франции пшеницы. В телеграмме от 11(24) марта он просил Бьюкенена немедленно выяснить, возможны ли какие-либо отклонения в этом отношении, и предписал ему «указать» новым министрам, что «всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию»².

---

¹ «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 100.

² «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 117.

Стремясь активизировать Временное правительство и соглашательские партии в деле продолжения войны и подавления революции, союзники решили припугнуть их возможностью германского наступления. В союзной прессе стали появляться явно инспирированные статьи, цель которых заключалась в том, чтобы подтолкнуть Германию к активным операциям на восточном театре войны. Так, еще 13(26) марта в передовой статье одной из английских вечерних газет указывалось: ...вследствие переворота Россия временно ослаблена и что Германия должна приложить все усилия, чтобы революция перешла в анархию, которая даст ей возможность нанести решительный удар России»¹.

Названная статья была далеко не единственной. 4(17) мая газета «Морнинг пост» поместила корреспонденцию, основная мысль которой сводилась к тому, что из-за полной анархии внутри страны Россия фактически вышла из войны и это дает Германии возможность направить все силы против Франции, а затем в любое время разбить и Россию². Вся корреспонденция явно перекликалась с предыдущей, хотя в ней «первый удар» Германии автор «предсказывал» против Франции.

Такие прогнозы давали, однако, не только «бесконтрольные» газетные корреспонденты. Подобные настроения были широко распространены и в самих правительственных кругах Лондона. Еще 21 марта (3 апреля) помощник Бальфура лорд Гардинг в беседе с японским послом Цинда заявил, что большое наступление Германии на Востоке «будет великим счастьем для России»³. Спустя некоторое время то же самое услышал японский посол и от другого, еще более влиятельного члена британского правительства, лорда Роберта Сесилия, исполнявшего в отсутствие Бальфура обязанности министра иностранных дел. Выражая надежду на улучшение месяца через два общего положения в России, он добавил: «Это настроение (в пользу войны.— В. В.) еще более утвердится в стране в случае каких-либо действий со стороны немцев»⁴.

С заявлениями английских политиков переклика-

¹ «Константинополь и проливы», т. 1. М., 1925, стр. 474.

² «Morning Post», 17. V. 1917.

³ «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 102.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 135.

лось замечание бельгийского посланника в Петрограде, брошенное им в беседе с японским послом Ушида 17 марта. Если немцы, заявил он, не воспользуются существующим благоприятным случаем для нападения на русскую столицу, они окажутся просто глупцами¹. Эти мысли явно были навеяны из Лондона. Англичане нередко действовали в Петрограде через бельгийских представителей, используя их в своей дипломатической игре.

Одновременно в адрес России стали раздаваться угрозы и другого порядка. Ее стали предупреждать, что если она прекратит военные действия и все бремя войны переложит на союзников, то ей придется иметь дело с Японией. Последняя, согласно имеющемуся между союзниками договору, получит право занять всю Сибирь, вплоть до Урала. Об этом, в частности, говорилось в интервью одной из московских газет с итальянским генеральным консулом². Сообщая о нем своему министру иностранных дел, японский посол в Петрограде писал: «Газетные статьи о возможности объявления Японией войны России, конечно, только слухи, но в настоящее время это — полезное давление на русских». Они были пущены газетами и некоторыми государственными деятелями «как средство оказать поддержку правительству»³.

Последующие события показали, однако, что это были не только «слухи». Бесспорно, их авторами являлись прежде всего сами союзники, в данном случае представители Италии и Японии. Но они явно перестарались, вызвав острое недовольство революционных масс России. Даже Бьюкенен, отнюдь не отличавшийся щепетильностью в выборе средств, напуганный ростом антисоюзнических настроений в России, был вынужден опубликовать разъяснение, что подобного договора не существует и союзники никогда не имели в виду просить Японию оказать давление на Россию. Одновременно он обратился к своему правительству с просьбой выступить по этому поводу с официальным опровержением, которого, кстати сказать, так и не последовало.

Союзные представители в Петрограде очень часто

---

¹ См. «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 101.

² См. «Красный архив», 1927, т. 5(24), стр. 140—141.

³ Там же, стр. 138.

посылали в свои страны преувеличенно мрачную информацию о положении в России, понуждая тем самым свои правительства к более активному вмешательству в русские события. Военные представители доносят, сообщал Набоков из Лондона 29 марта, о продолжающейся агитации в войсках в пользу сепаратного мира, о прямом упадке производительности заводов, изготовляющих вооружение, о бессилии Балтийского флота¹. Аналогичные тревожные сообщения поступали и из других союзных столиц. Между тем, по признанию самого Временного правительства, клеветавшего на революцию не менее союзников, ни одна из политических партий России никогда не призывала к сепаратному миру. Приехавшие в Россию английские и французские социалисты подтвердили, что «все буржуазные органы печати (западных стран.— В. В.) искажают истинное положение дел в России»². Немало искажений было и в самой социалистической прессе. Все это подогревало обстановку и помогало правящим кругам Запада проводить враждебную политику в отношении русской революции. Постепенно давление все более усиливалось. Пополнялся и арсенал средств борьбы с революционным движением.

Пасторы II Интернационала в цитадели революции

Видя, что правительство Львова никак не может справиться с революционным движением в стране, союзники поспешили ему на помощь. Наиболее целесообразным для текущего момента они сочли посылку в Россию «патриотически настроенных» социалистов с целью непосредственного воздействия на русскую «революционную демократию», и прежде всего на Совет. Социал-патриоты западных держав и сами уже включились в эту работу. В первых числах марта лидеры английских, французских и бельгийских социалистов направили Петроградскому Совету телеграммы, призывая его к «умеренности» и «осмотрительности», другими словами, к сдерживанию революционного порыва на-

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 3, т. 1, л. 198.

² «Красный архив», 1926, т. 2(15), стр. 65.

родных масс. Мысль об этом была подсказана из Петрограда и русской Ставки. В Париже и Лондоне за нее охотно ухватились. Бьюкенен еще 2 марта просил Бальфура и Ллойд Джорджа «побудить английских лейбористских лидеров послать телеграмму лейбористским лидерам Думы (Керенскому и Чхеидзе)» и выразить в ней уверенность, что они поддержат борьбу держав Антанты против германского блока¹. При этом посол рекомендовал обратить особое внимание на необходимость «гражданского мира», т. е. сотрудничества трудящихся масс со своими эксплуататорами в интересах последних.

С таким же пожеланием адресовался к своему военному министру начальник французской военной миссии в России генерал Жанен, предлагая ему войти в сношение с французскими социалистическими организациями и побудить их обратиться к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до победного конца. Вскоре из Парижа поступил ответ, уведомлявший, что предложение Жанена реализовано².

7 марта руководители французских социалистов Жюль Гед, Самба и Альбер Тома, сотрудничавшие со своей буржуазией в духе «священного единения», послали в Петроград телеграмму, в которой предостерегали «партию Керенского» от радикальных настроений в отношении мира и призывали русский народ «к новым усилиям в пользу войны»³.

Аналогичное послание поступило от лидера английских лейбористов члена военного кабинета Гендерсона, составленное им по поручению кабинета в соответствии с рекомендациями Бьюкенена.

Английскому и французскому примеру последовали руководители бельгийских социалистов. Русский посланник при бельгийском дворе Д. А. Нелидов 10 марта сообщил Милюкову, что бельгийские социалисты во главе с министром Вандервельде отправили через бельгийского посланника в Петрограде воззвание Петроградскому Совету «с призывом к умеренности и единению

---

¹ См. Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 4, стр. 111—112.

² См. «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 67—68.

³ «Известия Петроградского Совета», 11 марта 1917 г.

на почве борьбы с внешним врагом»¹, т. е. к поддержке антинародной политики господствующих классов. Подобные же телеграммы по рекомендации Френсиса слал из-за океана председатель американской федерации труда лжесоциалист Гомперс, указывавший на «опасность» дальнейшего развития революции и призывавший трудящихся России стать на путь единства и сотрудничества с буржуазией во имя защиты «национальных интересов демократии от австро-германской автократии»².

Лейбористские лидеры Думы, к которым апеллировали западноевропейские и американские оппортунисты, разумеется, и не помышляли о прекращении войны, о чем они тут же и уведомили своих зарубежных единомышленников. В ответной телеграмме Геду, Самба и Тома Керенский и К⁰ заверили антантовских социал-патриотов, что в своем стремлении довести войну до победного конца они найдут в лице «русской демократии» верного друга и союзника. Однако в Петроградском Совете, являвшемся подлинным хозяином положения в стране, были представлены не только сторонники войны, но и ее противники — большевики, решительно выступавшие против продолжения преступной империалистической бойни. И хотя большевистская партия в силу ряда причин временно оказалась в меньшинстве, союзники не знали, какая тенденция возобладает в Совете, удастся ли оборонцам одержать верх и за кем пойдут массы. События же развивались столь стремительно, что корректировать их с помощью писем и телеграмм было невозможно. Поэтому в Лондоне и Париже было признано необходимым установить с Петроградским Советом, с русской «революционной демократией» непосредственный контакт и помочь эсеро-меньшевистскому руководству, а через него и Временному правительству приглушить антивоенные настроения как внутри Совета, так и за его пределами, парализовать деятельность большевистской партии.

В пользу этого плана высказалось и само Временное правительство, а также его официальные представи-

¹ «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 97.

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia» (далее: «Foreign Relations. 1918. Russia»), vol. 1. Washington, 1931, p. 16, 18.

тели за границей. Узнав от Альбера Тома об упомянутой телеграмме в адрес «партии Керенского», Извольский тут же выразил пожелание, чтобы французские социалистические деятели оказали прямое воздействие на Петроградский Совет. Последние охотно откликнулись на это предложение, тем более что оно совпадало с их собственными намерениями. По согласованию между правительством Рибо и социалистическим руководством было решено послать в Россию трех представителей социалистической фракции парламента: Мутэ, Лафона и Кашена. Вместе с ними отправились двое русских эмигрантов — Дуров и Толмачевский.

За французами последовали англичане. Уже вскоре после формирования кабинета Львова Бьюкенен предложил своему правительству вмешаться в ход событий и помочь последнему в борьбе с антивоенными настроениями, а это значит, в первую очередь, в борьбе с революцией. «Как вам известно,— доносил Бьюкенен Бальфуру 13 (26) марта,— крайней рабочей партией ведется активная пропаганда против войны, причиняющая большое беспокойство русскому правительству». Последнее же не имеет достаточных сил, чтобы бороться с их пропагандой и препятствовать свободному передвижению агитаторов, следовательно, необходимо самим предпринять какие-либо меры. Он рекомендовал привлечь к этому делу бывшего члена II Государственной думы Аладьина, эмигрировавшего вскоре после ее роспуска в Англию. «Мне говорили,— телеграфировал Бьюкенен,— что для борьбы с партией, которая ведет агитацию против войны, был бы полезен приезд сюда члена II Думы Алексея Аладьина, который давно живет в Англии. С ним бы надо было посоветоваться и относительно приезда других»¹.

Одновременно посол рекомендовал привлечь к «работе в пользу войны» проживающих в России английских подданных, знающих русский язык. «Военный атташе,— сообщал он,— уже привлечен к агитационной работе в войсках, и было бы ошибкой с нашей стороны отказаться от этой меры»². Сам посол, как мы видели, тоже активно включился в кампанию. Предложение о

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 119.

² Там же.

поездке Аладьина оказалось неприемлемым. Его кандидатура встретила возражение самого Временного правительства, о чем Милюков откровенно высказался Бьюкенену¹. Однако сама идея срочного «импорта» проповедников войны получила полное одобрение. По соображениям момента, предпочтение было отдано социал-патриотам. Аладьина же решили пока попридержать в резерве. Его услугами воспользуются несколько позже, в период корниловщины.

Английское правительство, как и французское, тоже решило послать трех парламентариев. В состав делегации вошли видные деятели лейбористской партии Дж. О'Греди и Б. Торн. Первый из них являлся председателем Генеральной федерации тред-юнионов Англии. Возглавил делегацию секретарь Фабианского общества лейтенант У. Сандерс. В качестве сопровождающего и консультанта к ним был прикомандирован ренегат Г. Алексинский. Левая социалистическая газета «Колл» с полным основанием характеризовала Сандерса и его спутников как прямых ставленников правительства, отправившихся в Россию с его благословения для развертывания шовинистической пропаганды².

15 (28) апреля Роберт Сесиль в беседе с японским послом Цинда прямо заявил, что представители рабочих и социалистов, посланные в Россию, получили указания от своих правительств воздействовать на крайние элементы в России и что их агитация там направлена также на ослабление социалистических тенденций в других странах. Франция, добавил он, с этой целью командировала еще Альбера Тома. В скором времени туда отправятся лидер бельгийских социалистов, министр в правительстве Броквиля — Вандервельде, а также член британского военного кабинета Гендерсон³.

По этому поводу Милюков писал: «Когда в Париже и Лондоне узнали, что между «социалистическим» Советом и «буржуазным» правительством возникает конфликт, то, естественно, явилась идея при помощи

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 123. (Аладьин — некогда известный политический деятель, трудовик, член II Думы, со временем выродился в политического авантюриста.)

² См. А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, стр. 183.

³ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 134—135.

заграничных «товарищей» устроить между ними некое «священное единение»¹. Еще более конкретное свидетельство на сей счет оставил в своих мемуарах русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов, познакомившийся с английскими и французскими социал-патриотами, в том числе и с Альбером Тома, когда они останавливались в Стокгольме по пути в Россию. «В тот момент,— писал Неклюдов,— они открыто заявляли о своем намерении воззвать к благоразумию наших крайних социалистов и особенно — бороться с большевистской пропагандой»².

В конце марта делегации английских и французских социалистов прибыли в Россию, где они находились более месяца. За это время прислужники буржуазных правительств Запада выполнили обширную программу. В Петрограде они выступали на Всероссийском совещании Советов и на заседании Петроградского Совета, вели длительные переговоры с исполкомом Совета о необходимости ведения войны и ее целях, встречались с Временным правительством и некоторыми министрами, с думскими деятелями, беседовали с редакторами ведущих газет, посещали воинские части и промышленные предприятия. После столицы английские и французские парламентарии побывали в Москве, где выступали с воинственными речами на многочисленных собраниях и митингах. Затем последовала десятидневная поездка по Северному и Западному фронтам. И всюду они агитировали за продолжение войны до победного конца, разбавляя свои призывы цветистыми фразами о революции и патриотическом долге. Не ограничиваясь устной пропагандой, делегации сделали несколько заявлений для печати, обращались с письмами в адрес рабочих организаций и конференций. Сандерс написал брошюру о целях Англии в войне, предназначенную специально для распространения среди русских солдат³.

Перед тем как приступить к выполнению возложенной на них миссии, английские и французские парламентарии получили напутствие Палеолога и Бьюкенена.

¹ П. Н. Миллюков. Воспоминания, стр. 351.

² A. Nekludoff. Souvenirs diplomatiques. En Suède pendant la guerre mondiale. Paris, 1926, p. 304.

³ См. А. В. Игнатъев. Указ. соч., стр. 184.

1 (14) апреля Палеолог записал в своем дневнике: «Мои три компатриота явились сегодня утром ко мне в кабинет. Мы прекрасно спелись друг с другом насчет задачи, которую им предстоит здесь выполнить»¹. (Подчеркнуто мною.— В. В.)

Как явствует из дальнейшей записи, посол рекомендовал им снискать расположение Совета и, выступая «с благожелательной твердостью», доказать всем его депутатам, что судьба русской революции неразрывно связана с судьбой войны. Если это удастся, подчеркивал он, то русская армия опять сможет играть важную роль в стратегических планах Антанты и позволит осуществить ее «программу мира», т. е. экспансионистские планы англо-французского империализма.

В тот же день инструктировал своих соотечественников и Бьюкенен, который также вынес весьма благоприятное впечатление из состоявшейся с ними продолжительной беседы и надеялся, что их миссия принесет союзникам несомненную пользу. Посла несколько огорчало лишь то обстоятельство, что присланные в Россию «рабочие делегаты» не пользовались никаким доверием у «крайних социалистов», т. е. большевиков, и это, по его мнению, могло серьезно помешать выполнению возложенной на них задачи.

6 апреля делегации английских и французских социалистов присутствовали на заседании исполнительного комитета Петроградского Совета. Они предложили выработать совместно с русскими социалистами общую линию поведения во внешней и внутренней политике, дабы не оказаться в оппозиции друг к другу, так как это, по их словам, имело бы весьма печальные последствия. Гости единодушно одобрили политику соглашательских партий, направленную на поддержку буржуазного Временного правительства и продолжение преступной империалистической войны.

Любопытна и еще одна деталь в поведении союзных социалистов. Хотя правительственный характер миссии английских и французских парламентариев не вызывал сомнений, они всячески старались скрыть это от широких масс, доказать свою «самостоятельность» и «неза-

---

¹ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 423, 424.

висимость». Выступая на упомянутом заседании исполкома от имени обеих делегаций, французский делегат прежде всего пытался «опровергнуть» появившиеся в шведской левосоциалистической печати разоблачения и обвинения в том, что они прибыли в Россию по заданиям своих правительств. По его словам, действительная цель их приезда заключалась в желании собственными глазами увидеть изменения, произошедшие в России в результате революции, посмотреть, как «демократия» на практике справляется с задачами, стоящими перед ней, короче, увидеть ее «за работой».

Но когда один из большевиков, присутствовавших на заседании и резко осудивших поведение командированных в Россию социалистов, спросил, почему же в таком случае среди них нет ни одного представителя социалистического меньшинства, тех, кто находится в оппозиции к правительству и политике социалистического большинства, последовал более чем курьезный ответ. Оказывается, согласно заявлению Лафона, «среди меньшинства не нашлось ни одного желающего поехать»¹. Ложь, конечно, была вполне очевидной, да и преподнесена она была в такой форме, что вызвала неловкость даже среди тех, кто очень хотел бы оставить ее незамеченной. Членам исполкома было хорошо известно, как обстояло на самом деле.

Союзные правительства сделали все возможное, чтобы не допустить в Россию представителей социалистического меньшинства, опасаясь, что их присутствие там еще больше поощрит левые силы и умножит влияние русской революции на другие страны. О позиции правящих кругов западных держав в этом вопросе ярко свидетельствует письмо представителя итальянских левых Моргари к представителю левого крыла шведской социал-демократии Хеглунду, датированное 13 (26) июня, в котором говорится, почему он был вынужден отказаться от поездки в Стокгольм и в Петроград. «Из Голландии, где я нахожусь сейчас,— писал Моргари,— я смог бы избрать три пути: через Англию (отказано), путь через Германию... и путь через «свободный канал», доступный для путешественников «воинствующих». Всевозможные шаги, предпринятые мной и

---

¹ «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 67.

другими лицами, чтобы иметь возможность воспользоваться этим путем, оказались бесполезными. После полутора месяцев тщетных усилий я отказался от моих намерений... Я не имел возможности исполнить мою миссию, возложенную на меня партией,— войти в сношение с Советом в Петрограде. Увы, французские и английские представители меньшинств также не получили возможности побывать в Петрограде. Таким образом, Совет слышал только таких итальянских «социалистов», как Лабриола, Раймондо, Лерда; все они трое «jusqu'au bout-исты» (т. е. сторонники войны до конца.— В. В.) и все трое не состоят в партии с 1914 г.»¹. Английские власти воспрепятствовали поездке в Россию даже такого липового социалиста, как Макдональд, опасаясь, что его визит приведет к росту пацифистского движения в Англии².

Так что правду скрыть не удалось. В иностранной и русской социалистической прессе появились материалы, разоблачавшие и осуждавшие истинную роль «оплаченных эмиссаров» союзных правительств.

Наиболее решительно выступили ленинская партия, большевистская печать, разъяснявшая в своих статьях, что зарубежные гости, выдающие себя за друзей русских рабочих и солдат, на самом деле являются изменниками социализма, платными агентами империалистов³. Еще на приеме в исполкоме 6 апреля А. Г. Шляпников от имени большевистской фракции заявил, что цель приезда делегаций — подогнать русские армии в наступление⁴.

Разоблачению подлинной роли английской и французской делегаций помогли социалистические меньшинства этих стран. Французская социал-патриотическая троика сама привезла письмо представителей меньшинства, заявивших о своем несогласии с политической линией социалистического большинства. Между прочим, даже Палеологу, верному стражу интересов реакционных кругов Франции, показалась несколько странной роль прибывших в Россию соотечественников: защи-

¹ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 33.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 237, 243—244.

³ См. «Правда» и «Социал-демократ» за 14 и 21 апреля 1917 г.

⁴ См. «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 66.

щать франко-русский военный союз с его ярко выраженной империалистической сущностью от революционного народа, союз, на который, по словам посла, французская социалистическая партия не переставала нападать в течение двадцати пяти лет¹. Однако факты остаются фактами.

Что касается английских делегатов, то вскоре после приема их исполнительным комитетом из Англии пришли разоблачающие сведения. Британская социалистическая партия, стоявшая в основном на интернационалистических позициях, минуя цензуру, сумела передать в Россию, что Сандерс и его спутники посланы не рабочим классом Великобритании, как это они изображали, а ее правительством. Находящиеся в России делегаты, заявила Независимая рабочая партия, «вовсе не представляют английских социалистов»².

Эти разоблачения вызвали глубокое возмущение в революционной среде. Даже соглашательский в своем большинстве Исполком Петроградского Совета вынужден был 13 апреля в специальном постановлении выразить сожаление по поводу того, что вступил в контакт с делегатами, осужденными двумя социалистическими партиями Англии³. Данное постановление, однако, не было опубликовано в печати. Закулисные переговоры и сделки эсеров-меньшевистских лидеров с западными социал-патриотами заставляли их всячески выгораживать своих единомышленников. Взятый курс требовал от них соблюдения «лояльности» и по отношению к самим правительствам Англии и Франции, которым не хотели причинять лишние огорчения. На выручку соглашателям подоспела английская шовинистическая национально-социалистическая партия. Ее председатель Г. Гайндман прислал на имя Керенского телеграмму, потребовав «опровергнуть самым решительным образом» заявления Независимой рабочей партии о миссии английских парламентариев и разъяснить массам, что Торн, О'Греди и Сандерс являются представителями трудового класса Великобритании⁴.

¹ См. М. Палеолог. Указ. соч., стр. 425.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 137; А. В. Игнатъев. Указ. соч., стр. 185.

³ См. «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 69.

⁴ См. «Речь», 25 апреля 1917 г.

В дело вмешались и официальные власти. Бьюкенену было поручено принять соответствующие меры для спасения престижа «рабочей делегации», развеять создавшееся о ней впечатление в русских революционных кругах. Посол вынужден был, по его словам, «серьезно переговорить с Милюковым и потребовать от него принять меры к тому, чтобы положить конец этой кампании в прессе»¹.

В итоге, как ни старались английские и французские парламентарии, им не удалось оказать сколько-нибудь заметного влияния на настроения русских рабочих и солдат. Да и сами гости были не в восторге от достигнутых результатов, сознавая, что миссия их по существу провалилась. 3 мая они отбыли на родину вместе с получившим отставку Палеологом. «Мне было грустно прощаться с моими новыми друзьями Вилли Торном и Джеймсом О'Греди,— вспоминал Бьюкенен.— Это были блестящие типы британских рабочих, и я надеялся, что они произведут впечатление на рабочих депутатов Совета». Но... к великому огорчению посла, эти «блестящие типы», удостоившиеся столь высокой похвалы и дружбы старого дипломата, не могли похвастать своими достижениями. «Они покинули Петроград,— продолжал он,— в очень подавленном настроении от того, что видели как на фронте, так и в тылу»². То же самое засвидетельствовал Брюс Локкарт. И английская буржуазная печать отмечала, что поездка лейбористской делегации «не принесла ожидаемого успеха»³.

Не очень-то тешили себя и французские гости, хотя по возвращении домой они сделали перед своими партийными товарищами и парламентом несколько менее пессимистические отчеты, чем их британские коллеги. Как сообщал 26 апреля (9 мая) своему министру иностранных дел японский посол в Петрограде Ушида, агитационная поездка английских и французских социалистов в Москву «также не имела успеха»⁴.

Не успели уехать английские и французские делегаты, как на смену им прибыли итальянские социалисты

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 137; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 235.

³ См. А. В. Игнатьев. Указ. соч., стр. 187.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 138.

Лерда, Лабриола, Раймондо и Каппа. Все они являлись социал-шовинистами и преследовали своей поездкой те же цели, что и их англо-французские единомышленники, хотя также выдавали себя за «независимых». Деятельность их сводилась к проповеди «гражданского мира» и мобилизации всех сил на войну¹. В качестве неофициального политического секретаря итальянскую делегацию сопровождал русский эмигрант В. Н. Рихтер, что опять-таки указывало на наличие сговора между правительствами Англии, Франции и Италии относительно характера миссий и их комплектования.

Посылки парламентариев показалось, однако, недостаточно. Вслед за ними парижский и лондонский кабинеты решили ввести в бой, так сказать, тяжелую артиллерию — социалистов в ранге министров и более известных и влиятельных в самом социалистическом движении. Во Франции выбор пал на министра вооружений Альбера Тома, в Англии — на члена военного кабинета министра без портфеля Артура Гендерсона. На подмогу им мобилизовали бельгийского министра Эмиля Вандервельде. Все трое — видные деятели и вожди II Интернационала: Вандервельде долгое время являлся председателем Международного социалистического бюро, Гендерсон — одним из его секретарей.

Решение о посылке в Россию названных лиц было встречено Временным правительством с еще большим энтузиазмом. Узнав от Палеолога, что в Россию командировается с чрезвычайной миссией министр вооружений, Милюков тотчас выразил свое одобрение и благодарность за столь «мудрую» инициативу. «Благоволите передать Рибо, — телеграфировал он Извольскому, — горячую признательность Временного правительства за этот знак внимания и за выбор господина Тома, миссия которого встречает с нашей стороны живейшее сочувствие».

Радость Милюкова была вполне понятна. В лице Тома и К^о союзная буржуазия имела ловких защитников и проводников ее преступной политики, выполнявших роль агентуры международного империализма в рабочем и общедемократическом движении. В. И. Ленин еще в 1916 г. писал, что социалисты типа Гендер-

---

¹ См. «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 33.

сона, Тома и Вандервельде ничем существенным не отличаются от таких преданнейших слуг капитализма, каким является, например, Ллойд Джордж¹, и что они почти так же далеки от социализма и рабочего класса, как и этот превосходный приказчик буржуазии. Не случайно, что даже такой реакционер и поджигатель войны, как Пуанкаре, высоко оценил заслуги своего министра вооружений перед империалистическими, шовинистическими кругами Франции².

Помимо воздействия на Совет, а точнее, борьбы с его большевистским крылом, Тома было поручено дать окончательное заключение о целесообразности оставления в Петрограде Палеолога, которого во французских правительственных кругах считали теперь слишком консервативным для нового режима в России. В сущности, этот вопрос был уже решен в Париже, и Тома предстояло лишь исполнить данные ему инструкции, временно заменив Палеолога в качестве посла до назначения нового лица на его место. По тем же причинам и английское правительство намеревалось сменить своего посла в России. Оно предполагало, что Гендерсон заменит Бьюкенена, и последний лишь временно задержится в Петрограде, чтобы ввести Гендерсона в курс дела, пока тот не установит полный контакт с русским правительством и социалистическими вождями. Бьюкенен не был отозван в основном из-за отказа Гендерсона, убедившегося, что его миссия в качестве посла неизбежно будет обречена на провал.

Альбер Тома в сопровождении большой свиты офицеров и секретарей прибыл в Петроград 9 апреля и сразу же развил бурную деятельность. Вот что писал об этом английский посол: «В течение двух месяцев, проведенных им в России, Тома не только пытался убедить министров в необходимости твердости в отношении внутреннего положения (т. е. подавления революции.— В. В.), но и старался с помощью своего страстного красноречия поднять воодушевление народа по отношению к войне. В Петрограде, в Москве и на фронте он выступал на многочисленных митингах солдат и рабочих, и не его вина, что семя, которое он сеял, падало на

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.

² См. «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 226.

бесплодную почву»¹. (По этому поводу можно лишь заметить, что сеятель выбрал явно не те семена, какие могли дать всходы.)

В речах Тома настойчиво звучал призыв к отказу от революции, к продолжению кровавой империалистической бойни. Во время многочисленных поездок по стране он уговаривал русских солдат отдать свои жизни за «правое дело», под которым подразумевалось не что иное, как грабительские планы империалистов Антанты. Случалось иногда, что проповедник забывал о предосторожности и открыто осуждал действия революционных масс. Так, он выступал с нападками на революционное движение в русских войсках в Румынии и брал под защиту румынского короля. Социал-патриот протестовал «против всякого покушения русской демократии на суверена, который лоялен к России и который много раз доказал свое полное доверие к ней и Антанте». Ясно, что таким путем и такими советами трудно было снискать доверие революционных масс.

5 мая на помощь Альберу Тома прибыл Вандервельде в сопровождении депутатов парламента Брукера и Манна, а спустя две недели, 18 мая, пожаловал и Гендерсон. Нет сомнения, что Вандервельде последовал примеру своих единомышленников по подсказке из Парижа и Лондона. В его лице английское и французское правительства имели весьма опытного и ценного адвоката, облеченного авторитетом международного социалистического движения. И хотя он не собирался занять должность посла, его миссия была не менее ответственной и важной. «Отправляясь в Россию,— писал Вандервельде,— мы имели целью... присоединить наши усилия к усилиям Тома, Гендерсона и других социалистов стран Антанты»².

Сам Вандервельде очень гордился принадлежностью к числу именитых социал-патриотов. Не без явного тщеславия он писал о себе, что «был первым социалистом, вошедшим в правительство национальной защиты не как частное лицо, а как представитель своей партии», и что если бы ему снова пришлось пережить 1914—1918 годы, он непременно проводил бы ту же

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 243.

² E. Vanderveldé. Trois aspects de la Révolution russe. Paris — Nancy, 1918, p. 162.

самую линию¹. Позже, однако, Вандервельде пытался доказывать, что в Россию он приезжал всего лишь как «частное лицо», а не как официальный представитель правительства и что, в отличие от Тома и Гендерсона, он якобы не имел никакой другой миссии, кроме как делегата Бельгийской рабочей партии. Но в России его приезд воспринимали так же, как приезд и двух его коллег. «Нас троих,— засвидетельствовал Вандервельде,— рассматривали как доверенных лиц, «миссионеров» Антанты»².

Между прочим, это «частное лицо» по пути в Россию завернул в Лондон, был любезно принят Ллойд Джорджем и имел с ним продолжительную беседу по поводу своей предстоящей миссии. Выдавая себя за независимое лицо, Вандервельде, вопреки истории, очевидно, хотел создать впечатление, будто не руководство II Интернационала шло на поводу у буржуазных правительств, а, наоборот, буржуазные правительства следовали его «дальновидным» советам и указаниям.

О Гендерсоне можно сказать примерно то же самое, что и о двух предыдущих. По приезде в Россию он так же рьяно принялся за порученное ему дело. Больше всех лидером лейбористов остался доволен сэр Бьюкенен. В течение шести недель, отмечал он, «мы вели совместную работу при самых дружеских отношениях».

В целом, однако, и маститые социал-патриоты достигли не больших результатов, чем их младшие собратья-парламентарии. Несмотря на все их старания, антивоенное и революционное движение в России не утихало, а принимало все более широкий размах. С каждым днем народные массы все яснее и глубже проникались сознанием преступности империалистической войны, хотя она и прикрывалась теперь флагом защиты завоеваний революции, переходили на сторону большевиков.

Миссия Вандервельде, Тома и Гендерсона в России лишний раз показала, насколько оправданной была борьба В. И. Ленина и большевистской партии против лидеров обанкротившегося II Интернационала, как далеко зашли они в своем предательстве интересов социа-

¹ E. Vanderveldé. Souvenirs d'un militant socialiste. Paris, 1939, p. 96—97.

² Ibid., p. 232.

лизма, в измене делу пролетарской революции. Даже тогда, когда в результате революционного переворота в России обстановка в мире претерпела серьезные изменения и создались благоприятные условия для борьбы с капитализмом, они по-прежнему упорно цеплялись за союз с буржуазией, прикрывая тем самым ее кровавые преступления. Однако несмотря ни на какие потуги, правым лидерам европейской социал-демократии не удалось существенно повлиять на ход русской революции, затормозить ее развитие, хотя они и обрушили на массы изрядную дозу шовинистического дурмана, стараясь всемерно облегчить задачи буржуазии и соглашательских партий.

Первые попытки «обезвредить» В. И. Ленина

Сосредоточив основное внимание на борьбе с большевистской партией, российская и союзническая буржуазия, правительственные верхи с самого начала пытались парализовать деятельность ее вождя — В. И. Ленина. Особенно встревожились антантовские власти, когда узнали о его намерении как можно скорее вернуться из эмиграции в Россию. Они понимали, что этот «крайне опасный» противник, очутившись в бурном потоке революционных событий, может оказать огромное влияние на их дальнейшее развитие. «Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек», — предупреждали Временное правительство старые и новые советники союзников. Необходимо во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению на родину русских политэмигрантов — циммервальдистов, и в первую очередь, конечно, циммервальдиста номер один — В. И. Ленина.

Между тем возвращения Ленина с нетерпением ждали его соратники по борьбе, вся революционная пролетарская гвардия. Отсутствие вождя в такой ответственный исторический момент серьезно сказывалось на работе партии, на творчестве и активности всех революционных сил. Февральская революция в корне изменила обстановку в стране. Перед рабочим классом и его партией встали другие задачи. В изменившихся условиях, в сложной обстановке двоевластия нужна

была новая ориентировка, новые программные и тактические установки.

Уже при первых известиях о совершившемся перевороте В. И. Ленин обратился к членам большевистской партии и революционным массам с призывом не останавливаться на достигнутом, а неуклонно идти вперед, добиваясь установления подлинной свободы, проведения коренных социально-экономических преобразований и прежде всего немедленного прекращения войны.

Антивоенная агитация большевиков вызывала еще более лютую ненависть и беспокойство союзников потому, что борьбу за мир Ленин ставил в неразрывную связь с борьбой за социализм. Он разъяснял массам, что только победа социалистической революции в ряде стран способна обеспечить народам устойчивый демократический мир¹.

Особые опасения империалистов вызывали пламенные призывы к социалистической революции, которые В. И. Ленин обращал к народным массам не только России, но и всех других стран. Еще в наброске тезисов 4 марта 1917 г., пользуясь лишь скудными сведениями из России, В. И. Ленин отмечал, что программа нового русского правительства, вырвавшего власть из рук победившего в героической борьбе пролетариата, внушает самое полное недоверие, ибо она состоит лишь из обещаний и не вводит в жизнь ни одной из самых насущных мер. Новое правительство ни слова не сказало ни о 8-часовом рабочем дне, ни о передаче помещичьей земли крестьянам, ни о каких-либо других важных социально-экономических преобразованиях. Более того, в первом своем обращении к народу оно не упомянуло также и о самом главном и самом жгучем вопросе момента — о мире, обнаружив тем самым свою эксплуататорскую буржуазно-помещичью сущность, свою приверженность к империалистической войне. «Не только данное правительство, — подчеркивал Ленин, — но и демократически-буржуазное республиканское правительство, если бы оно состояло только из Керенского и других народнических и «марксистских» социал-патриотов, не в состоянии избавить народ от империалистской войны и гарантировать мир»².

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 55.

² Там же, стр. 6.

Поэтому, разъяснял Ленин, пролетариат не может рассматривать данную революцию иначе, как свою первую, далеко еще не полную победу на своем великом пути, не может не ставить себе задачи продолжать борьбу за завоевание демократической республики и социализма.

Дать народу мир, хлеб и свободу, отмечал Ленин, в состоянии только рабочее правительство, опирающееся на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран. Он призывал добиваться обеспечения полной победы следующего этапа революции и завоевания власти рабочим правительством, обращая серьезное внимание на всемерную организацию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на вооружение революционных масс. Исходя из этого, указывал Ленин, должна строиться вся политика и тактика пролетарской партии.

В телеграмме большевикам, отъезжавшим из Стокгольма и Христиании (Осло) в Россию, он писал: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия... никакого сближения с другими партиями»¹. Еще более подробно и основательно все эти положения были развиты в «Письмах из далека», переданных в Петроград.

Пускать в Россию человека с такой «крамольной» программой союзники считали весьма и весьма рискованным. И они шли на всякие ухищрения, чтобы помешать В. И. Ленину и другим эмигрантам-интернационалистам вернуться на родину. Для них создавались всевозможные препоны: ссылались на отсутствие нужного тоннажа, опасность плаванья и т. д., а главное, на необходимость длительной проверки личности политэмигрантов, поскольку все они, как правило, были занесены в так называемые контрольные списки, составленные еще царской охранкой, и рассматривались как прямые или потенциальные «агенты» неприятеля. К тому же «проверочные» процедуры сознательно затягивались союзными властями и самим Временным правительством.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 7.

Преодолеть все эти преграды было весьма и весьма сложно. Созданный вскоре после революции Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов, включавший представителей 23 политических групп (в том числе Центральный Комитет, Организационный комитет, эсеры, Бунд и др.), в единогласно принятой резолюции отметил, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в борьбе против империалистической войны. «Уже с первых дней революции,— писал В. И. Ленин,— для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства»¹. Обсуждалось множество вариантов переезда, строились, по словам Н. К. Крупской, «самые невероятные планы». В конце концов пришлось остановиться, как охарактеризовал Ленин, на «самом неприятном» из них — возвращаться через территорию враждебной союзникам Германии, используя противоречивость их интересов. Иного выхода не было: или сидеть, как говорят, и ждать у моря погоды, или пренебречь всеми неудобствами, в том числе и политическими, и смело отправиться в путь, лишь бы скорее добраться до баррикад. Ленин и его соратники высказались в пользу второго решения. Этот план был одобрен также представителями левой части социал-демократических партий ряда стран (Франции, Швейцарии, Польши, Швеции и Германии), что было зафиксировано в соответствующем протоколе: «...Мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии,— отмечалось в протоколе,— считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им предоставляется»².

Между прочим, Мартов и его сторонники, выдвинувшие идею проезда через Германию, отказались вначале сняться с места без «благословения» Временного правительства. Но и они, не дождавшись «соизволения свыше», спустя месяц были вынуждены проследовать тем же путем и на тех же самых условиях.

27 марта В. И. Ленин в числе 32 эмигрантов (среди

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 119.

² «Ленин в Октябре. Воспоминания». М., 1957, стр. 34.

которых были не только большевики) в сопровождении секретаря Швейцарской социал-демократической партии интернационалиста Ф. Платтена выехал из Швейцарии в Швецию, а оттуда через Финляндию в Петроград. 2 апреля Ленин и его спутники достигли пограничного города Торнео, где пересели на поезд, доставивший их в столицу. Платтену, однако, пришлось вернуться обратно, так как правительство Львова не дало ему разрешения на въезд в Россию.

Уже первые часы пребывания Ленина в пределах России, то, как отнеслись к его приезду широкие слои населения, показало союзникам, насколько оправданными были их опасения и тревоги. Встреча В. И. Ленина вылилась в демонстрацию безграничной любви и доверия трудящихся своему испытанному вождю. Вот что рассказывала об этом Е. Ф. Усиевич, в числе других возвращавшаяся вместе с В. И. Лениным из эмиграции: «На каждой станции рабочие демонстрации, на каждой станции Владимира Ильича рабочие прямо из вагона с триумфом несли на руках к какой-нибудь импровизированной трибуне. Митинг продолжался и в вагоне...»¹ Еще более волнующей была встреча на Финляндском вокзале столицы вечером 3 апреля, где вождя восторженно приветствовали тысячи рабочих, солдат и матросов.

С приездом В. И. Ленина большевистская партия взяла твердый курс на завоевание власти пролетариатом. Еще на Финляндском вокзале в знаменитой речи Ленина, произнесенной с броневика, прозвучал призыв к социалистической революции. На следующий день Владимир Ильич дважды выступил в Таврическом дворце с докладом «О задачах пролетариата в данной революции», сначала перед большевиками-делегатами только что закончившегося Всероссийского совещания Советов, а затем на объединенном собрании большевиков и меньшевиков, на котором присутствовали также представители других фракций и групп.

Оба эти доклада представляли собой изложение знаменитых Апрельских тезисов, в которых В. И. Ленин с предельной сжатостью и четкостью обосновал необходимость и неизбежность перехода от буржуазно-демо-

---

¹ «Ленин в Октябре. Воспоминания», стр. 47.

кратической революции к социалистической, набросал конкретный план борьбы за создание нового общественного строя. Первый из тезисов был посвящен вопросу об отношении к войне, чем подчеркивалось его первостепенное значение в предстоящей борьбе. В нем говорилось, что и при новом правительстве война со стороны России остается грабительской, империалистической, хотя оно и заявило о своем «отказе» от захватов. Поэтому недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству». Ленин указывал на неразрывную связь капитала с империалистической войной и подчеркивал, что кончить войну не насильственным, истинно демократическим миром нельзя без свержения власти капитала. Он призвал к широкой пропаганде братания как одного из наиболее эффективных средств борьбы за прекращение международного кровопролития.

На основе глубокого анализа всей совокупности внутренней и международной обстановки В. И. Ленин пришел к выводу о неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и предлагал руководствоваться именно этим положением. «Своеобразие текущего момента в России,— подчеркивалось в тезисах,— состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹.

Этот вывод отражал объективное развитие революционного процесса, исходил из сложившегося соотношения политических и классовых сил. Он указывал перспективу дальнейшего развития революции и давал ответ на вопрос о ее движущих силах. По ленинским предначертаниям, революция должна была привести к установлению республики Советов, являющейся наилучшей формой диктатуры пролетариата. «Не парламентарная республика,— провозгласил В. И. Ленин,— возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114.

² Там же, стр. 115.

Идея создания республики Советов указывала партии главное направление в решении вопроса о власти, являющегося основным вопросом всякой революции. Руководствуясь этой идеей, большевистская партия выдвинула лозунг «Вся власть Советам!», ставший знаменем борьбы за победу нового общественного и государственного строя. Претворение его в жизнь означало ликвидацию двоевластия и сосредоточение всей полноты государственной власти в руках рабочих и крестьян. Поставленные таким образом задачи давали ответ на вопрос об отношении к правительству Львова. «Никакой поддержки Временному правительству,— провозгласил Ленин,— разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий»¹.

В. И. Ленин решительно осудил эсеров и меньшевиков как душителей революции, пытавшихся «сладкой фразой» увести революцию назад, от Советов рабочих и солдатских депутатов к единовластию буржуазии, к буржуазной парламентской республике. Он вооружил массы уверенностью в возможность переустройства общества на справедливых, социалистических началах, в то время как соглашатели порождали в них неверие в собственные силы и нерешительность, доказывая, что в данный момент они еще не могут взять на себя «бремя власти», неспособны без буржуазии справиться с многосложным государственным хозяйством, не имеют соответствующей подготовки, опыта, культуры, образования и т. д.

Такую же веру в возможность коренного преобразования общества внушала массам и сформулированная В. И. Лениным экономическая платформа партии, включавшая в себя такие переходные меры, как конфискация помещичьих земель и национализация всей земли в стране, немедленное слияние всех банков в один национальный банк и введение контроля над ним со стороны Советов, установление их контроля над общественным производством и распределением продуктов. Каждое из этих требований было близким и понятным народным массам, выражало их самые настоящие интересы и поэтому звучало для них боевым

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114.

призывом. Экономическая платформа точно так же, как требование мира и передача всей власти Советам, играла огромную роль в борьбе партии за мобилизацию масс на социалистическую революцию.

Таким образом, провозглашенная Лениным программа по-новому ставила коренные вопросы революции, стратегии и тактики большевистской партии, по-новому ориентировала рабоче-крестьянские и солдатские массы, целеустремленно звала их вперед. Новая ориентировка раскрывала широкий простор для революционной энергии масс, побуждала их к более активному историческому творчеству, разрывала те пути, с помощью которых буржуазия и соглашатели пытались задержать поступь пролетариата.

Уже одно это свидетельствовало о неocenимом значении приезда В. И. Ленина для судеб революции, не говоря уже о значении его организационного и пропагандистского гения в деле практического осуществления намеченного курса. Отныне, писала «Правда», трудящиеся обрели «уверенность в том, что тот вождь революционной [социал]-д[емократии], который ни при каких мрачных условиях не сходил с своей революционной позиции, поведет теперь русский пролетариат смело и твердо по пути дальнейших завоеваний вплоть до социалистической революции»¹. В опубликованном в том же номере газеты приветствии В. И. Ленину, принятом на собрании большевиков Выборгского района, где присутствовали представители более тридцати заводов и одиннадцати воинских частей, подчеркивалось: «Мы убеждены, что стойкость т. Ленина, его преданность делу международного революционного социализма — теперь, когда он будет находиться среди нас, облегчит выполнение труднейших и величайших задач, выпавших на нашу партию, в доведении российской революции до конца и в деле создания III Интернационала».

Именно непреклонная воля и стойкость вождя большевистской партии, его бескомпромиссность в вопросах классовой борьбы и страшили реакционеров всех мастей. Возвращение Ленина в Россию вдохнуло в революцию новую энергию, придало ей совершенно

---

¹ «Правда», 5 апреля 1917 г.

иную динамику и пафос. И хотя Милюков с наигранным оптимизмом успокаивал союзных представителей, заверяя их, что никакой опасности Ленин не представляет, последние не спешили с ним согласиться. Вся партия тесно сплотилась вокруг ленинских тезисов. Вооруженная четкой программой, она развернула кипучую работу по политическому просвещению масс, высвобождению их из-под пагубного влияния эсеров и меньшевиков, изменивших делу социализма. Рабочий Путиловского завода С. Я. Заякин рассказывал о деятельности большевиков в тот период: «Наша партия развернула огромную, титаническую организационную и агитационную работу в массах. Работа велась на каждом углу, в трамвае, в очередях и на каждой площади»¹.

И это сразу дало ощутимые результаты. Влияние большевиков в народе непрерывно возрастало. 5 апреля Палеолог записал в своем дневнике: «Милюков говорил мне сегодня утром с сияющим видом, что Ленин вчера совершенно провалился в Совете² и что теперь он уже не оправится». В ответ на это посол сказал: «Дай бог!», но тут же выразил сомнение в правильности наблюдений министра иностранных дел, полагая, что последний снова оказался жертвой своего неоправданного оптимизма. «Приезд Ленина,— отметил Палеолог,— представляется мне самым опасным испытанием, какому может подвергнуться русская революция». Спустя несколько дней в дневнике французского посла появилась новая запись примерно такого же характера. «Когда Милюков,— писал он,— недавно уверял меня, что Ленин безнадежно дискредитировал себя перед Советом... он лишний раз был жертвой оптимистических иллюзий. Авторитет Ленина, кажется, наоборот, очень вырос в последнее время... Он уже теперь оказывается опасным вождем»³. Причем французский дипломат усматривал опасность не только в политических взглядах большевистского вождя, в проповедуемых им лозунгах, но и в безупречности его личного поведения.

---

¹ «Ленин в Октябре. Воспоминания», стр. 81.

² Так расценил Милюков итоги выступления В. И. Ленина с докладом «О задачах пролетариата в данной революции» (см. стр. 58), против которого обрушились с злобными нападками эсеро-меньшевистские деятели.

³ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 429, 432.

Разумеется, представители союзников не ограничивались лишь констатацией того, что Ленин представляется им самым опасным вождем пролетарских масс. Они спешили как можно скорее парализовать его деятельность или вообще устранить с политической арены. Не успел вождь большевистской партии ступить на родную землю, как союзные дипломаты тут же стали требовать его немедленного ареста. Последнее должно было послужить началом массовых репрессий против всей партии и наиболее революционной части рабочих. Особую настойчивость проявлял опять-таки Бьюкенен, от которого не отставали его французский и американский коллеги. Старшина дипломатического корпуса неоднократно ставил этот вопрос перед главой русского внешнеполитического ведомства. «Для правительства,— убеждал он Милюкова,— наступила пора действовать». Россия «никогда не выиграет войны», если Ленину и впредь будет разрешено свободно проповедовать свои социалистические взгляды, призывать солдат к братанию, а крестьян—к захвату помещичьих земель. Однако Милюков и в данном случае вынужден был объяснить английскому дипломату, что эта мера пока «преждевременна». На самом же деле Временное правительство просто не решалось пойти на такой шаг, выжидая более удобного случая. «Правительство,— не без явного огорчения сообщал в Лондон посол 17 апреля,— все еще держится выжидательной позиции и предпочитает, чтобы инициатива в отношении Ленина исходила от народа. Милюков, с которым я как-то говорил по этому вопросу, сказал, что возмущение народа против Ленина растет и что войска готовы арестовать его, когда правительство отдаст об этом приказ, но что последнее не хочет ускорять событий из опасения вызвать гражданскую войну»¹.

Что касается «возмущения народа против Ленина» и «готовности» войск арестовать его, Милюков, мягко выражаясь, явно приврал. Просто у него не нашлось более подходящей версии для успокоения назойливого «друга». И дело, конечно, не в отсутствии желания ускорять события. Правительство Львова радо было бы это сделать, да только не располагало такими возмож-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228.

ностями. Выше уже приводились признания самого Милюкова относительно неблагонадежности столичного гарнизона. Вот почему на настояния английского посла: «Пора действовать» — глава русского дипломатического ведомства ответил, что правительство к этому готово, но «выжидает лишь психологического момента, который... не за горами».

О необходимости полицейской расправы с Лениным Бьюкенен вел беседы и с другими министрами, в частности с министром финансов Терещенко. Последний также уверял английского ходатая, будто «рабочие разочаровались в Ленине» и что «в недалеком будущем» он будет арестован¹. Английский посол не отметил, говорил ли он по этому поводу непосредственно с самим главой Временного правительства Львовым. Но, надо полагать, не миновал и его, тем более, что Львов являлся одновременно и министром внутренних дел, а стало быть, лично отвечал за «общественное спокойствие». Во всяком случае, Львов также заверял, когда к нему обращались с подобными настояниями представители аристократических и буржуазных кругов, что «власти могут арестовать его, когда им будет необходимо»². Вряд ли можно сомневаться и в консультациях на сей счет с министром юстиции Керенским, становившимся все более частым и желанным гостем в английском и некоторых других союзных посольствах.

Такие же советы и наставления Временному правительству давали Палеолог и Френсис. Палеолог несомненно имел на то соответствующие инструкции. Между прочим, французское министерство иностранных дел, узнав об отъезде В. И. Ленина и его спутников на родину, обратилось к шведскому правительству с просьбой арестовать их, когда они будут проезжать через Швецию. Но этот демарш не увенчался успехом³, так как шведское правительство, очевидно, не осмелилось нарушить нейтралитет, которого оно формально придерживалось. Что касается американского посла, то у него, даже по словам его соотечественника и коллеги

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 231.

² «The Russian Review». January 1967, p. 73.

³ M. Ferro. La Révolution de 1917. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris 1967, p. 303.

Сиссона, «не было иной политики, кроме злобы к большевикам».

Добиваясь изоляции Ленина и агитируя за его арест, союзники активно включились в антибольшевистскую пропаганду, одна из целей которой состояла именно в «психологической», как выразился Милюков, подготовке этого контрреволюционного акта. Они хотели обезглавить пролетарскую партию в расчете на ее последующую дезорганизацию. Кампания против «крайних тенденций» и раньше велась довольно интенсивно. Но с приездом В. И. Ленина и провозглашением им курса на социалистическую революцию она приняла еще больший размах. Большевистскую партию и ее вождя со всех сторон стали обвинять в «экстремизме» и других подобных грехах. И надо сказать, это создавало серьезные дополнительные трудности в деле мобилизации сил революции. В России, признавался Бьюкенен, «мы вели активную союзническую пропаганду в пользу войны и с целью разоблачения германской лжи». А под «германской ложью» он подразумевал не что иное, как агитацию большевиков за мир, хлеб и свободу, за проведение социально-экономических и политических преобразований, за удовлетворение насущных и самых неотложных требований трудящихся.

Большевикам приклеивали всевозможные ярлыки, называли их антипатриотами и т. п., надеясь таким путем оторвать от них массы, запугав последних возможностью преследования. Продолжая эту клеветническую кампанию, Бьюкенен и позже писал: «Для большевиков не было ни родины, ни патриотизма, и Россия была лишь пешкой в той игре, которую вел Ленин... большевики были всецело пораженцами».

Но, как известно, большевистская партия оказалась единственной партией, которая мужественно и последовательно отстаивала интересы страны и населяющих ее народов. Лучший тому свидетель — сама история!

Действительно, до февральского переворота большевистская партия добивалась поражения «своего» правительства, вполне обоснованно полагая, что военные неудачи царизма еще больше расшатывают его устои и облегчают борьбу с ним. После победы Февральской революции большевики не были пораженцами. Они решительно выступали за немедленное прекращение

войны, за революционный выход из нее. Но это не имело ничего общего с пораженчеством. Напротив, большевистская партия настойчиво боролась за всемерное укрепление революционной армии, за ее демократизацию в интересах защиты и умножения завоеваний революции, против использования армии в качестве пушечного мяса и принесения ее в жертву империалистической политике.

Кстати, сам же Бьюкенен и разоблачил собственную ложь, ибо буквально несколькими строками выше он вынужден был признать, что «массы считались только с ними (т. е. большевиками.— В. В.), и именно к рабочим и крестьянам они обращались за поддержкой, необходимой для осуществления их программы — установления диктатуры пролетариата и преобразования всего общественного строя». А массы, как в этом не раз убеждался английский дипломат, обладают достаточно острым социальным чутьем.

Особенно злостная кампания была поднята в связи с проездом В. И. Ленина и других большевиков через Германию. В этом преднамеренно усматривали серьезную подрывную антисоюзническую акцию. Буржуазия и ее прислужники стали строить на сей счет всевозможные «догадки». От буржуазных писак не отставали и соглашатели. Несколько позже, во время июльских событий, когда на свет была вытащена антибольшевистская фальшивка, этот факт — проезд через неприятельскую территорию — фигурировал в качестве одного из основных доказательств «связи» большевиков с германским генеральным штабом.

Разнузданная клевета на Ленина и руководимую им партию вызвала решительный отпор со стороны самих трудящихся масс. На многочисленных собраниях и митингах они принимали резолюции в защиту своего испытанного вождя.

Правда ленинских слов с каждым днем все глубже проникала в толщу народных масс, завоевывала их симпатии, привлекала на сторону пролетарской партии, вызывая злобу и ненависть русской и международной буржуазии.

ВЫНУЖДЕННАЯ РЕОРИЕНТАЦИЯ. СТАВКА НА МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ

Гучков и Милюков теряют министерские кресла

Не прошло и двух месяцев после свержения самодержавия, как в стране разразился острый политический кризис, основной причиной которого явилась империалистическая внешняя политика Временного правительства. Непосредственным поводом к нему послужила печально знаменитая «нота Милюкова».

Воинственные заявления министров Временного правительства и союзных политиков, их стремление использовать русскую революцию в целях осуществления империалистических замыслов антантовской буржуазии уже в первые дни после крушения монархии вызвали энергичный протест революционных масс. Многочисленные митинги и собрания, проходившие на заводах и фабриках, в казармах и на флоте, принимали резолюции протеста против продолжения войны, с требованием отказа от захватнических планов помещиков и буржуазии.

Особенно сильной тяга к миру была в армии. Под влиянием политических событий в тылу солдатские массы на фронте стали выражать свое недовольство войной еще более решительно и открыто. Солдаты писали в Советы рабочих и солдатских депутатов о своем требовании: без промедления приступить к мирным переговорам между всеми воюющими державами. На полковых, батальонных и ротных собраниях выносились резолюции о том, чтобы Временное правительство выступило с предложением мира и заявило, что Россия не стремится к захватам. Такое же настроение было и среди солдат тыловых гарнизонов.

Как уже отмечалось, под давлением революционных масс исполком Петроградского Совета 14 марта выступил с обращением «К народам всего мира». От имени «русской демократии» он обещал всеми мерами противодействовать захватнической политике своего господствующего класса и призывал народы Европы к совместным выступлениям в пользу мира. «Наступила пора,— говорилось в обращении,— начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопросов о войне и мире».

Но хотя Совет и представлял собой внушительную силу (а первое время он действительно был настроен более радикально, чем потом), правительство Львова не пожелало считаться с этим обращением. Напротив, его министры стали еще настойчивее прокламировать империалистическую программу русской и союзной буржуазии. Особое усердие проявлял глава внешнеполитического ведомства Милюков. Подчеркивая свое пренебрежительное отношение к дипломатическим начинаниям руководителей Петроградского Совета, лидер кадетов буквально через неделю после опубликования упомянутого обращения выступил перед журналистами с пространной заявкой для печати. Он еще раз разъяснил цели проводимой правительством внешней политики, подчеркнув, в частности, что присоединение проливов к России по-прежнему остается одной из важнейших проблем войны.

Все это лишь усиливало недовольство масс. Разъясняя народу сущность милюковских выступлений, большевики подчеркивали, что политика Временного правительства является откровенно империалистической политикой, ведущей к затягиванию войны. «Рабочие и солдаты должны ясно заявить,— призывала «Правда»,— что империалистические и захватнические планы г. Милюкова — не наши планы, что мы их в корне отвергаем, и борьба с ними является нашей настоящей задачей»¹.

Испугавшись, как бы откровенно экспансионистские высказывания одного из ответственных членов кабинета не вызвали новую волну антивоенных протестов,

---

¹ «Правда», 26 марта 1917 г.

руководители соглашательских партий решили оказать давление на Временное правительство, склонив его выступить перед страной с заявлением о том, что оно не преследует захватнических целей и обещает принять меры к достижению мира. В результате закулисного торга с лидерами Совета правительство Львова согласилось обнародовать декларацию о своем отказе от империалистических планов. Такая декларация была принята 27 марта и опубликована в газетах. И хотя эта декларация, в сущности, ничего не меняла (поскольку, с одной стороны, в ней провозглашался отказ от захватов, а с другой — снова подтверждалась неизбежность ранее заключенных с союзниками соглашений, предусматривавших такие захваты), меньшевики и эсеры принялись всячески расхваливать ее и рекламировать свои «достижения» в области внешней политики. В резолюции Всероссийского совещания Советов, принятой по предложению эсеров-меньшевистских руководителей в первый день его работы, говорилось: «Придавая огромное значение этому акту Временного правительства, российская демократия видит в нем важный шаг навстречу осуществлению демократических принципов в области внешней политики»¹. А Церетели, оболенный своими дипломатическими успехами, даже заявил, что данная декларация представляет собой факел, брошенный в Европу, где он разгорится таким же ярким светом, как в России². Но и такой тусклый «факел» некому было доставить на благодатную европейскую почву. Милюков категорически отказывался направить декларацию союзным правительствам в качестве официального дипломатического документа, считая ее документом исключительно «для внутреннего употребления».

Все это не смущало соглашателей. Бесстыдно обманывая рабочих и солдат, они принялись усердно доказывать, что в данной декларации проведена формула мира без аннексий и контрибуций, по крайней мере если не полностью, то в сокращенном виде. Между тем в «частном» заседании членов Государственной думы Милюков прямо заявил: декларация 27 марта не содер-

¹ «Известия Петроградского Совета», 30 марта 1917 г.

² См. «Всероссийское Совещание Советов рабочих и солдатских депутатов». Стенографический отчет. М.—Л., 1927, стр. 40.

жит в себе ни полной, ни сокращенной формулы «без аннексий и контрибуций». Позже Милюков писал, что он категорически отказался вставить в текст декларации эту «циммервальдскую формулу», заменив ее «описательными выражениями», которые позволяли ему толковать задачи русской внешней политики в удобном для него смысле¹. Однако соглашатели делали вид, будто им ничего об этом не известно.

Разоблачая Временное правительство и эсеро-меньшевицкую трескотню, В. И. Ленин указывал, что декларация 27 марта не внесла ничего нового, а лишь подтвердила старые обязательства перед союзниками и Россия по-прежнему воюет во имя грабительских договоров, заключенных царской шайкой и банкирами западных держав. «...Отказ от аннексий,— отмечал Ленин,— это лишь парадная фраза, «общие принципы», слова, слова, слова. Этих слов сколько угодно говорили и «наши» союзники. А действительные условия «мира» — это нечто совсем другое». «Рабочих и солдат,— продолжал Ленин,— кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне»².

В то время как эсеро-меньшевицские деятели прославляли «демократические» принципы внешней политики Временного правительства, Милюков продолжал «закреплять» дипломатические завоевания своих предшественников. Разъясняя русским представителям в Париже, Лондоне и Риме сущность новой правительственной декларации, он подчеркивал: «Мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях...»³ А спустя несколько дней на торжественном приеме французских и английских социалистов кадетский министр публично повторил, что и после свержения самодержавия политика России осталась неизменной. «Несмотря на переворот,— заявил он,— мы сохранили главную цель и смысл этой войны». С аналогичными

---

¹ См. «Буржуазия и помещики в 1917 году». М.—Л., 1932, стр. 11; П. Н. Милюков. Воспоминания, стр. 345.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 212, 213.

³ «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 479.

пояснениями он выступил несколькими днями позже в Москве на собрании членов кадетской партии ¹.

Таким образом, Милюков не только не сделал ни малейшей уступки в вопросе о целях войны, но для него оказалось не под силу отрешиться от старых методов в проведении внешней политики, от откровенно империалистического лексикона. К тому же беспокойство о «жизненных интересах» проявлял не один лидер кадетов. Буквально на следующий день после выступления Милюкова в Москве, 10 апреля, другой министр Временного правительства, глава октябристов Гучков, на приеме делегаций с фронта в Яссах подчеркнул, что война не может окончиться «вничью», она непременно должна завершиться полным разгромом австро-германского блока со всеми вытекающими из этого последствиями ².

Откровенно империалистические заявления ответственных членов правительства, активно поддерживаемые буржуазной прессой, все больше накаляли обстановку, и те, кто всячески превозносил «новый» внешнеполитический курс, оказались в весьма неловком положении. Необходимо было срочно искать какой-то выход, в противном случае могли вспыхнуть новые антивоенные выступления. Однако единственное, на что отважились пропагандисты «нового» курса, так это оказать давление на Милюкова, заставив его направить декларацию 27 марта союзникам в качестве официального дипломатического документа, чего Милюков никак не хотел делать. Здесь-то и «взбунтовались» против него соглашатели и некоторые члены Временного правительства. Решено было предпринять, так сказать, «обходной маневр». 12 апреля Керенский сообщил представителям печати, что Временное правительство готовится к рассмотрению вопроса о посылке союзникам ноты, в которой по-новому формулируются цели России в войне: в духе декларации 27 марта. На следующий день это сообщение появилось в газетах. Забегая вперед событий, газеты сообщили, что правительство уже обсуждает ноту союзникам, хотя это и не соответствовало действительности. По свидетельству Керен-

---

¹ См. «Речь», 11 апреля 1917 г.

² См. «Известия Петроградского Совета», 14 апреля 1917 г.

ского, несколько членов кабинета (Некрасов, Терещенко и он сам) действительно решили поставить этот вопрос на рассмотрение всего правительства, но никакой дискуссии на его заседаниях еще не возникало. Считая себя глубоко ущемленным, Милюков потребовал официального опровержения указанного сообщения. Его требование было удовлетворено. 14 апреля газеты поместили соответствующее опровержение, в котором подтверждалось, что правительство не обсуждало вопроса о целях войны и не подготавливает никакой ноты по этому поводу¹.

Правительственное опровержение вызвало замешательство среди эсеро-меньшевистских лидеров. Вокруг несуществующей ноты поднялась закулисная возня. Наибольшую расторопность проявил Керенский. Засуетились и вожаки Петроградского Совета. Они стали настаивать перед Временным правительством направить союзникам ноту о целях войны в соответствии с упомянутой декларацией. Милюков категорически отказался пойти им навстречу. Декларация и так доставила ему немало огорчений. В дело вмешался Альбер Тома, пососоветовавший Милюкову в виде нового компромисса с руководителями Совета направить союзникам саму декларацию в качестве официального дипломатического документа. Милюков не соглашался и с таким вариантом, ссылаясь на то, что декларация может быть неправильно истолкована союзниками как отказ России от ранее «выговоренных» у них обещаний (имелись в виду прежде всего проливы). Но гость из Парижа заверил его, что западные державы, и в частности французское правительство, не собираются пересматривать цели войны.

Милюкову пришлось уступить. Но все-таки во избежание всяких «недоразумений» он решил направить декларацию с такой «препроводительной бумагой», которая устранила бы возможность истолкования ее «во вред России», каковой и явилась «нота Милюкова» от 18 апреля. По свидетельству Керенского, над ее составлением «всю ночь трудился весь кабинет». Особое усердие проявил сам Керенский. Позже он пояснял, что

---

¹ См. «Речь», 14 апреля 1917 г.; «Русские ведомости», 14 апреля 1917 г.

«содержание этой ноты должно было дать полное удовлетворение наиболее острой критике «империализма» Милюкова».

Однако как ни старались министры-капиталисты при помощи заложника демократии решить эту задачу, т. е. замаскировать «империализм Милюкова», у них ничего не получилось. За высокопарными выражениями об освободительном характере войны отчетливо проглядывала империалистическая сущность внешней политики Временного правительства. Подтверждая свою готовность «довести мировую войну до решительной победы», Временное правительство вместе с тем выражало твердую уверенность, что «поднятые этой войной вопросы» будут разрешены в духе ранее достигнутых между союзниками соглашений. «Правительство капиталистов,— писал В. И. Ленин,— в сущности, только повторило 18 апреля свои прежние ноты, облекавшие империалистскую войну дипломатическими оговорочками»¹. Даже Бьюкенен был вынужден признать, что «нота Милюкова» если и не противоречила букве декларации, то, бесспорно, противоречила ее духу².

Как только содержание ноты стало известно рабочим и солдатам столицы, начались антиправительственные выступления. 20—21 апреля в Петрограде состоялись мощные демонстрации, в которых участвовало свыше 100 тысяч рабочих и солдат. Демонстрация питерских рабочих 21 апреля состоялась по призыву и под лозунгами большевистской партии. Демонстранты требовали от правительства отказа от захватнических стремлений, опубликования тайных договоров, прекращения империалистической войны. Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов (не без ведома Временного правительства) вызвал для его «охраны» воинские части. В результате столкновений между демонстрантами и войсками имелись убитые и раненые.

Такие же революционные выступления состоялись в Москве и многих других городах. 22 апреля Минский Совет по предложению большевиков выразил решительный протест против «ноты Милюкова». Резолюции протеста вынесли также Советы Харькова, Гомеля,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 325.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 230.

Самары, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга и других промышленных центров страны. В течение двух дней в Петроградский Совет из разных концов страны поступило около ста телеграмм с выражением недоверия Временному правительству.

Даже соглашательский в своем большинстве исполнительный комитет Петроградского Совета под воздействием революционного взрыва принял резолюцию протеста против «милюковской» ноты. Однако лидеры меньшевиков и эсеров тут же поспешили отмежеваться от большевиков, опубликовав сообщение, в котором заявили, что они не призывали войска к демонстрации против Временного правительства. Эсеро-меньшевистское большинство Совета 20 апреля вынесло решение разъехаться по районам и «успокоить» массы, а на следующий день было опубликовано постановление Совета о запрещении на два дня уличных митингов и демонстраций¹.

Спасая положение, соглашатели принялись всячески выгораживать Временное правительство. Вопреки очевидной истине, они еще усерднее стали внушать массам, будто это правительство, несмотря на свою последнюю ноту, все-таки действительно отказалось от захватнических планов. 21 апреля эсеро-меньшевистское большинство Петроградского Совета апробировало резолюцию, заверявшую широкую общественность в том, что правительство Львова вовсе не намерено сходить с пути отказа от захватнической политики, на который оно «стало» 27 марта: просто произошло недоразумение из-за «вкравшихся» в ноту отдельных неудачных формулировок и выражений. Таким образом, возражая на словах против ноты, эсеры и меньшевики на деле прикрывали антинародную политику Временного правительства.

На подмогу Временному правительству поспешили и союзники. Уже тогда они стали открыто вмешиваться во внутренние дела России. Особое усердие проявлял английский посол. По его собственному признанию, во время демонстраций, устроенных сторонниками Милюкова, он несколько раз выступал с публичными речами

---

¹ См. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис». М., 1958, стр. 760.

в поддержку правительства Львова и его военно-политического курса¹.

Перепуганные размахом антиправительственных выступлений, буржуазные министры после консультации с комитетом Государственной думы и лидерами Совета решили опубликовать «разъяснения» по поводу злополучной ноты. И тут на помощь им снова подошли меньшевики и эсеры. Исполнительный комитет Петроградского Совета 34 голосами против 19 признал эти разъяснения удовлетворительными, а инцидент исчерпанным. Разъяснения «кладут конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии»², — гласила резолюция исполкома.

В действительности же это разъяснение было всего лишь формальной отпиской. Оно свелось, как отмечал В. И. Ленин, «к пустейшим... ничего не меняющим, ни к чему не обязывающим фразам»³. Временное правительство и здесь бесстыдно обманывало народ, а соглашатели усердно помогали ему в этом преступном деле. «В сущности, — признавал впоследствии Керенский, — это разъяснение ничего не разъясняло... Ни один из министров, между прочим, и не хотел отрицать свою солидарность с Милюковым, как членом Временного правительства»⁴. Сказано предельно ясно: «империализм Милюкова» был империализмом Временного правительства. Кадетский министр проводил такую внешнюю политику, которая была угодна буржуазно-помещичьим кругам и от которой последние не хотели отречься.

Временному правительству пришлось вывести из своего состава наиболее ненавистных министров — Гучкова и Милюкова. Главе кадетов было предложено остаться в правительстве в качестве министра просвещения, но он отклонил это предложение, рассматривая его как оскорбление лично для себя и для своей партии. 2 мая Милюков подал в отставку. Двумя днями раньше «по собственному желанию» из правительства ушел Гучков, опубликовав для самореабилитации и маски-

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 231.

² «Известия Петроградского Совета», 23 апреля 1917 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 324.

⁴ А. Kerensky. La Révolution russe. Paris, 1928, p. 103.

ровки заявление, что он не может больше брать на себя ответственность за распад страны.

Отставка лидеров двух крупнейших буржуазных партий несомненно огорчила правящие круги союзников, но в общем-то она произошла с их благословения и даже при некотором содействии их представителей в Петрограде, и прежде всего Альбера Тома. Сразу же по прибытии в Петроград Тома занялся «посредничеством» между Временным правительством и Советом. Когда Палеолог ввел его в курс русских событий и порекомендовал поддерживать Милюкова против Совета, так как он «представляет политику альянса», Тома возразил, что в первую очередь следует серьезно подумать над тем, как бы не оттолкнуть русскую демократию. И добавил, что он прибыл в Россию специально, чтобы разобраться в сложившейся ситуации¹. Времени для этого потребовалось не так уж много. Тома быстро убедился в отсутствии реализма в позиции Палеолога. Своими откровенно империалистическими высказываниями Милюков действительно мешал мобилизации сил на войну, а посему нецелесообразно было выступать в его защиту. 11 апреля состоялось совещание Альбера Тома и Палеолога с английским и итальянским послами, на котором обсуждался вопрос о положении во Временном правительстве. На этом совещании Палеолог снова попытался убедить своего соотечественника в необходимости оказать Милюкову всяческую поддержку. С ним солидаризировался и итальянский посол. Оба они полагали необходимым поддерживать Милюкова против Керенского и считали, что было бы тяжелой ошибкой не противопоставить Совету «политического и морального авторитета союзных правительств». «С Милюковым и умеренными членами Временного правительства,—заклучил Палеолог,—у нас еще есть шанс задержать процесс анархии (имея в виду развитие революции.— В. В.) и удержать Россию в войне»².

Однако Тома, поддержанный британским послом, отверг эту точку зрения. Тома и Бьюкенен пришли к выводу, что без содействия меньшевиков и эсеров Временному правительству не удастся овладеть револю-

---

¹ См. П. Н. Милюков. Воспоминания, стр. 355—356.

² Там же, стр. 356.

ционной энергией масс и направить ее в нужное им русло. Ответственный представитель французского кабинета опасался, как бы союзные правительства, открыто став на сторону Милюкова, не потеряли «весь кредит» у мелкобуржуазных партий России, а без их сотрудничества и поддержки правительство Львова ожидал крах.

В Париже и Лондоне точка зрения Тома и Бьюкенена была одобрена. Правительство Ллойд Джорджа и Рибо понимали, что в настоящий момент нельзя делать ставку на Милюкова. По словам управляющего делами Временного правительства В. Набокова, Тома отзывался о Милюкове пренебрежительно и враждебно, и прежде всего потому, что последний не обладал гибкостью в проведении внешней политики, не умел, да и не считал нужным маскировать захватнические цели русской и антантовской буржуазии, выступал с открытым империалистическим забралом. Это, несомненно, наносило серьезный ущерб делу мобилизации сил на войну, особенно в новых условиях. «Альбер Тома,— пишет Керенский,— имевший редкую интуицию, с первого момента понял, что русская революционная катастрофа требовала от русского правительства, так же как и от союзников, совершенно новой военной и международной политики или, по крайней мере, видимости такой политики»¹.

Именно видимости, а не действительного обновления или изменения политики. В этом и проявилась вся та «редкая» политическая интуиция одного из лидеров II Интернационала, о которой с таким поклонением писал российский лейборист. По мнению Тома, повествовал далее Керенский, словесные формулы, в которые облекалась «необходимость» продолжения войны, не имели существенного значения. Главное — убедить массы в том, что она действительно неизбежна и необходима. А для этого можно прибегать к «любым способам, действуя совместно с Временным правительством и помогая ему до конца»². Другими словами, можно всячески лгать и извращаться, лишь бы заставить народ проливать свою кровь за чуждые ему интересы

---

¹ А. Kerensky. Op. cit., p. 341.

² Ibid., p. 342.

господствующих классов. Наиболее подходящим для выполнения такой роли Альберу Тома представлялся молодой министр юстиции Керенский, окруженный ореолом революционера.

Примерно так же рассуждал и Бьюкенен. Отставка Милюкова, докладывал он в Форин-оффис 17 апреля, во многих отношениях будет потерей для союзников, «так как он является представителем умеренного элемента в кабинете (т. е. представителем крупной буржуазии.— В. В.) и держится вполне здоровых взглядов по вопросу о войне», но не имеет никакой опоры в массах и поэтому не в состоянии эффективно проводить взятый правительством курс. По тем же соображениям Бьюкенен считал возможным пожертвовать и вторым «другом союзников», Гучковым, который, по его мнению, также не стоял на высоте положения и был совершенно бессилён перед лицом все возраставшего революционного движения. В этом отношении Бьюкенен, как и Тома, отдавал явное предпочтение Керенскому, сумевшему вначале втереться в доверие ослепленных своими успехами масс. Вместе с тем Бьюкенен надеялся, что с уходом Милюкова Англии легче будет перекрестить соглашение о проливах, которые она никак не хотела уступать России, стремясь любыми средствами изъять из «розыгрыша» этот самый большой, по выражению Асквита, «приз войны»¹.

Союзные империалисты приветствуют коалиционное правительство

В поисках выхода из острого политического кризиса 5 мая было сформировано первое коалиционное правительство, в состав которого наряду с министрами-капиталистами вошли министры-социалисты, представители партий меньшевиков и эсеров. Временное правительство пополнилось новыми «заложниками демократии»; теперь вместо одного их стало шесть (А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, М. И. Скобелев, И. Г. Церетели, А. В. Пешехонов, Г. Н. Переверзев). Тем самым эсеров-меше-

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 227—228, 233.

вистские лидеры вступили на путь открытого, еще более активного пособничества буржуазии, рассматривавшей участие социалистов в правительстве лишь как удобную ширму для проводимой ею империалистической политики. «Факт налицо,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстановить царя — за кадетов.

А меньшевики и народники дали 6 своих министров в заложники 10-ти министрам-кадетам»¹.

Новый кабинет по-прежнему возглавлял князь Львов. Керенский занял в нем пост военного и морского министра. Меньшевик Скобелев стал министром труда, эсер Чернов — министром земледелия. «Мученик революции» меньшевик Церетели получил портфель министра почт и телеграфа, народный социалист Пешехонов и трудовик Переверзев — соответственно портфели министра продовольствия и министра юстиции. Вместо Милюкова на пост министра иностранных дел был назначен министр финансов в первом составе Временного правительства М. И. Терещенко. На других министерских постах остались кадеты и октябристы, а также некоторые «беспартийные» ставленники помещиков и буржуазии.

Мелкобуржуазные социалисты были привлечены в правительство для укрепления власти буржуазии, помощи в реализации ее планов. Смысл данной комбинации довольно откровенно выразил Керенский, заявивший, что лишь с утра 5 мая, когда был оформлен блок буржуазных и «умеренно-социалистических» партий, Временное правительство «впервые с начала революции оказалось в состоянии управлять, требовать, приказывать»². Именно этого и добивалась буржуазия. И поначалу казалось, что цель достигнута. Отныне все официальные акты как в области внутренней, так и внешней политики исходили не только от ставленников банкиров и промышленников, но и от представителей так называемой «революционной демократии» в лице ее эсеро-меньшевистских лидеров, получивших министерские портфели.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 211.

² А. Kerensky. Op. cit., p. 146.

Включение представителей Совета в состав правительства явилось важным шагом на пути к ликвидации двоевластия, столь ненавистного российской и союзнической буржуазии. В этом основная цель и сущность коалиции, на которую согласилась пойти контрреволюционная буржуазия. «Образование коалиционного правительства,— с удовлетворением телеграфировал Терещенко послу в Вашингтон,— совершенно изменило положение Временного правительства, обеспечив ему поддержку Соврабдеп... Благодаря этому исчезло двоевластие, бывшее при первом составе правительства»¹.

Двоевластие, конечно, еще не исчезло, но оно уже не так связывало Временному правительству руки, как прежде.

Даже Милюков, вышибленный из министерского кресла не без усилий соглашателей, вынужден был агитировать своих единомышленников за коалицию. Образование коалиционного правительства, говорил он в частном заседании членов Государственной думы 4 мая, «усиливает власть». Но еще более важная задача, подчеркивал отставной министр, состояла в том, чтобы переломить настроение солдат, отказывавшихся продолжать войну, и заставить их снова пойти в бой. «Это настроение,— говорил он,— не удалось переломить при старом Временном правительстве, потому что доверие солдатских масс к нему было недостаточно. Наоборот, Совет рабочих депутатов пользуется всем доверием этой массы, и когда нас спрашивали, как бы устроить, чтобы солдаты понимали, что даже задачи обороны не ограничиваются обороной в узком смысле и предполагают наступление, мы говорили: обратитесь к Совету рабочих депутатов, чтобы он сделал воззвание, в котором это было бы сказано, и солдаты ему поверят. Совершенно естественно, что министерство, составленное из представителей партий, поддерживаемых Советом рабочих депутатов, может достигнуть этой цели, и как ни осторожно Совет... относится к задачам войны, но тем не менее в завтрашней декларации будет сказано, что наступательные действия не исключаются... Для данного момента это самое важное»².

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 469.

² См. «Буржуазия и помещики в 1917 году», стр. 12—13.

Правофлангового кадетов смущало лишь одно обстоятельство, а именно: формула мира без аннексий и контрибуций, на включении которой в правительственную декларацию соглашатели настаивали прежде всего для оправдания перед массами своей сделки с цензовиками. Милюков опасался, что принятие правительством этой формулы, хотя бы на словах, может серьезно расстроить отношения с союзниками. Но в конце концов, соглашался он, все уладится, союзники поймут, что к чему, и русская буржуазия несомненно останется в выигрыше от такой сделки. «Какие бы страшные формулы... мы ни писали,— разъяснял своим единомышленникам «прозревший» вдруг лидер,—но если армия будет воевать, то это будет, конечно, фактическим соблюдением наших обязательств по отношению к союзникам, и это оправдывает попытку образования коалиционного кабинета»¹.

В данном случае глава кадетов был несомненно прав. Именно так расценили это и правящие круги союзников, ибо как для русской, так и союзнической буржуазии важно было прежде всего удержать Россию в войне, заставить ее бросить свои армии в бой, затормозив тем самым рост революции. В этой связи весьма характерна телеграмма Френсиса, отправленная им в Вашингтон 2 мая. «Г. Милюков,— доносил посол,— вышел в отставку, г. Терещенко назначен министром иностранных дел, г. Керенский назначен военным министром. И Керенский и Терещенко стоят за продолжение войны. Известно, что эти назначения обеспечивают коалиционный кабинет, в котором рабочая часть будет сторонницей наступления»².

Таким образом, буржуазия и мелкобуржуазные социалисты еще не кончили торговаться о составе правительства, а союзники уже знали истинную подоплеку этих торгов и одобряли сделку, ибо «рабочая часть» не только подтверждала свою солидарность с политикой войны, но и подряжалась в качестве ее основного исполнителя. Союзники надеялись, и не без основания, что создание коалиции не приведет к «смене вех» ни во внутренней, ни во внешней политике, что коалиционное

¹ См. Н. Губский. Революция и внешняя политика России, стр. 43.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 142.

правительство сможет продолжать курс правительства первого состава, прибегая лишь к более тщательной маскировке поставленных перед собой целей.

Действительно, под давлением революционных масс в программу нового правительства была включена формула мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. В опубликованной 6 мая правительственной декларации говорилось: «Во внешней политике Временное правительство, отвергая... всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий,— мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов»¹.

Для придания этому большей весомости и убедительности коалиционное правительство обещало предпринять «подготовительные шаги» к пересмотру целей войны и соглашению с союзниками на основе декларации 27 марта. Широковещательные обещания давались и в области внутренней политики. Но суть декларации была в том, что она нацеливала на активное продолжение войны. В ней утверждалось, что мира можно добиться лишь путем разгрома Германии, чем обосновывалась необходимость не только «обороны», но и наступления. Поражение России и ее союзников, гласила декларация, сделало бы невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, а потому организация и укрепление боевой силы армии «как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного правительства».

Как показали дальнейшие события, обещание скорого и справедливого мира на основе самоопределения народов было всего лишь словесной уступкой требованиям и настроениям революционных масс. Включая указанную формулу в свою «программу», Временное правительство вовсе и не собиралось проводить ее в жизнь. Львов, оставшийся во главе коалиционного кабинета, еще в начале апреля в беседе с английским

---

¹ «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». М., 1959, стр. 229.

послом говорил, что в эту формулу можно вложить любой смысл, какой пожелают правительства, например «освобождение» от ига неприятеля¹.

Не собиралось коалиционное правительство поднимать вопроса и о заключении мира. Японский посол в Петрограде Ушида, информируя свое правительство о создании нового кабинета и его программе, подчеркивал, что первая статья декларации коалиционного кабинета ни в коем случае не означает предложения немедленного общего мира, что война ни при каких обстоятельствах не прекратится и вопрос о всеобщем мире встанет только после ее окончания. Соответствующие разъяснения были получены им лично от Терещенко. «Он принял должность министра иностранных дел,— продолжал Ушида,— чтобы оказать поддержку военному и морскому министру Керенскому и чтобы сделать действия против неприятеля более энергичными»².

Таким образом, провозглашение реорганизованным кабинетом «демократической платформы мира», равно как и обещание внутренних демократических реформ, призвано было обеспечить активное продолжение империалистической войны ради осуществления прежних планов. Вскрывая политическую подоплеку новой правительственной комбинации, В. И. Ленин еще до формирования коалиционного кабинета предупреждал: «Перемена лиц ни к чему не приведет, надо переменить политику. Надо, чтобы у власти стал другой класс... Только это может ускорить конец войны, только это может облегчить нам пережить экономическую разруху»³.

Исходя из принципиальной классовой оценки событий, большевистская партия со всей определенностью и категоричностью выступила против создания коалиционного правительства и оказания ему какой-либо поддержки. Данный вопрос обсуждался на Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), и 29 апреля по нему была вынесена специальная резолюция. Обрисовав глубинные причины столь острого кризиса, конференция отметила: «В этом критическом

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 136; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 225.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 144.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 3.

положении для правительства капиталистов одним из выходов, хотя бы на самое короткое время, представляется вовлечение вождей Совета, т. е. вождей партии народников (Чернов, Пешехонов и пр.) и меньшевиков (Чхейдзе, Церетели и пр.), путем включения их в министерство, в еще более активную поддержку империалистической войны»¹.

Обращая внимание на тот факт, что широкие народные массы, в первую очередь рабочие и солдаты, начинают разочаровываться во Временном правительстве, но еще не изжили окончательно иллюзии, будто создание коалиции способно исправить положение, резолюция подчеркивала, что именно поэтому всякий, кто вступит в министерство, ведущее империалистическую войну, станет соучастником антинародной политики буржуазии. Партия пролетариата, говорилось в заключительной части резолюции, на основании всего изложенного самым решительным образом высказывается против посылки Советами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство.

Руководствуясь этим решением, представители большевиков в исполкоме Петроградского Совета вместе с присоединившимися к ним интернационалистами некоторых других политических групп голосовали против сделки эсеров-меньшевистского большинства с буржуазией, сделав по этому поводу специальное заявление, в котором, в частности, указывалось: «Спасение народов России может быть обеспечено лишь рядом революционных мер во внутренней и внешней политике, которые бы прямо порвали с охраной прибылей русских капиталистов и помещиков и империализмом «союзных» стран. Эти меры могли бы быть решительно и искренне проведены в жизнь лишь при переходе всей власти к Советам р. и с. д.»

Позиция большевистской партии по вопросу о создании коалиционного правительства нашла поддержку среди рабочих, а также наиболее сознательной части солдат и крестьянства. Так, рабочие завода «Старый Парвиайнен», узнав о намерении Совета послать своих

---

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 344.

представителей на «доукомплектование» кабинета Львова, на общем собрании заявили: «Протестуем против предполагающегося вхождения социалистов в буржуазное коалиционное министерство и считаем единственной властью Совет рабочих и солдатских депутатов...»¹

Выражая настроения передовой части рабочих и солдат, Тушинско-Гучковский районный Совет Москвы вынес следующее постановление: «При настоящих условиях С. Р. и С. Д. ни в коем случае не должны принимать участия в создании коалиционного министерства. Создание коалиционного министерства есть шаг контрреволюционный, что вполне доказала Западная Европа...»²

События полностью подтвердили правоту ленинской партии. Заручившись поддержкой соглашателей, буржуазия стала действовать более решительно и смело. Вслед за опубликованием декларации Львов в интервью корреспондентам заявил: «Страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой»³. Такую же ясность внес и Терещенко, выступив на следующий день после опубликования правительственной декларации с заявлением для печати, которое явилось как бы ее официальным толкованием. Хотя в самом начале терещенковского заявления и говорилось, что первейшая задача преобразованного правительства состоит в скорейшем достижении всеобщего мира, в целом заявление свелось к обоснованию необходимости наступления русской армии, необходимости воссоздания боевой мощи России и реального доказательства этой мощи⁴.

Выступление молодого министра понравилось союзникам. Бьюкенен, например, расценил его как «хорошее начало». В своем очередном донесении в Форин-оффис от 8 мая он писал по этому поводу: «Терещенко, сменивший Милюкова на посту министра иностранных дел, сделал хорошее начало тактичным обсуждением вопроса о наших соглашениях в своем сообщении печати. Он служит как бы посредником между «буржуа-

---

¹ «Правда», 29 апреля 1917 г.

² «Социал-демократ», 1 (14) мая 1917 г.

³ «Новая жизнь», 7 мая 1917 г.

⁴ См.: «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация», стр. 233.

зией» и демократией, хотя крайние его не любят»¹ (под «крайними» подразумевались, конечно, большевики). Итак, еще один «симпатичный посредник», но уже из среды крупных капиталистов, считавший себя, как известно, «беспартийным».

Уже из приведенных суждений отчетливо видно, что союзники одобрили сделку буржуазных и «умеренно-социалистических» партий, и не только одобрили, но и приняли непосредственное участие в ее практическом оформлении. Ясны и причины, побудившие их поддерживать тактику русской буржуазии, направленную на тесное «сотрудничество» с партиями эсеров и меньшевиков. Наиболее откровенно об этом говорится опять-таки в донесениях Бьюкенена. Обосновывая необходимость известной реориентации политики союзников по отношению к русским событиям, он писал в свое министерство иностранных дел спустя два дня после формирования первого коалиционного правительства: «Мы поставлены перед необходимостью считаться с тем фактом, что социализм является в настоящее время господствующей силой, и если мы хотим заручиться его поддержкой в пользу продолжения войны до конца, то мы должны попытаться завоевать его симпатии»².

Сопоставляя все «за» и «против», великобританский посол пришел к выводу, что создание коалиционного правительства представляет для союзников «последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на русском фронте». Благодаря такому альянсу, считал он, буржуазии удастся ликвидировать двоевластие, без чего нельзя рассчитывать на подавление революции. «Так как Совет является слишком могущественным фактором, чтобы его можно было подавить или чтобы им можно было пренебрегать,— подчеркивалось в том же донесении,— то единственным путем к прекращению аномалии двойного правительства (т. е. двоевластия.— В. В.) является образование коалиции».

Но дело заключалось не только в самой «аномалии». Правительство Львова находилось уже на краю гибели, и только блок с мелкобуржуазными партиями давал ему возможность удержаться у власти. По этому по-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 234.

² Там же.

воду в резолюции VI съезда РСДРП(б) было записано: «Первый же кризис, разразившийся 20—21 апреля, неминуемо привел бы к падению буржуазного Временного правительства и к мирному переходу власти в руки Советов, если бы вожди их, эсеры и меньшевики, не спасли правительства капиталистов, связав с его судьбой Советы под видом коалиционного министерства»¹.

Учитывалось, безусловно, и другое обстоятельство, а именно: меньшевики и эсеры казались все менее опасными «революционерами», с которыми можно и нужно найти общий язык. Доверие к ним поддерживалось прежде всего тем, что они открыто объявили себя противниками пролетарской революции. Исходя из своей несостоятельной, антинаучной догмы о незрелости России для социализма, соглашатели упорно выступали против перехода всей полноты государственной власти в руки Советов. Свою позицию в данном вопросе они оправдывали также тем, что не следует отпугивать буржуазию от революции, а, напротив, необходимо «до конца исчерпать ее революционные возможности» в интересах закрепления победы над самодержавием.

Подобную же линию эсеров-меньшевистские деятели проводили и по отношению к союзнической буржуазии. Выступая на съезде делегатов фронта от имени исполкома Петроградского Совета, Церетели заявил: «Мы не стремимся сейчас разорвать союз с союзными нам державами. Наоборот, мы прилагаем все усилия к тому, чтобы этот союз, заключенный буржуазией, был еще теснее спаян цементом единения и братства демократий стран Согласия»².

И в своей практической деятельности соглашательские партии уже не казались союзникам столь опасными противниками, как вначале: они все больше завоевывали их расположение. Иностранные представители в Петрограде заметили, что между Советом и Временным правительством постепенно устанавливается прочное «перемирие», являвшееся, по их наблюдениям, результатом совпадения «оборонительных» намерений обеих сторон³. Это вселяло в них надежду на достижение работоспособного и выгодного для буржуазии прави-

¹ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 374.

² «Речь», 30 апреля 1917 г.

³ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 134.

тельственного альянса. Причем эсеро-меньшевистские руководители с каждым днем давали все новые доказательства своей приверженности политике войны. Еще до опубликования новой правительственной декларации, 1 мая, они выступили от имени Совета с воззванием к социалистам всех стран, которое целиком было проникнуто духом оборончества и в котором упорно доказывалось, будто Временное правительство усвоило демократическую платформу мира и потому, следовательно, война с его стороны перестала носить империалистический характер¹.

Одновременно с воззванием к социалистам всех стран меньшевики и эсеры опубликовали столь же характерное обращение к армии, посвященное исключительно обоснованию «необходимости» наступления. Солдат настойчиво убеждали в том, что активные боевые операции диктуются нуждами обороны, интересами защиты русской революции². Авторы обращения ничуть не смущало то обстоятельство, что «защищать» русскую революцию таким путем особое рвение проявляли царские генералы и империалистическая буржуазия, как «своя», так и союзная. По поводу этого документа один из видных представителей оборончества — В. Б. Станкевич позже писал: «Воззвание звучало так воинственно, что впоследствии из армии от частей приезжали делегаты специально для того, чтобы удостовериться, не подложно ли воззвание — настолько оно казалось необычным для того Совета, в первом номере «Известия» которого был напечатан большевистский манифест³ и который до сих пор всегда говорил о войне так сдержанно и с колебаниями»⁴.

Составители обращения с негодованием выступали против братания на фронте. Они злобно обрушивались на большевиков, призывавших к братанию и разъяснявших солдатским массам, что оно является наиболее верным путем к миру, истинно пролетарской формой

¹ См. Ю. В. Ключников, А. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2. М., 1926, стр. 77—78.

² См. «Известия Петроградского Совета», 2 мая 1917 г.

³ Речь идет о манифесте ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России», выпущенном Бюро ЦК 27 февраля 1917 г. (см. стр. 13).

⁴ В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920, стр. 123.

борьбы за прекращение братоубийственной войны. Одновременно эсеро-меньшевистские деятели нажимали на рабочих, призывая их к всемерной интенсификации военного производства, к отказу от борьбы за улучшение их экономического положения и т. д. Особое усердие проявлял министр труда Скобелев.

Увлекая массы на ложный путь, эсеро-меньшевистские проповедники доказывали, что мир может быть достигнут только в результате победы и не иначе, как «по общему соглашению» союзников, т. е. правящих кругов. Причем они сеяли иллюзии, будто торжество одной из империалистических группировок принесет народам «демократический» мир, прикрывая тем самым захватнические планы держав Антанты.

Что касается русской буржуазии, то соглашатели, по существу, почти перестали и говорить о ее экспансионистских устремлениях. Меньшевик Розанов буквально на следующий день после отставки Милюкова заявил: «Фронт империализма прорван у нас окончательно». А лидер эсеров Чернов в подкрепление этого «принципиально нового» положения даже пытался научно обосновать «невозможность» для русской буржуазии проводить империалистическую политику. «Россия,— говорил он на III съезде эсеровской партии,— по существу страна неимпериалистическая. При теперешнем положении индустрии в России рассчитывать ей на мировое влияние, на распространение своих товаров нельзя... Поэтому, когда русская буржуазия пытается быть империалистической, она влезает на ходули и скорее с этих ходуль слезает, чем многие доктринеры»¹. Вся эта псевдонаучная аргументация была мобилизована для того, чтобы оправдать блок с буржуазией, доказать возможность и необходимость политического сотрудничества с нею, обеспечить «гражданский мир» и «священное единение».

Для союза с империалистами Антанты и США находилось не менее оригинальное оправдание. И здесь уже упражнялся в крючкотворстве другой теоретик соглашательства — Гоц. Выступая на том же съезде с докладом о войне, он упорно доказывал, что войну

---

¹ Цит. по книге: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. М., 1946, стр. 421—422.

никак нельзя лишить ее империалистического содержания и поэтому вообще нецелесообразно ультимативно требовать от союзников отказа от захватнических целей. Приблизительно такую же концепцию развивал меньшевик Дан.

Таким образом, вступив в правительственный блок с буржуазией, меньшевики и эсеры окончательно избрали империалистический путь к миру — путь одоления одних капиталистов другими. Это и объясняет, почему правящие круги Антанты пошли с ними на открытое сближение, сохраняя, разумеется, самый тесный союз с русской буржуазией и отстаивая общие с нею интересы.

Керенский обещает победу

Назначение Керенского на пост военного министра было связано прежде всего с форсированием подготовки русской армии к активным боевым операциям. Керенский казался единственным человеком, «способным обуздать» революцию и удержать Россию в войне. Следует еще раз подчеркнуть, что для союзников, как и для русской буржуазии, это была единая задача: удержание России в войне считалось немыслимым без подавления революции и, наоборот, активное ведение войны должно было содействовать борьбе с революцией.

Правящие круги союзников присматривались к Керенскому с самого начала революции. Разумеется, они охотно отдали бы предпочтение несоциалисту. Однако буржуазия оказалась «бедна талантами»: она не смогла выделить из своей среды никого, кто сумел бы представлять и защищать ее интересы в такой сложной и острой ситуации. Как говаривали некоторые из представителей западных держав, в этот ответственный исторический момент среди русской буржуазии и других господствовавших классов и социальных групп не нашлось ни одного «сверхчеловека».

Прежде всего, очень слабым и нерешительным казался им сам глава Временного правительства Львов. Не лучшими представлялись и его министры. Как Львов, так и его коллеги, отмечал Бьюкенен, «были бы превосходными министрами в более нормальное время.

Но положение очень далеко от нормального, и в надвигавшейся борьбе с Советом требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно (?) образовавшегося собрания. В правительстве не было ни одного такого человека»¹.

«Плачевно слабыми» перед лицом большевистской пропаганды оказались и лидеры двух крупнейших буржуазных партий — Гучков и Милюков. Не могли претендовать на роль «спасителей» и другие буржуазные министры.

Лишь один из них подавал надежды стать «человеком действия» — это «представитель демократии» Керенский. «Керенский, — аттестовал его Бьюкенен, — был единственным министром, личность которого, хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто останавливающее внимание и импонирующее». Палеолог, в свою очередь, сообщал в Париж, что из всех русских министров больше всего соответствует моменту Керенский. Являясь всего лишь министром юстиции, он действует как настоящий глава правительства².

Особенно представителей союзников подкупал в нем оголтелый социал-шовинизм. «Керенский, — писал Бьюкенен, — был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне». Войдя в состав правительства, Керенский, как уже отмечалось, сразу же пообещал союзникам «сделать войну национальной».

Не в меньшей мере импонировал им и его столь же откровенный антибольшевизм: он быстро зарекомендовал себя как противник революции, на которого либералы и консерваторы могли вполне положиться. Конечно, последние относились к нему с предосторожностью и некоторой опаской, но постепенно ему оказывали все большее доверие и в конце концов стали считать «почти своим». Швейцарский посланник в Петрограде Одье в одном из донесений в Политический департамент в Берн еще в начале апреля отмечал, что в некоторых дипломатических кругах столицы, обеспокоенных судьбою Временного правительства,

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 220—221.

² A. Ribot. *Lettres à un ami*. Paris, 1924, p. 229—230.

«сильно рассчитывают на энергию и опытность Керенского»¹.

Министр юстиции, по словам английского посла, не сочувствовал в тот момент мысли о применении энергичных мер против Совета и революционной пропаганды в армии, на чем настаивали союзные представители, но зато ясно давал понять, что он не является и его защитником, хотя и значится одним из заместителей председателя Петроградского Совета. В беседе с Бьюкененом 26 марта Керенский заявил: «Совет умрет естественной смертью», социалистическая пропаганда в армии прекратится, и последняя окажется тогда более способной помочь союзникам выиграть войну, чем при старом режиме. «Керенский,— писал английский посол,— назначенный министром юстиции, играл роль посредника между Советом и правительством, и оппозиция первого была преодолена, главным образом, благодаря ему». Вот почему глава дипломатического корпуса и другие представители союзников проявляли к нему повышенный интерес и даже добивались сближения с ним. «Я постоянно вхожу также в дружбу с Керенским»,— информировал Бьюкенен свое начальство 10 апреля. Не случайно В. И. Ленин охарактеризовал Керенского как опаснейшего агента буржуазии, проводившего под прикрытием громких фраз и пустых обещаний ее империалистическую политику.

Став военным министром, Керенский всю свою энергию, весь свой «революционный» пыл направил на ускоренную подготовку наступления. Союзники, конечно, были обрадованы. Наконец-то объявился чародей, которому суждено существенно повлиять на ход войны. Кое-кто из наиболее восторженных пророков торопился предсказать, что новому русскому военному министру суждено помериться славою с самим Наполеоном, а некоторые, скорее в насмешку, уже называли его «маленьким Наполеоном».

«Маленький Наполеон» между тем развил бурную деятельность. Не теряя ни минуты, он принялся наводить «революционный порядок» в войсках, стремясь как можно скорее погнать их в бой. Став во главе военного ведомства, он сразу же отправился в поездку по

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 131.

фронтам и отдельным тыловым военным округам, где произнес десятки речей, взывая к «революционной совести» солдат и уговаривая их пойти на «почетную смерть на глазах у всего мира во имя свободы и революции». Одновременно был принят ряд суровых мер против братания и других «нарушений» воинской дисциплины. Среди них особенно выделялись циркуляр главы Временного правительства министра внутренних дел Львова, призывавший бороться с «проявлениями анархии», и приказ военного министра № 17. С большой жестокостью преследовалось братание на фронте. Военные и дипломатические представители союзников с удовлетворением информировали свои правительства об «энергии» нового военного министра и его борьбе с революционным движением в армии¹. Со своей стороны министр иностранных дел Терещенко в телеграмме русским дипломатическим представителям за границей сообщал: «Поездки Керенского и принятые им меры произвели большое впечатление: можно считать, на фронте идет процесс оздоровления армии. Из принятых мер следует отметить закон, карающий дезертирство лишением прав на землю и каторжными работами... Рядом с этим — смещение генералов, расформирование полков, оказывающих неповиновение, привлечение к суду за воинские преступления. В общем, военный министр бодро смотрит на будущее армии»².

Своим рвением Керенский снискал всеобщее уважение приверженцев войны. Соглашатели сделали из него настоящего кумира. «Мы с верой смотрим на нашего военного министра», — с упоением произносили они. Буржуазия также расточала ему всевозможные комплименты. Крупный московский промышленник С. Н. Третьяков, выступая с приветственной речью от имени Комитета общественных организаций при посещении его военным министром, заявил: «Если бы мы все подобно товарищу Керенскому горели тем же огнем пламенной веры и любви и эти чувства приложили к делу устройства русской жизни, около нашего военного министра сгруппировалась бы такая армия сильных духом людей, которой не страшны были бы ни

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 234.

² АВР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 470.

анархия (т. е. революция.— В. В.), ни разруха»¹. В ответ Керенский клятвенно заверял, что русская армия до конца выполнит свой долг, и призывал всех, «как в начале войны», объединиться вокруг нее «в едином порыве».

Заодно с Керенским в поте лица трудилась вся эсеро-меньшевистская гвардия, не говоря уже о буржуазии и ее партиях. Газета «Новая жизнь» в связи с этим писала, что военное министерство проявляет чрезвычайную энергию, работая совместно с буржуазией и большинством «демократических элементов». «Не приходится сомневаться в том,— заключала газета,— какую оно преследует цель: объединение фронта союзников и возвращение к наступлению»².

Выполняя принятые на себя обязательства перед буржуазией, соглашатели развернули усиленную пропаганду, устную и в печати, доказывая, будто наступление необходимо для скорейшего достижения мира. Они выдвинули даже специальный лозунг, гласивший, что путь к миру лежит через окопы противника. Спекуляция на огромной жажде масс к миру была одним из наиболее распространенных приемов агитации в пользу наступления. Не менее охотно использовались в этой агитации антимонархические настроения революционных масс. Последним внушали, что продвижение русской армии поможет трудящимся центральных держав свергнуть Габсбургов и Гогенцоллернов и установить демократический республиканский строй. Война все чаще изображалась теперь не просто оборонительной, но и революционной. Не переставали взывать и к чувству революционной гордости, к патриотическому долгу и т. п. Солдат убеждали в необходимости сорвать замыслы кайзера и его генералов разгромить Россию, а вместе с ней и революцию.

Проповедники и носители «священного единения» с буржуазией даже сами одно время пришли в замешательство от такой оглушительной пропаганды. Орган Петроградского Совета газета «Известия», находившаяся под контролем эсеро-меньшевистской верхушки, писала в одной из своих передовиц: «В призыве Совета

¹ «Вестник Временного правительства», 30 мая (12 июня) 1917 г.

² «Новая жизнь», 4 мая 1917 г.

рабочих и солдатских депутатов к армии, в декларации нового Временного правительства, в речах нового военного и морского министра А. Ф. Керенского, в его приказах — повсюду за последние дни мелькает одно и то же слово: «наступление». Может создаться впечатление, будто наступление — главная работа нового Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, будто смена правительства главной целью имела переход наших армий на фронте от обороны к наступлению. Но такое впечатление — глубоко ошибочно¹. Вслед за тем авторы передовой неуклюже пытались доказывать, что на повестке дня стоит не само наступление, а всего лишь «создание возможности наступления». «Совершенно неверно, — изворачивались они, — будто мы организуем наступление на фронте... На очереди не наступление, а создание возможности наступления. Именно возможность наступления нам нужна для того, чтобы прекратить перебрасывание германским штабом дивизий с нашего фронта на англо-французский фронт. Именно возможность наступления нужна, чтобы приостановить начинающийся процесс разложения нашей армии. Именно возможность наступления необходима, чтобы в ходе мирных переговоров Россия могла говорить с Германией не как побежденный говорит с победителем, а как равный с равным».

Но подобные разъяснения означали не что иное, как издевательство над революционной совестью масс, злоупотребление их доверием и терпением. Даже сам военный министр не уловил, в чем, собственно, разница между наступлением и возможностью наступления, что скрывалось за этой пропагандистской «тонкостью»: то ли забота о сохранении военной тайны от неприятеля, то ли еще какие-либо соображения, — и по-прежнему продолжал называть вещи своими именами, вызывая всеобщую радость сторонников войны. 27 мая Керенский посетил Москву, где в его честь на Ходынском поле был устроен парад войск московского гарнизона. Выступая после этого парада в Московском Совете солдатских депутатов, военный министр темпераментно призывал к продолжению войны до победного конца, отчетливо намекая на скорое наступление².

¹ «Известия Петроградского Совета», 17 мая 1917 г.

² См. «Вестник Временного правительства», 30 мая 1917 г.

Разоблачая пропагандистские трюки проповедников войны, большевистская партия настойчиво разъясняла массам, что политика наступления не имеет ничего общего с подлинно пролетарской политикой, с борьбой за мир; она призвана похоронить завоевания революции, остановить ее дальнейшее продвижение вперед. «До тех пор,— писал В. И. Ленин,— пока не пересмотрены тайные договоры, связывающие Россию с империалистами других стран, пока Рибо, Ллойд Джордж и Соннино, как союзники России, продолжают говорить о захватных целях своей внешней политики, до тех пор наступление русских войск есть и остается служением империалистам»¹. Только переход власти в руки трудового народа, в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, доказывали большевики, способен положить конец кровавой бойне.

Завершающий этап в подготовке наступления совпал с работой I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшегося в Петрограде 3 июня 1917 г. Съезд мог пресечь авантюру, на которую толкали страну буржуазия и ее прислужники. Большевики решительно предлагали использовать эту возможность. Они призывали делегатов провозгласить переход всей государственной власти к Советам и покончить таким образом с господством буржуазии. «...В России,— говорил на съезде В. И. Ленин,— нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов»². Однако пользуясь своим численным превосходством, эсеры и меньшевики протащили резолюцию, одобрявшую внешнеполитический курс Временного правительства и подготовлявшееся наступление. (Еще раньше такую же резолюцию в поддержку наступления принял I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 4 по 28 мая, на котором также преобладали соглашатели.)

Буржуазия и ее ставленники в правительстве не скрывали своей радости по этому поводу. Терещенко с удовлетворением информировал русских дипломатических представителей в союзных странах о выступлениях на съезде лидера эсеров Чернова, который, как

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 365—366.

² Там же, стр. 270.

отмечал министр, «энергично защищал необходимость наступления и борьбы с анархией», т. е. с революционными выступлениями масс. Эсеро-меньшевистские краснобаи усердно доказывали, что и социалисты союзных стран также настаивают на необходимости наступления русской армии, а потому-де было бы нелепо со стороны России в ультимативной форме ставить перед союзниками вопрос о мире ¹.

Соглашатели упорно цеплялись за сохранение союза с отечественной и союзнической буржуазией. «Мы считаем,— заявил на съезде Церетели,— что в пределах наших усилий и возможностей мы не должны предпринимать таких шагов, результатом которых мог бы явиться разрыв с союзниками... Никакого шага, разрывающего союз с правительствами, с которыми мы в настоящее время находимся в союзе, мы предпринимать не можем и предпринимать не будем» ². Обосновывая «необходимость» сохранения военно-политического союза с империалистами Антанты, невозможность разрыва с ним, эсеро-меньшевистские лидеры вслед за буржуазией и кадетами ссылались на необходимость получения от союзников финансовой поддержки. По поводу этой «поддержки» В. И. Ленин заметил, что она так же «поддерживает» Россию, как веревка повешенного. «Ни сепаратного мира с немецкими капиталистами,— провозгласил Ленин,— ни союза с англо-французскими капиталистами — вот основа внешней политики сознательного пролетариата... *Капиталистическая действительность ставит вопрос ребром: либо в подчинении империалистам одной из групп, либо в революционной борьбе против всякого империализма*» ³.

В морально-политической подготовке наступления активное участие приняли представители союзников. Особенно усердно потрудились Тома, Вандервельде и Гендерсон. Разъезжая по заводам и воинским частям, они убеждали рабочих и солдат в необходимости выполнения союзнического долга, без чего, дескать, невозможно отстоять завоевания революции. «Мы отправля-

---

¹ «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет», т. 2. М.—Л., 1931, стр. 123.

² Там же, стр. 59—60.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 336.

лись на фронт,— признавался Вандервельде,— как проповедники священной войны»¹.

Посланцам «союзной демократии» были широко предоставлены трибуны Петроградского Совета и I Всероссийского съезда Советов, с которых они выступали все с той же проповедью, убеждая в необходимости всеми силами поддерживать войну и предстоящее наступление. Русские должны доказать, настаивал Тома, что они не потеряли ни способности, ни желания бороться за общее дело². В свою очередь Гендерсон в беседе с журналистами без обиняков заявил: «Мы и наши союзники с нетерпением ждем теперь, чтобы русский народ поскорее укрепил свою свободу (т. е. отказался от дальнейшего развития революции.— В. В.) и принял участие в общем наступлении союзных армий»³.

А Вандервельде даже сделал «выговор» своим российским единомышленникам за то, что они слишком много говорят о мире в такой момент, когда все их внимание должно быть сосредоточено на предстоящих военных операциях. Он высказывал в связи с этим сомнение в правильности постановки соглашательской пропаганды. Керенскому и Церетели пришлось долго объяснять своим гостям, что подобные разговоры для того и нужны, «чтобы приготовить предстоящее наступление». Эти небольшие «трения», как квалифицировал их лидер бельгийских социалистов, не мешали, однако, дружной работе российских и европейских социал-патриотов по агитации в русских войсках. Вскоре после этого Альбер Тома и Керенский, а за ними Вандервельде и Гендерсон отправились на фронт, «чтобы рука об руку трудиться над моральной подготовкой наступления, столь лихорадочно ожидаемого на Западе»⁴.

Бурную деятельность развили и военные представители союзников. Нокс, Жанен и их помощники выезжали на Северный, Западный и Юго-Западный фронты. На русско-румынском фронте пропагандистскую кампанию развертывали члены французской, англий-

¹ E. Vanderveldé. Trois aspects de la Révolution russe, p. 85.

² См. «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и бюро И. К.», М., 1925, стр. 345.

³ «Речь», 20 мая 1917 г.

⁴ E. Vanderveldé. Souvenirs d'un militant socialiste, p. 237.

ской и итальянской миссий при румынском королевском правительстве, а также капитан американской армии Иетс. Британский морской атташе вел агитацию в Балтийском флоте. За наступление агитировали приехавшие в Россию посланец фабианского общества Ю. Уэст, лидер женского суфражистского движения в Англии С. Панкхерст ¹, члены американской миссии Рута, в том числе лжесоциалисты Дункан и Рассел, миссия американского Красного Креста и многие другие.

Дирижеры войны торопят с наступлением

Подготовка русской армии к наступлению велась при постоянном и все возрастающем нажиме со стороны империалистических кругов союзников. Как известно, широкое наступление русских войск было запланировано еще до февральского переворота. Решение о нем было принято совместно с союзным командованием на совещании во французском городе Шантильи в ноябре 1916 г. и подтверждено затем на Петроградской союзнической конференции незадолго до крушения самодержавия, в январе 1917 г. Оно должно было начаться весной не позже трех недель после перехода в наступление союзных армий на Западном фронте.

Февральская революция внесла существенные поправки в календарь войны. Однако правительства и верховное командование стран Антанты не хотели отступать от намеченных планов. Не успела в России конституироваться новая власть, как правящие круги союзников стали настойчиво добиваться выполнения указанного решения. От русских дипломатических и военных представителей в союзных странах шел поток донесений, в которых сообщались претензии партнеров по коалиции, их неизменные требования покончить с революцией и возобновить активные операции. Систематическое давление оказывали и представители союзников в Петрограде и Могилеве.

С одной стороны, этот нажим объяснялся военными

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 147; А. В. Игнатьев. Указ. соч., стр. 235.

причинами. Начатое в апреле англо-французское наступление по существу провалилось. Союзники, особенно Франция, понесли большие потери, не достигнув намеченных целей. Они опасались, как бы немцы не перехватили инициативу и не перешли в контрнаступление, хотя германское командование в тот период не имело таких намерений¹. Натиск русских войск, как и в предыдущие годы, должен был значительно облегчить положение союзников.

Сильнейший нажим оказывала Англия, которая в этот период несла большие потери от подводной войны. Для нее было важно, чтобы союзники как можно больше теснили Германию на суше, приближая ее разгром и избавляя тем самым английский флот — основу британского мирового могущества — от излишних потерь. Кроме того, это давало ей возможность активизировать свои действия в Месопотамии, Сирии, Палестине и Африке, где она рассчитывала захватить наибольшие «трофеи». Англичане держали на Западном фронте миллионную армию, которой противостояло немногим более 40 вражеских дивизий. Россия же имела на Восточном фронте свыше 6 миллионов², сковывавших 139 вражеских дивизий. Лондонские стратеги старались и впредь сохранить столь выгодную для них пропорцию.

Но не только военные причины побуждали союзников подталкивать русское наступление. Для западных политиков, равно как и для российской буржуазии, наступление было тесно связано с борьбой против русской революции, которая оказывала все возрастающее влияние на другие страны и путала военно-политические планы правящих кругов Антанты. Под влиянием русской революции заметно обострилась классовая борьба во всех союзных странах. Наибольший размах она приобрела во Франции, переживавшей особенно большие трудности. Поверенный в делах Временного правительства в Париже М. М. Севастопуло доносил 27 мая, что в парламентских и правительственных кругах Франции растут опасения, как бы «русская пацифистская пропаганда», а точнее, конечно, русские револю-

¹ См. «Воспоминания Гинденбурга». Пг., 1922, стр. 45, 53—54.

² См. Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. «История СССР», 1964, № 2, стр. 89.

ционные события не повлияли на массы французского населения и на французские войска «в смысле ослабления их духа и патриотического настроения»¹.

Опасались, конечно, не только упадка «патриотического духа», а гораздо большего. Правящие круги Франции, как и других стран Антанты, неотступно преследовал «призрак революции». В той же телеграмме Севастопуло отмечал, что русская революция вызывает во французской буржуазии «сильную боязнь» ввиду ее влияния на массы французского рабочего класса.

Опасения были вполне обоснованными. Кривая стачечной борьбы во Франции неуклонно поднималась вверх. Согласно официальной статистике, за первые четыре месяца 1917 г. во Франции было 88 экономических стачек, в мае их насчитывалось 90, а в июне уже 285 забастовок, в которых участвовало около 109 тысяч рабочих. Революционное движение захватило и французскую армию. В мае во французской армии прокатилась мощная волна восстаний, вызванных в значительной мере провалом апрельского наступления на англо-французском фронте. Солдаты требовали не только прекращения войны и немедленного заключения мира, но и отставки президента Пуанкаре и правительства Рибо. В конце мая два восставших пехотных полка направились даже к Парижу. Солдаты несли лозунги: «Долой правительство, которое не заключает мира!», «Да здравствует русская революция!». Революционное движение перебросилось и во флот².

Почти такая же напряженная обстановка наблюдалась в Италии. Тревожно было и в Англии. В донесении от 24 апреля Набоков отмечал, что правящие круги Великобритании с самого начала революции были обременены одним «основным вопросом»: как скоро удастся установить «новый порядок» в России и как отразится переворот на ее боевой мощи? Даже в Японии, удаленной от театров войны, заметно оживилось рабочее движение. Как уже отмечалось, одна из основных забот правящих кругов союзников состояла в подавлении революционного движения не только в России, но и в

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 71, т. 1, л. 440.

² См. А. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958, стр. 99, 104. Подробнее о революционной борьбе французских рабочих и солдат в этот период см. там же, стр. 85—108.

других странах. Поэтому партнеры по коалиции еще более настойчиво требовали от Временного правительства форсировать крупные военные операции. Возобновление активных действий на фронте должно было, по их расчетам, явиться важнейшим шагом к подавлению русской революции. «Чем скорее начнутся военные действия,— писал Бьюкенен в Лондон в апреле 1917 г.,— тем лучше будет для внутреннего положения». Точно так же считали и руководители Антанты¹.

Прежде всего надеялись на «оздоровление» русской армии, от состояния которой зависело само существование Восточного фронта. Особенно их тревожило широко распространившееся братание, грозившее, как им казалось, «прервать войну путем простого прекращения боевых действий». Причем отзвуки его все отчетливее слышались и на других союзных фронтах. В наступлении же видели наилучшее средство избавления от этого «недуга». Французский военный министр Пенлеве писал, что германо-русское братание принесло очень серьезный ущерб и дальнейшее бездействие русской армии грозило привести к полному ее распаду. Поэтому, считал он, лучше было как можно скорее завязать активные бои². Такого же мнения придерживался и французский главнокомандующий генерал Нивель. В письме генералу Алексееву, направленном вскоре после падения монархии, он доказывал, что как с точки зрения общих военных интересов коалиции, так и с точки зрения морального состояния русской армии лучшим решением является возможно более скорый переход ее в наступление. Нивель категорически настаивал на том, чтобы Россия, «невзирая на серьезные внутренние события», выполнила обязательства, принятые на конференции в Шантильи.

Не меньшие надежды возлагали и на «оздоровление» тыла, и, главное, на дискредитацию и подавление большевистской партии, в которой видели основного носителя «зла» как в тылу, так и на фронте. Империалистические круги союзников все больше приводил в смятение стремительный рост ее влияния в стране. В ходе

¹ См. Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5. М., 1938, стр. 65.

² P. Painlevé. Comment j'ai nommé Foch et Pétain. Paris, 1924, p. 194—195.

ожесточенной борьбы с многочисленными врагами революции партия большевиков шаг за шагом завоевывала все новые позиции в массовых революционных и общедемократических организациях — в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в профсоюзах и фабзавкомах, в солдатских комитетах и городских думах, успешно создавала вооруженную силу пролетариата — Красную гвардию и т. д. Сама жизнь все больше убеждала рабочих, солдат и матросов, трудовое крестьянство, что единственно правильной политикой, выражающей подлинные интересы народа, является политика пролетарской партии. Лозунги партии, ее программа в целом завоевывали все новых и новых сторонников. Росла армия пролетарской революции.

Значительных успехов в борьбе за массы большевики добились в ходе кампании по перевыборам Советов, проходившей в мае — июне 1917 г. Только за май большевистская фракция Петроградского Совета увеличилась более чем вдвое. В рабочей же секции Совета к концу мая большевики имели около половины депутатских мест. Изменился и состав солдатской секции. Все это не замедлило сказаться и на решениях Совета. Например, при обсуждении вопроса о наступлении на фронте против внесенных соглашателями резолюций проголосовало 279 депутатов. По этому поводу «Правда» писала 22 июня: «Впервые за время существования Петроградского Совета большевики по крайне боевому принципиальному вопросу собрали более трети голосов».

В Московском Совете большевистская фракция стала самой многочисленной — 205 человек, в то время как меньшевики имели 172, а эсеры — 110 человек¹. Особенно заметных успехов большевики достигли в районных Советах Москвы: уже в мае шесть из десяти находились под влиянием большевиков. Еще больше упрочились позиции большевиков в Советах Кронштадта, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Луганска, Красноярска и ряда других городов, где они с самого начала пользовались довольно сильным влиянием. Рост большевистских фракций в Советах сопровождался повышением их политической активности,

---

¹ См. «Известия Московского Совета», 17 июня 1917 г.

усилением роли Советов в области местного самоуправления.

И хотя большинство Советов все еще находилось под руководством меньшевиков и эсеров, будущее крайне тревожило как правящие круги России, так и союзников. Заметных успехов добились большевики и в ходе выборов в городские думы, состоявшиеся в мае — июне 1917 г., что тоже было расценено ими как весьма тревожный факт.

Учитывая все это, союзники полагали, что напряжение военных усилий явится переломным этапом в развитии внутренних событий.

По мере углубления революции наступление русской армии приобретало для союзников все большее значение именно с морально-политической точки зрения, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания прессы и официальных представителей союзников. Английская полуофициозная газета «Таймс» писала 26 июня (9 июля), что наступление в Галиции знаменует собой «новую и многообещающую фазу русской революции». Спустя неделю та же газета снова отмечала: «Союзники России на Западе в данный момент даже больше заинтересованы в моральном значении побед в Галиции, чем в их стратегических и тактических результатах». Подобными комментариями пестрели и другие газеты, писавшие о значении наступления для преодоления «нравственной болезни», которая до сих пор «сковывала самые активные элементы русского общественного мнения». Петроградский корреспондент газеты «Дейли телеграф» Вильямс в одном из своих сообщений в Лондон прямо заявлял, что, «поражая немцев, поражают и большевиков»¹.

Добиваясь скорейшего наступления русской армии, союзники не ограничивались одним лишь морально-политическим давлением. Они использовали и другие рычаги, в том числе и прежде всего материальную «помощь» в виде кредитов и военных поставок. Временное правительство то и дело предупреждало, что, если Россия не предпримет крупных боевых операций, кредиты и поставки ей будут прекращены.

Особенно откровенно прибегали к этому Англия и

---

¹ См. А. В. Игнатьев. Указ. соч., стр. 249.

Франция. Набоков слал в Петроград телеграммы, в которых сообщал о настойчивых требованиях английского правительства форсировать военные приготовления. Он неоднократно подчеркивал, что нельзя рассчитывать на получение от английского казначейства новых кредитов до тех пор, пока русская армия не обрушится на врага.

Образование коалиционного правительства и развернутая им бурная кампания в пользу наступления несколько успокоили английские правящие круги. Однако предоставление кредитов по-прежнему ставилось в зависимость от возобновления активных операций на русском фронте. Англия предъявила почти ультимативные требования, настаивая, чтобы Россия как можно скорее превозмогла «припадок слабости» и тем самым положила конец сомнениям союзников. «Пока русская армия не тронется с места,— снова и снова твердил Набоков,— до тех пор никакие обещания, никакие призывы с нашей стороны не окажут воздействия на выжидательное настроение Англии».

Стремясь подтолкнуть наступление русской армии, английские министры стали пугать Временное правительство не только приостановкой кредитов и военных поставок, но и возможностью распада англо-русского союза вообще. В правительственных сферах, среди деловых людей и в печати, сообщал в донесении от 3 июня Набоков, наблюдается «растущее чувство недоверия к России и страха за прочность союза с нею», и устранить это неблагоприятное настроение не представляется возможным, несмотря на все усилия.

Столь же энергичное давление оказывала на Россию и Франция. Военные, экономические и политические трудности усиливали настойчивость ее требований. В донесении от 27 мая Севастопуло докладывал, что во французских правительственных кругах и в печати замечается сильное раздражение против России. Причина — разочарование в надеждах, возлагавшихся на нее как на «неистощимый источник боевой силы и богатейшую житницу». По мнению поверенного в делах, только новые успехи русской армии могли изменить к лучшему настроение французских правящих кругов и общественного мнения. Так, Рибо на одном из заседаний палаты депутатов заявил: «Пусть реорганизован-

ная русская армия докажет мощным наступлением, что она понимает обращенный к ней призыв»¹. Со своей стороны военный министр Пенлеве, выступая с той же трибуны, обвинил русскую армию в пассивности и с раздражением заметил, будто русский фронт «служит для германских армий лишь местом для расположения резервов».

Не остались в стороне и другие союзники. Итальянский министр иностранных дел Соннино, телеграфировал из Рима 15 мая Гирс, «в мягкой форме» высказался за немедленное русское наступление, которого итальянское «общественное мнение» ожидает с «нескрываемым нервным напряжением». Спустя неделю Соннино вновь обратил внимание русского посла на то, что наступление русской армии «было бы более, чем когда-либо, своевременным». Подобно своим партнерам, итальянские власти стали задерживать отправку уже выполненных русских военных заказов. В том же плане действовали Япония и Соединенные Штаты, хотя на словах правительство США и соглашалось с тем, что к широкому наступлению русской армии необходима серьезная подготовка.

Не меньше, чем союзники, в наступлении русской армии были заинтересованы и правящие круги самой России. Они связывали с ним большие надежды на укрепление своего положения внутри страны и на международной арене, прежде всего в антантовской коалиции, где ослабление русской военной мощи заметно пошатнуло их позиции. Успешное наступление должно было показать, что Россия по-прежнему является важным фактором войны и международной политики, могучей державой, с которой нельзя не считаться или обходиться как с младшим партнером. «Направление внешней политики,— отмечал Терещенко 1 июня в телеграмме послу в Вашингтоне,— находится в тесной зависимости от состояния армии и возможности наступления». В другой телеграмме, отправленной несколькими днями позже, поверенному в делах в Лондоне, министр иностранных дел снова подчеркивал, что возобновление боевых действий на русском фронте «является

---

¹ См. «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. 2, стр. 470.

первым и непреложным условием для восстановления доверия... союзников и для благополучного завершения войны»¹. Уже после начала наступления Терещенко напоминал военному министру, что «настойчивый тон» в переговорах с союзниками (по военным и политическим вопросам, а также по вопросу о кредитах и военных поставках) «возможен только благодаря нашей боевой активности»².

Но особенно важное значение наступление приобретало в связи с внутривойсковой ситуацией. Переход армии к активным боевым действиям, как полагали вдохновители и сторонники продолжения войны, усилит оборонческие настроения в народе, ослабит классовую борьбу и позволит, таким образом, приостановить развитие и углубление революции. В телеграмме русским представителям в Париже, Лондоне, Токио, Вашингтоне и Стокгольме от 26 июня Терещенко разъяснял, что главная стратегическая цель наступления состоит в том, чтобы удержать неприятельские войска на Восточном фронте, а политическая — создать «психологический перелом» в отношении народных масс к войне. В первую очередь, конечно, рассчитывали на «оздоровление» армии, без чего последняя не могла служить послушным орудием в руках правительства. Позже, возвращаясь к этому вопросу, Терещенко снова отмечал, что еще весной, когда было решено вести наступление, Временное правительство отдавало себе отчет в стоявших перед ним трудностях. «Но было совершенно необходимо, — подчеркивал он, — нарушить состояние фактического, установившегося на фронте после революции перемирия, опасного для военных расчетов союзников и губительного для морального состояния наших войск»³. Не менее определенно высказался на сей счет Керенский. Возобновление русской армией активных действий, писал он, безусловно, было продиктовано «ходом событий внутри страны... нашими собственными политическими соображениями»⁴. А соображения были те же, что и у правящих верхов союзников.

¹ «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация», стр. 249.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 710.

³ «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

⁴ А. Kerensky. Op. cit., p. 209.

Наступление, независимо от его исхода, должно было развязать буржуазии руки в борьбе с революцией. Успех наступления, пусть даже незначительный, мог содействовать укреплению авторитета центральной власти и военного командования, усилению агитации за продолжение войны до победного конца. В случае провала наступления ответственность за него заранее собирались переложить на большевиков, обвинив их в разложении армии, и использовать это обвинение в качестве предлога для проведения массовых репрессий. «Наступление,— предупреждал В. И. Ленин,— при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политически укрепление духа империализма, построений империализма, увлечения империализмом, укрепление старого, не смененного, командного состава армии... укрепление основных позиций контрреволюции»¹.

Подготавливая наступление на фронте, Временное правительство одновременно лихорадочно готовилось к нанесению решительного удара по революции. В телеграмме представителям в Париже, Вашингтоне и Стокгольме, отправленной 17 июня, Терещенко писал: «В будущем назревают события отчасти в Петербурге, отчасти на фронте, которые должны вскрыть сравнительную силу всех участвующих в революции элементов»². Там же отмечалось, что образуются организации «умеренных элементов» (так министр именовал кадетов и прочие буржуазные группировки), преследующие цели борьбы с большевизмом. В другой телеграмме, датированной 19 июня, информируя о состоявшейся накануне демонстрации, Терещенко сообщил: «В общем положение благоприятное для проведения твердой политики»³. Еще через день, в телеграмме представителям в Париже, Вашингтоне, Токио и Стокгольме, указывая на рост недовольства в стране, Терещенко прямо подчеркнул, что «правительство готово на все». Сутками позже министр иностранных дел, хотя и скупно, делился с Керенским, мыслями о «близком кру-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 302.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 656.

³ Там же, л. 668.

шении» противников войны, подразумевая при этом планы нанесения удара по силам революции¹.

Особенно откровенно говорилось об этом с представителями союзников. Бьюкенен еще 2 июня сообщал в Лондон, ссылаясь на свои беседы с русским министром иностранных дел, что «правительство находит момент психологически подходящим для действий». То есть оно собирается, пояснял посол, отделаться от петроградского гарнизона и в случае необходимости использовать казаков, на которых, по его мнению, можно было полностью положиться. Из донесений Бьюкенена отчетливо видно, что Временное правительство, подталкиваемое союзниками, подготавливало гнусную провокацию против большевиков. «Их положение,— писал посол,— будет, по-видимому, серьезно скомпрометировано, если, как надеется Терещенко, ему удастся доказать, что многие из их лидеров состоят на жалованье у немцев»². 12 июня Бьюкенен информировал Бальфура: «Министр иностранных дел сказал сегодня, что он почти не сомневается в том, что крайние попытаются вновь вызвать беспорядки, но что правительство к этому вполне готово и уверено в успехе»³. Двумя днями позже английский посол снова докладывал своему начальству, уже на основании беседы с самим Львовым, о решении Временного правительства «поддерживать порядок»⁴. Как явствует из записи этой беседы, Бьюкенен настойчиво рекомендовал главе русского кабинета действовать против большевиков решительно, иначе «Россия будет неспособна к продолжению войны».

С таким же откровением о планах «операций» против большевиков велись разговоры с французскими, американскими и некоторыми другими представителями союзников⁵.

Таким образом, Временное правительство, как об этом проболтался потом Львов, готовилось к «глубо-

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 693—694, 710.

² См. Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 68.

³ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 148.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 244.

⁵ «Les armées françaises dans la grande guerre» (далее: «Les armées françaises»). Т. 5, vol. 2. Paris, 1937. «Annexes», vol. 1, p. 1027—1028.

кому прорыву на фронте Ленина»¹ и союзные представители были достаточно посвящены в эти планы, являясь их активными соавторами.

Проводились и некоторые подготовительные мероприятия. К I съезду Советов были прикомандированы казаки — для обеспечения ему «нормальных» условий работы; от армейских комитетов петроградского гарнизона получено обещание не выступать против Временного правительства, не наносить ему «предательского удара в спину», пока оно занято боевыми операциями. Тогда же по приказу ставки к Петрограду под предлогом обороны его от немцев начали подтягивать наиболее надежные части. В июне с Северного фронта была снята и направлена в район Выборга целая казачья дивизия «на случай возникновения в этом районе беспорядков»².

Именно в те тревожные дни правящая верхушка начала распускать зловещие слухи о якобы готовящемся антиправительственном заговоре и необходимости его подавления. На это сразу обратил внимание В. И. Ленин. Буржуазия, ухватившись за свой стародавний прием, предупреждал он, вкупе с эсерами и меньшевиками готовит расправу с революцией³. Наступление же должно было окончательно развязать ей руки. Позже Ленин отмечал, что политика наступления на девять десятых предрешила победу Кавеньяков в июле⁴.

Разоблачая эсеров и меньшевиков, усиленно доказывавших, будто наступление диктуется соображениями стратегии, а не политики, В. И. Ленин со всей убедительностью показал, что это чистейший обман, рассчитанный на неискушенные, доверчивые массы. Наступление, подчеркивал Ленин, неразрывно связано с вопросом о власти, с вопросом о революции, т. е. прежде всего с политикой. От него зависит судьба всей русской революции. Оно знаменует собой перелом этой революции не в стратегическом, а именно в политиче-

---

¹ «Известия Петроградского Совета», 12 июля 1917 г.

² «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий, т. 2. М., 1959, стр. 435.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 333.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 15.

ском плане ¹. Пойдет ли революция вперед или остановится на месте и зачахнет — так стоял вопрос. Этого не скрывала и сама буржуазия. Один из кадетских лидеров В. А. Маклаков на «юбилейном» заседании членов IV Государственной думы, состоявшемся 3 июня, откровенно заявил: «Судьба всей России в ее руках, и эта судьба решится очень скоро. Если нам действительно удастся наступать и вести войну... так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда быстро наступит полное оздоровление России» ². Несомненно, под «оздоровлением» подразумевалось подавление революции. В том же плане выступил на этом заседании и лидер кадетов Миллюков, требовавший не упускать последнего момента. Таков был клич всей буржуазии и реакционной военщины, всех сил, враждебных революции.

Галицийская катастрофа

Основные операции должны были развернуться на Юго-Западном фронте; на Северном и Западном фронтах намечались бои вспомогательного характера с целью отвлечь внимание неприятеля от направления главного удара. В случае же успеха командующим этих фронтов предписывалось развивать наступление насколько возможно.

Наступление началось на рассвете 16 июня мощной артиллерийской подготовкой, продолжавшейся в течение двух дней, а утром 18 июня в бой была брошена пехота. Вначале операция развивалась успешно: русские части заняли первые линии неприятельских окопов, захватили пленных, оружие, боеприпасы, артиллерию. Однако вскоре их продвижение приостановилось. Германское командование, перебросив с Западного (англо-французского) фронта большие подкрепления, сумело нанести ответный удар и развить мощное контрнаступление. 6 июля немцы прорвали фронт в Тернопольском направлении. Русские войска, истощенные за истекшие три недели боев, стали быстро откатываться назад, не оказывая почти никакого сопротивления. Многие части

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 269, 273, 275, 297—298.

² «Речь», 4 июня 1917 г.

бежали, не подчиняясь никаким приказам командования. Местами против отступавших была пущена артиллерия. Но и это не помогало.

Авантюра Временного правительства закончилась полным провалом. К середине июля противник отбросил русские войска далеко за исходные рубежи и очистил почти всю Галицию и Добруджу. В результате русская армия в короткий срок лишилась и тех плодов победы, которые были завоеваны ценою колоссальных жертв за истекшие три года войны. За время наступления с 18 июня по 6 июля русская армия потеряла свыше 58 тысяч человек, из них около 7 тысяч убитыми и более 36 тысяч ранеными¹. А всего за период операций с 18 июня по 21 июля, когда фронт удалось стабилизировать, потери русских войск составили 132 475 человек убитыми и ранеными². Само Временное правительство охарактеризовало свое предприятие как катастрофу, стоившую стране больших человеческих жертв и территориальных потерь³.

Основная причина столь катастрофического провала русского наступления заключалась в том, что оно было чуждо солдатской массе. Солдаты глубоко ненавидели войну и не хотели больше проливать кровь за интересы капиталистов и всякого рода политиканов. Эти настроения были известны и Временному правительству, и тем не менее оно не отказалось от своих преступных планов. «Вся Россия,— признавал позже Керенский,— находилась в состоянии лихорадочного ожидания. Пойдут ли в атаку войска? Никто не осмеливался ответить на этот вопрос... Моральное состояние частей VII и XI армий, которые вели наступление, оставляло желать лучшего. Имелись дивизии, готовые вот-вот взбунтоваться, полки, повиновавшиеся лишь формально»⁴. Даже офицеры были крайне деморализованы. И среди них имелось немало таких, которые не видели смысла в наступлении, не понимали его целей и осуждали его. Разумеется, основная масса офицерского состава стояла за наступление.

¹ См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.». М., 1925, стр. 32.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 273, л. 148.

³ «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

⁴ А. Kerensky. Op. cit., p. 219—220.

Между солдатами и офицерами царила атмосфера открытой вражды и ненависти. Накануне броска пехоты, 17 июня, Керенский «инспектировал» боевые позиции русских войск Юго-Западного фронта. Из этой инспекции скороспелый полководец вынес удручающее впечатление. По его собственному признанию, войска еще чувствовали на себе «открытую рану». (Имелось в виду недовольство солдат политикой Временного правительства.) До самого последнего момента офицеры не были уверены, пойдут солдаты в атаку или нет.

А вот еще одно не менее откровенное свидетельство, исходившее от представителей того же лагеря. В телеграмме комиссара армейской группы Юго-Западного фронта, армейского комитета и комиссара XI армии Временному правительству, ЦИК Советов и ВЦИК крестьянских Советов от 9 июля говорилось: «Моральный дух частей, недавно направленных в бой... претерпел роковые изменения. Боевой дух быстро иссяк. Большинство частей находится в состоянии растущего разложения. Никакие доводы, никакие убеждения не действуют. Они вызывают лишь угрозу и иногда стрельбу. Ряд частей покинули свои позиции, не ожидая даже приближения врага... Сегодня главнокомандующий Юго-Западного фронта и командующий XI армией с согласия комиссаров и (войсковых) комитетов отдали приказ открывать огонь по войскам, которые покидают свои позиции»¹. Подобные телеграммы шли в Ставку и в Петроград непрерывным потоком. Ясно, что при таких обстоятельствах наступление было обречено на провал.

Безрезультатно, хотя и не столь катастрофически, закончились операции на Северном и Западном фронтах. Причины те же: командованию не удалось развить первоначальный успех из-за отказа многих частей идти в бой². Не могли изменить положения и жестокие репрессии. Ряды открытых противников наступления множились изо дня в день. В одном Двинске к 28 июня число солдат, арестованных за отказ идти в бой, достигло почти 4 тысяч³.

¹ А. Kerensky. Op. cit., p. 277—278.

² См. ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 37, л. 276; ф. 2048, оп. 1, д. 27, л. 12—15.

³ См. «Двинцы». Сб. воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М., 1957, стр. 129.

В ходе борьбы против наступления росла революционная сознательность солдат. Многие из них заявляли, что будут сражаться лишь в том случае, если враг действительно посмеет посягнуть на завоевания революции и первым атакует русские позиции. Так, солдаты 479-го Кадниковского пехотного полка (5-я армии Северного фронта) на общем полковом собрании 4 июля приняли резолюцию, в которой говорилось: «Постановив не идти в наступление, которое будет выгодно только международным и русским разбойникам — банкирам, фабрикантам-заводчикам и помещикам, ведущим кровавую войну ради захватов, мы протестуем против всяких расформирований воинских частей. Мы клянемся в случае наступления противника отразить его удар и не пустить его дальше в глубь страны». Резолюция требовала немедленной передачи центральной власти в руки Советов, установления контроля над производством и капиталами буржуазии, принятия закона о ликвидации частной собственности на землю с передачей ее в руки трудового народа без выкупа, немедленного пересмотра договоров, заключенных царской кликой с союзниками, отказа всех союзников не на словах, а на деле от империалистической политики. «Если же, — отмечалось далее, — наравне с нами германская коалиция не откажется от захватной политики, только тогда мы согласны перейти в наступление и драться, как львы, ибо будем знать, что боремся за истинное дело социализма»¹.

Одной из существенных причин провала русского наступления явилось отсутствие поддержки его со стороны союзников. Временное правительство и русское командование настойчиво просили об этой поддержке и, более того, получили успокаивающие обещания, но они так и остались на бумаге. «Поддержка» Англии и Франции не вышла за рамки боев местного значения, происходивших вне связи с русским наступлением. Бездействие союзников позволило немецкому командованию перебросить с Западного фронта на Восточный значительные подкрепления в живой силе и технике, особенно артиллерии, и нанести мощный контрудар, за которым последовал глубокий прорыв русского фронта.

---

¹ «Солдатская правда», 4 июля 1917 г.

Далеко не лучшим образом выглядела и другая сторона «помощи» союзников, сказавшаяся на материальной подготовке и исходе наступления. Значительная часть поставленной союзниками артиллерии оказалась недоброкачественной, бракованной, в результате чего она почти сразу вышла из строя. Даже Керенский, будучи весьма предупредительным по отношению к партнерам России по коалиции, оказался не в состоянии скрыть своего возмущения. «Укажите соответствующим послам,— телеграфировал он Терещенко 20 июня,— что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% не выдержали двух дней умеренной стрельбы»¹.

Серьезные недостатки и просчеты имелись и в оперативно-технической подготовке наступления, что также явилось одной из причин его неудачи. Нельзя, конечно, не учитывать и силу вражеского сопротивления. Германская коалиция располагала в тот момент еще достаточной боевой мощью, позволявшей ей противостоять натиску держав Антанты и наносить им ощутимые удары. К этому надо добавить, что русское наступление не было для австро-германского командования неожиданным. О предстоящих операциях русской армии открыто писала русская и союзная пресса. Знал противник и о наиболее вероятном направлении главного удара. Это позволило ему хорошо подготовиться и успешно отразить натиск, а затем перейти в контрнаступление. Немцы приложили максимум усилий, чтобы сорвать русское наступление, от исхода которого во многом зависело дальнейшее течение войны. «Следовало опасаться,— писал Гинденбург,— что если за наступлением Керенского не последует немедленно наш контрудар, то воинственное течение в России снова окрепнет»². Поэтому они пошли на риск переброски своих войск с Западного фронта, не без основания рассчитывая на «заминку» среди союзников России.

Само Временное правительство охарактеризовало свое предприятие как полнейшую катастрофу. Точно так же отнеслись к нему и союзники, хотя его исход

¹ «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел», вып. 1—6, изд. 2. Пг., 1918, стр. 113—114.

² «Воспоминания Гинденбурга», стр. 50.

явился для них в значительной мере неожиданным. Галицийское наступление действительно знаменовало собой новую фазу русской революции, как писала об этом западная пресса, но не ту, какую предсказывали буржуазные прорицатели, рассчитывая на «затухание» революции.

Вильсон снаряжает «универсальную» миссию

В самом конце мая, в разгар напряженной подготовки активных операций русской армии, в Россию прибыли со специальной миссией новые посланцы союзников. На сей раз это были представители республики доллара — американская чрезвычайная миссия во главе с сенатором Элиа Рутом. От английской, французской и итальянской делегаций она отличалась не только количественно, но и «качественно». Миссия Рута была значительно более многочисленной, чем все предыдущие. Расширена была и ее «социальная база». В нее входили: представители империалистических кругов — миллионер Сайрус Мак-Кормик, известный нью-йоркский банкир Самюэль Бертран и крупный чикагский промышленник, личный друг президента Вильсона миллионер Чарльз Р. Крейн; военные представители — начальник генерального штаба американской армии генерал-майор Хью Скотт, начальник управления военно-морских верфей адмирал Джеймс Гленнон, а также еще семь офицеров американской армии, в том числе три полковника; и, наконец, «представители социалистических, рабочих и молодежных организаций» США — правый социалист (журналист) Чарльз Рассел, вице-президент Американской федерации труда Джеймс Дункан и руководитель американской ассоциации христианской молодежи богослов Джон Мотт.

Комплектуя этот дипломатический кортеж, американское правительство постаралось учесть всю многогранность внутреннего положения России после свержения самодержавия. Состав столь ответственного посольства был подобран со знанием дела. Особенно колоритную фигуру представлял сам глава миссии сенатор Рут. Он являлся одним из лидеров республиканской партии, предводителем ее правого крыла. С 1899 по

1904 г. занимал пост военного министра, затем с 1905 по 1909 г.— пост Государственного секретаря Соединенных Штатов; в последующие годы избирался сенатором, неоднократно выдвигался кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от республиканской партии.

Рут был тесно связан с дельцами Уолл-стрита, сам имел солидный капитал и принадлежал к финансово-промышленной группе Морганов. Автор известной книги «Шестьдесят семейств Америки» Ф. Ландберг прямо называет его «верным слугой Дж. П. Моргана».

Под статью Руту были и другие члены миссии. С. Мак-Кормика включили в ее состав как знатока русского рынка. Он являлся президентом крупного концерна по производству сельскохозяйственных машин «Интернейшнл Хервестер компани» и имел свои заводы в России, где побывал уже не один раз. Чарльз Р. Крейн — вице-президент крупнейшей в то время фирмы по производству кранов «Крейн и К^о» — также был достаточно знаком с русскими условиями. Он приехал в Россию сразу после Февральской революции и к миссии присоединился по прибытии ее в Петроград. Это тот самый Чарльз Крейн, который, по свидетельству бывшего американского посла в Берлине Додда, спустя много лет «все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии».

Личный друг и советник Вильсона генерал Скотт, слывший высшим военным авторитетом в США, снижал печальную известность своим участием в карательных экспедициях против кубинских повстанцев. Самый молодой член миссии Джон Мотт, предводитель американской «христианской» молодежи, уже трижды наведывался в Россию с целью ознакомления с деятельностью русских молодежных организаций (в том числе и с целью разведки). Он выяснил также возможность использования в России американского опыта пропагандистской работы, главным образом на фронте среди солдат и в тыловых воинских частях и учреждениях.

Не менее «примечательны» и две другие личности из состава миссии — Рассел и Дункан. Правый социалист Рассел выступал в поддержку империалистической войны и за участие в ней Соединенных Штатов. Его

согласие войти в свиту Рута было встречено американскими социалистами и передовыми рабочими с возмущением. Большинством голосов он был исключен из партии. Дункан — вице-председатель Американской федерации труда — умел неплохо ладить с предпринимателями; он не столько защищал интересы рабочих, сколько монополистов, за что и был аттестован министерством труда США как «один из самых видных представителей рабочего движения». Оба эти деятеля посылались в Россию с явным расчетом на то, чтобы помочь меньшевикам и эсерам парализовать революцию, убедить русских рабочих и солдат в необходимости продолжения войны.

Любопытно, что вначале американское правительство намеревалось включить в состав миссии самого председателя Американской федерации труда Гомперса. Однако его кандидатуру пришлось отвести, ибо он рекомендовал себя как слишком откровенный прислужник капитала и потому не совсем подходил для выполнения возложенных на миссию задач. Даже Вильсону Гомперс казался липовым представителем рабочего класса. В письме Лансингу от 19 апреля президент писал: «Попросите у Гомперса совета относительно того, кого мы можем послать (в Россию.— В. В.), кто бы в глазах тамошних социалистов не считался активным противником социализма. Сам Гомперс и непосредственно связанные с ним лидеры известны как открытые противники социализма и едва ли были бы авторитетны для правящих ныне рабочих кругов в Петрограде»¹. Но лучшего ничего не нашли. Пришлось просто остановиться на менее одиозных противниках социализма.

Уже состав миссии указывал на широту планов и замыслов правительства Соединенных Штатов. Основная цель миссии заключалась в том, чтобы помочь Временному правительству и стоявшим за ним силам удержать Россию в войне. Еще 4 мая, сообщая Френсису об открытии России кредита в сумме 100 миллионов долларов, Лансинг поручил ему заявить правительству Львова, что в Вашингтоне рассчитывают на продолже-

---

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914—1920», vol. 2. Washington, 1940, p. 327. (Далее: «The Lansing Papers».)

ние Россией войны и командируют специальную миссию во главе с сенатором Рутон для детального обсуждения плана мероприятий в этой области. Френсис выполнил данное поручение. В ноте, переданной Терещенко 13 мая, он отмечал: «Миссия готова обсудить лучшие способы и пути к наиболее эффективному продолжению войны»¹.

В неразрывной связи с задачей удержания России в войне стояла другая важнейшая задача — подавление русской революции и предотвращение перехода власти в руки большевиков. В опубликованных Госдепартаментом бумагах Лансинга эта сторона деятельности миссии Рута была лаконично сформулирована следующим образом: «Помешать социалистическим элементам в России осуществить любой план, который подрывал бы эффективность союзных держав»². Одновременно посланцам Вильсона поручалось «выговорить» для американского капитала преимущественное положение на русском рынке, закрепив это положение соответствующими соглашениями.

Совокупность дипломатической переписки и других материалов о пребывании в России миссии Рута указывает еще на одну стоявшую перед ней задачу, а именно: нащупать точки соприкосновения американской и русской политики по различным международным проблемам, а точнее, выяснить, в какой мере американская дипломатия может использовать Временное правительство и его позицию для достижения своих политических целей. Состав миссии и был подобран в строгом соответствии с этими задачами.

Американская пропаганда постаралась использовать миссию Рута для усиления антигерманской пропаганды, для подъема морального духа народов и армий стран антантовской коалиции, и прежде всего, конечно, России. Президент Вильсон выступил в связи с этим со специальным заявлением, которое пресса преподнесла как «Обращение Америки к России». И хотя это обращение от начала до конца было пронизано сплошной демагогией, в официальных кругах Вашингтона его поспешили объявить «самым важным документом в происходящей

---

¹ «Вестник Временного правительства», 18 (31) мая 1917 г.

² «The Lansing Papers», vol. 2, p. 325.

мировой войне и во всей истории Северо-Американских Соединенных Штатов»¹.

В нем Вильсон призывал русский народ к мобилизации всех сил на войну, к объединению взаимных усилий, обещая ему щедрую и «бескорыстную» помощь.

Еще в упомянутой выше телеграмме американского правительства по поводу предстоящего приезда миссии Рута вашингтонские руководители клятвенно заверяли в своей готовности оказать России всемерную поддержку в войне против центральных держав. Соединенные Штаты, говорилось в указанной телеграмме, «дают обет» присоединить свои усилия к усилиям России в ее борьбе против прусского милитаризма и «жаждут» идти с ней плечом к плечу до полной победы². Своим пространством заявлением президент Вильсон счел не лишним еще раз подтвердить этот «обет», стараясь вдохновить народные массы на новые жертвоприношения. Одновременно он изложил цели и принципы, которыми руководствовались Соединенные Штаты, вступая в мировой конфликт на стороне Антанты, сформулировал программу американского империализма на ближайший период.

Необходимость «повторного» разъяснения целей американской политики вызывалась, по словам президента, тем, что в течение последних недель эти цели якобы значительно затушевывались и искажались различными «лжетолкованиями» и недоразумениями. (Имелась в виду, конечно, агитация противников войны, и прежде всего разоблачительные выступления большевистской печати.) Поэтому, дескать, он и решил познать русское общественное мнение с «подлинными» взглядами и намерениями американского правительства, так сказать, из первоисточника.

После этого предисловия Вильсон, не щадя красноречия, принялся на все лады расписывать «бескорыстие» американского империализма, его стремление «к повсеместному освобождению народов от нападения самодержавной силы». На самом же деле это стремление сводилось к вытеснению из колоний и зависимых

---

¹ См. «Вестник Временного правительства», 31 мая 1917 г.

² См. там же.

стран одних грабителей другими, к замене австро-германского и турецкого насилия над народами насилием империалистов Антанты и США.

Далее президент коснулся вопроса, который в тот момент особенно остро волновал союзников. Речь идет о досадившей им формуле мира без аннексий и контрибуций. Однако сделанные им многочисленные оговорки позволяли оправдывать любые аннексии и контрибуции. Но президент не унимался. Без тени смущения, все в том же возвышенном стиле он продолжал расписывать «добродетели» американских бизнесменов в их служении общему благу человечества. «Мы сражаемся,— уверял заокеанский «миротворец»,— за свободу, за самоуправление и за независимое развитие всех народов». И во имя этих высоких идеалов автор обращения призывал не щадить «ни крови, ни достояния». «Братство человечества,— вещал он,— не должно далее быть красивой и пустой фразой; ему надо дать строевые силы и реальности... Для этих целей мы в состоянии расточать нашу кровь и достояние... Настал день или одержать верх или покориться».

Между тем сами американские дельцы не очень-то торопились «расточать» свою кровь, к чему так настойчиво призывал президент Вильсон другие народы. Весьма характерен в этом отношении следующий факт. Помощник морского министра, будущий президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт обратился к правительству за разрешением сформировать добровольческий корпус и немедленно отправиться вместе с ним во Францию для участия в сражениях против Германии. Однако Вильсон отклонил данное предложение под тем предлогом, что его реализация могла бы послужить «серьезной помехой» для быстрого образования и возможно скорого использования вновь образуемой армии. «Мне было бы столь же приятно,— заявил он,— доставить удовольствие как нашим союзникам, так и Рузвельту. Посылка корпуса добровольцев произвела бы глубокое впечатление, но теперь не время для подобного рода обмена любезностями... Сейчас нужно рассчитывать не на драматические эффекты, а на практическую пользу...»¹

---

¹ См. «Вестник Временного правительства», 11 (24) мая 1917 г.

Практические же соображения подсказывали, во всяком случае в данный момент, не торопиться с посылкой на театр войны собственных контингентов, а подхлестнуть усилия других союзников, прежде всего России. Именно эту цель и преследовало вильсоновское обращение, которое было широко подхвачено союзной прессой. Особенно много и восторженно писалось о том, насколько «удачно» американский президент сформулировал цели антантовской коалиции. Английская газета «Манчестер Гардиан», обсуждая данное обращение, отмечала: «Нота Вильсона написана в чрезвычайно сильных выражениях. Президент Вильсон в своих условиях не затрагивает ни одного из принципов, которыми руководствуются русские революционеры. Он просто останавливает их бесплодный порыв в небесную даль и ставит их на твердые ноги. За это Вильсон заслуживает благодарность всего человечества»¹. Газета откровенно использовала вильсоновские «оговорки» для оправдания империалистической политики Антанты, ее захватнических планов, выразив твердое «пожелание», чтобы обращение американского президента было «понято в России». Еще более восторженные отклики и комментарии обращение вызвало в США.

Несколькими днями позже с дополнениями к заявлению Вильсона выступил министр финансов Мак-Эду. От имени федерального правительства он еще раз пообещал союзникам широкую помощь в живой силе, военной технике, продовольствии и финансах².

Благоприятный фон для деятельности миссии Рута старался создать и Гомперс. Он тоже заготовил специальное послание русскому народу, которое «неофициально» было передано руководителям Петроградского Совета через Френсиса и которое было пронизано теми же идеями, что и заявление Вильсона. Вопреки фактам в этом послании, в частности, говорилось, будто со стороны Америки не посылалось и не будет послано ни одной миссии, ни одного человека и даже обращения «с целью подачи каких бы то ни было советов России в ее внутренних делах»³.

¹ Цит. по «Вестнику Временного правительства», 31 мая (13 июня) 1917 г.

² Там же.

³ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 140.

По мере приближения миссии Рута к Петрограду американская пресса все откровеннее распространялась о ее целях. Об «обязанности» России продолжать войну заявлялось уже во всеуслышание. Газета «Нью-Йорк таймс» писала 15 мая 1917 г., что целью миссии Рута является «спасение России для дела Антанты». Вместе с тем американская печать все чаще стала пестреть требованиями к Временному правительству принять необходимые меры для упрочения своей власти и подавления революционного движения. «России нужна твердая власть»¹, — писала газета «Чикаго дейли ньюс». Газета «Нью-Йорк ивнинг джорнэл» выражала твердую уверенность в том, что «Временное правительство, взяв в свои руки бразды правления, воплощая в себе единую и сильную власть, решительно и властно» расправится с революционными массами и поведет страну к многообещающей победе над врагом.

Правительство Львова оказало американским представителям чрезвычайно пышный и торжественный прием. Из Владивостока в Петроград миссию доставил специальный поезд, в прежние времена предназначавшийся только для царя и членов его семьи. Местом резиденции миссии был избран Зимний дворец, в котором располагалось само Временное правительство. Все расходы, связанные с пребыванием миссии Рута в России, Временное правительство взяло на себя. Министерство иностранных дел от имени Временного правительства рекомендовало соответствующим ведомствам и организациям оказывать Руту и сопровождающим его лицам «самый дружественный прием», так как они прибыли для ведения переговоров, имеющих «весьма важное политическое и финансовое значение».

Помимо официальных и неофициальных встреч с представителями Временного правительства, отдельными министрами и их помощниками, представителями деловых кругов Рут и другие члены американской миссии совершили поездку по стране, выступали на митингах и собраниях, торжественных приемах, не скупились они и на интервью. Во всех своих выступлениях американские представители настойчиво призывали к продолжению войны.

---

¹ «Chicago Daily News», 25. V. 1917.

В поте лица трудилась военная группа миссии. Она знакомилась с состоянием русской армии и флота, выясняла их потребности и неотложные нужды, в удовлетворении которых Соединенные Штаты могли бы оказать помощь. После посещения Ставки, куда выезжал и сам Рут для переговоров с командованием, генерал Скотт и его помощники отправились в «инспекционную» поездку на фронт с тем, чтобы на месте убедиться в степени боеспособности русской армии. Особое внимание они уделили Юго-Западному участку, где должны были развернуться решающие бои во время предстоящего наступления русской армии. Адмирал Гленнон, также в сопровождении части офицеров, посетил Черноморский и Балтийский флот, побывал в Риге, Гельсингфорсе, Ревеле, Архангельске, осматривал суда и береговые укрепления, встречался с боевыми командами. Ознакомившись с состоянием русской армии и вынеся в целом благоприятное впечатление, Скотт призывал к подготовке и ведению крупных боевых операций. Он присутствовал при начале июньского наступления русской армии и с гордостью причислял себя к его вдохновителям и организаторам.

Наряду с призывами к войне посланцы Уолл-стрита настаивали на решительной борьбе с силами революции. «Не проявляйте слабости в отношении улиц Петрограда», — напутствовал Рут своих собратьев по классу на заседании Торговой палаты. Выступления масс, говорил он, должны быть строго подчинены ведению войны¹. Он выражал надежду, что Временное правительство одолеет своих политических противников, и гарантировал всестороннюю поддержку империалистических кругов США в его борьбе с революцией².

В интервью представителям буржуазных газет Рут подчеркнул, что России необходима сильная власть. «Единственным подводным камнем, — заявил сенатор, — который мне кажется серьезным, является несколько замедленный темп воссоздания новой власти вместо ушедшей старой. Между тем новая, сильная власть необходима»³. То же самое он повторил в ряде других

¹ E. Root. The United States and the War. The mission the Russia. Cambridge — Harvard, 1918, p. 108.

² См. «Коммерсант», 13 июня 1917 г.

³ «Русская воля», 7 июня 1917 г.

своих публичных выступлений в Москве и Петрограде, в частности на заседании контрреволюционного комитета общественных организаций, перед членами Русско-Американской торговой палаты, на заседании Московской биржи и в Союзе земств.

Надо полагать, еще более откровенными были высказывания в ходе закрытых переговоров с министрами Временного правительства и различными буржуазными политическими деятелями. С полным основанием большевистские газеты писали в тот период, что с приездом американской миссии контрреволюционных сил в России прибыло, что ее цель — продолжение войны и разгром революции¹. Накануне своего отъезда из Петрограда в беседе с сотрудниками реакционнейшей газеты «Новое время» Рут снова довольно явственно намекнул на необходимость беспощадного подавления революции. «Победа на фронте и укрепление положения правительства,— заявил он,— ...это две стороны единой задачи»².

В кампанию по агитации за войну и «обуздание» революции активно включилось «левое» подразделение миссии Рута — Рассел и Дункан. Они призывали русских рабочих отказаться от классовой борьбы и не предъявлять Временному правительству «чрезмерных требований», а сосредоточить все усилия на обеспечении победы над врагом³. В своих выступлениях на I Всероссийском съезде Советов американский профсоюзный лидер и его напарник из числа эрзац-социалистов настойчиво советовали рабочим военных заводов не добиваться восьмичасового рабочего дня и прекратить всякие забастовки. Оправдывая свое сотрудничество с буржуазией, они утверждали, как и другие члены миссии, что ее главная цель — «оказать помощь России». Рут имел все основания быть довольным своими «пролетарскими» помощниками. Не случайно в отчете о поездке в Россию он отметил, что выбор Дункана и Рассела оказался весьма удачным.

Стремясь подавить революцию и удержать Россию в войне, американские правящие круги особое внимание обратили на организацию и усиление контрреволюционной пропаганды. Конкретные предложения и заключе-

¹ См. «Социал-демократ», 18 июня 1917 г.

² «Новое время», 27 июня 1917 г.

³ См. «Торгово-промышленная газета», 24 июня 1917 г.

ния по этому вопросу предстояло сделать миссии Рута, и она это сделала. В письме от 17 июня Рут просил Лансинга срочно выделить «хотя бы из его собственного фонда» 100 тысяч долларов на проведение в России соответствующей пропаганды и в ближайшее время отпустить на эти цели 5 миллионов долларов. Широкая пропагандистская кампания, писал он в госдепартамент, «является самым лучшим из того, что Америка может сейчас сделать» для удержания России в войне¹. Как видим, основное внимание обращалось не на материальную помощь, о которой трубила и трубит американская историография, а на политическое вмешательство во внутренние дела России.

При непосредственном участии Рута в госдепартаменте был разработан план проведения пропагандистской кампании в России, носивший весьма характерное название: «План американской деятельности по сохранению и укреплению морального состояния армии и гражданского населения России». В этом пресловутом документе, получившем одобрение Вильсона и Лансинга, предлагалось не жалеть средств на пропаганду в России, чтобы с ее помощью погасить революционный пожар, укрепить власть буржуазии и удержать Россию в войне. План предусматривал ассигнование на указанные цели 5,5 миллиона долларов. В частности, намечалось создание в России специального агентства по распространению соответствующей периодической печати и новой пропагандистской литературы с широкой сетью киосков и индивидуальных распространителей. Предусматривалось также финансирование различных «патриотически настроенных» буржуазных и пробуржуазных органов.

В обоснование этих предложений авторы проекта привели весьма «оригинальное» соображение, а именно: содержание одного американского полка на фронте обходится американскому правительству в 10 миллионов долларов в год. Израсходовав вдвое меньшую сумму на пропаганду в России, можно заставить воевать против Германии 640 русских полков. «Для Америки,— говорилось далее,— многое поставлено на карту. Если удастся помочь России сохранить армию и удержать солдат в

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 128.

траншеях, это заставит противника держать на Восточном фронте более 140 дивизий. Это имеет самое непосредственное отношение к размеру усилий и жертв Америки в войне»¹.

Заманчивая для империалистов калькуляция! Ради этого можно было, конечно, проявить еще большую «щедрость». Американские бизнесмены и политики изыскивали, таким образом, наиболее легкий путь для достижения намеченных целей. Во всем присутствовал сугубо коммерческий подход. Надеялись, что доллар предоставит в их распоряжение и солдат и генералов и желанная цель, таким образом, будет достигнута без лишних «драматических эффектов».

Под шумок о военном сотрудничестве и укреплении дружественных союзнических связей миссия Рута стремилась заключить с Временным правительством выгодные для американских монополистов сделки и соглашения, которые проложили бы широкую магистраль для проникновения американского капитала в российскую экономику. Представители американских монополистических кругов добивались предоставления им концессий на разработку природных богатств России, причем их интересовали не только восточные районы нашей страны, но и европейская часть. Прикомандированный к американской миссии представитель Временного правительства Солдатенков сообщал Терещенко, что Рут и Бертран «детально разрабатывают вопрос о юге», и выразил уверенность в возможности достижения «полного соглашения».

В свою очередь и русская буржуазия стремилась договориться с американскими монополистами о совместной эксплуатации природных богатств своей страны. В связи с приездом миссии Рута в Петрограде была создана специальная комиссия под председательством министра торговли и промышленности В. В. Прилежаева, в которую вошли представители шести министерств, всех крупнейших буржуазных организаций, а также уполномоченные недавно созданного Русско-Американского комитета, Русско-Американской торговой палаты и Общества сближения между Россией и Америкой. Перед комиссией ставилась задача сторговаться с аме-

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 148.

риканскими бизнесменами о финансово-экономическом сотрудничестве не только на время войны, но и на послевоенный период. Переговоры были для нее весьма обнадеживающими. Перед отъездом в США Бертран обещал своим собратьям по классу, что американские капиталы «придут в Россию в большом количестве»¹.

Русская буржуазия испытывала по этому поводу нескрываемую радость, хотя это сулило ей весьма сомнительные дивиденды. 6 июня подготовительная комиссия экономического совещания о развитии производительных сил страны наметила привлечь американские капиталы в горнорудную, лесную, химическую, электротехническую, кожевенную и меховую промышленность, а также в машиностроение, транспорт, хлопководство и холодильное дело. Позже были подготовлены проекты о предоставлении американским предпринимателям горнорудных концессий в Сибири и на Урале, нефти — на северном Сахалине, золотых приисков — на Алтае, угля и торфа — в Подмосковном бассейне, природных ресурсов — на Юге России.

Наряду с переговорами о концессиях миссия Рута выясняла и возможности дальнейшего расширения американского экспорта в Россию, она дала понять, что США могут предоставить кредит для оплаты американских товаров гражданского потребления². Однако американский капитал не хлынул широким потоком в русскую экономику. Монополисты США побаивались вкладывать свои капиталы в Россию, где все больше разгоралось пламя революционной борьбы. Совместно с Временным правительством они хотели сначала «навести порядок» в стране и лишь потом спокойно размещать здесь свои капиталы.

Миссия Рута вела также переговоры и по ряду важных международных проблем. В частности, в беседах с министром иностранных дел Рут проявил интерес к балканской политике Временного правительства и особенно к малоазиатскому вопросу, что указывало на стремление США принять непосредственное участие в империалистических акциях западных держав в отно-

---

¹ «Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов», 11 июля 1917 г.

² См. «Речь», 11 июня 1917 г.; «Новое время», 25 июня 1917 г.

шении стран Балканского полуострова и народов Ближнего и Среднего Востока.

Посланцы Вильсона интересовались и более «узкими» проблемами русской политики, в частности взаимоотношениями Временного правительства с народами бывшей Российской империи. Особый интерес проявляли они к сепаратистским тенденциям национальной буржуазии на Украине, в Финляндии и т. д. Известно, что Рут лично выезжал в Финляндию для «улаживания» конфликта Временного правительства с финляндским сеймом. Скотт и Гленнон побывали на Украине, где установили связи с буржуазно-националистической Центральной радой, соблазняя и ее своей «бескорыстной помощью». Впоследствии эти связи будут использованы для борьбы с Советской властью.

В общем Рут остался весьма доволен своей поездкой. По всем пунктам намеченной программы была достигнута договоренность, намечены конкретные мероприятия и получены всевозможные обещания и заверения. Поэтому, отбывая восвояси, он восторженно заявил: «Мы уезжаем обнадеженные, радостные и счастливые». Еще с дороги Рут телеграфировал Лансингу: «Мы существенным образом содействовали усилению позиций Временного правительства и поднятию морального состояния народа и армии»¹. То же самое отмечалось и в общем отчете миссии, где было сказано, что «ее усилия были не напрасными».

Довольным осталось и правительство США, хотя это было явно преувеличенное и преждевременное самообольщение, особенно в отношении «подъема» усилиями американцев морального состояния армии и народа. Трудящиеся массы России отнюдь не вдохновились идеями Вильсона и господ сенаторов. Даже министры Временного правительства вынуждены были признать (вскоре по приезде Рута в Петроград), что общественное мнение России оставляет американскую миссию «почти без внимания». Весьма сдержанное отношение русского народа вызвало и послание президента Вильсона, которым последний снабдил своего эмиссара для официального вручения Временному правительству. Положение не изменилось и к концу визита, вернее, изме-

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 130.

нилось, но в худшую сторону. Возмущение масс империалистической политикой союзников еще более возросло.

Нельзя не сказать и о других американских представителях, посетивших Россию при Временном правительстве. В конце мая в Россию прибыла железнодорожная техническая миссия во главе с известным инженером, бывшим руководителем строительства Панамского канала Д. Стивенсом. В переданном Френсисом уведомлении специально подчеркивалось отсутствие у данной миссии политических или каких-либо иных целей, кроме предоставления русскому народу американского опыта в железнодорожном деле, оказания действительных услуг в войне против общего врага. Действительно, в задачу миссии Стивенса входило всемерное содействие Временному правительству в реорганизации железнодорожного транспорта и специально транссибирской магистрали. Однако это отнюдь не означало, будто миссия Стивенса оказалась «вне политики». Так же, как и миссия Рута, она была призвана расширять рамки русско-американского сотрудничества в деле ведения войны, укреплять позиции американского капитала в России.

В том же направлении развивала активность и находившаяся в России миссия американского Красного Креста. По официальной версии, задачей миссии было установление «наиболее целесообразных способов сотрудничества» в области обслуживания русской армии. Между тем деятельность ее выходила далеко за означенные рамки и распространялась не только на действующую армию, но и на «тыл» в широком смысле этого слова. В своей работе миссия основной упор делала на «выправление русской идеологии» (т. е. на борьбу с мировоззрением большевистской партии), прибегая к широкой пропаганде в пользу войны. Даже некоторые американские историки вынуждены признать, что действия миссии в России были прямо противоположными ее официальной задаче — облегчить страдания людей. Но ни миссии Рута, ни всем прочим миссиям, конечно, не удалось остановить рост антивоенных настроений, затормозить развитие революции.

«ТРАДИЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» КОРОНУЕТ ДИКТАТОРА

Пиррова победа российской и союзной буржуазии

Прямым результатом политики наступления явился острый политический кризис в стране, значительно более острый, чем апрельский. Кризис этот назревал давно, и он наверняка стал бы уже фактом, если бы не сообщение о начале наступления на фронте¹. Удручающие известия о ходе наступления на фронте еще сильнее накалили и без того напряженную обстановку, вызвав резкие антиправительственные выступления широких слоев трудящихся².

События ускорила сама буржуазия, и в частности кадеты, вышедшие из правительства 2 июля под предлогом разногласий по украинскому вопросу. Своим уходом из правительства кадеты хотели запугать меньшевиков и эсеров и подтолкнуть их к решительным действиям против революционных масс. Еще 18 июня «Речь» в передовой статье, в которой легко угадывался стиль ее главного редактора Милюкова, поставила вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования коалиционного правительства как не оправдавшей себя комбинации.

Основанием к отрицанию недавно заключенной сделки между буржуазными и соглашательскими партиями служила неспособность коалиционного правительства парализовать революцию. «Если при прежнем составе правительства,— писала «Речь»,— возможно было хотя бы некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 429—430.

² Подробно об этом см. О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. М.—Л., 1964.

далее по стихийным законам всех революций». Этим и мотивировалось намерение кадетов разорвать блок с меньшевиками и эсерами, необходимость которого еще совсем недавно доказывал сам Милюков¹.

Замысел был вполне понятен: припугнуть меньшевиков и эсеров неизбежностью «анархии» и тем самым заставить их «навести порядок», т. е. разгромить наиболее активные силы революции. Милюков и его единомышленники имели основания питать такие надежды. Если соглашатели, запуганные возможностью распада власти в период апрельского кризиса, усердно взялись за подготовку наступления, то почему бы не прибегнуть к подобному маневру теперь и не попытаться выполнить их руками вторую, еще более важную для буржуазии задачу — задушить революцию. Кадеты хорошо знали, что эсеров-меньшевистские лидеры побоятся взять на себя всю полноту власти и уступят их нажиму, тем более что они сами всячески старались притормозить революцию и удержать ее в рамках буржуазного парламентаризма. Тут-то и появилось заявление кадетов, что коалиция не оправдала себя. А вскоре подвернулся и благовидный предлог для инсценировки правительственного кризиса — разногласия по украинскому вопросу.

Даже для некоторых буржуазных министров, в частности для Терещенко, поступок кадетов показался неожиданным и непонятным, так как речь шла о незначительных изменениях текста правительственного соглашения с Центральной радой. «Украинский вопрос, — телеграфировал он 3 июля русским дипломатическим представителям за границей, — неожиданно привел к кризису министерства»². Между тем ничего неожиданного здесь не было. Еще накануне наступления на фронте (13 июня) японский военный атташе Исидзака, хорошо осведомленный о настроениях в политических кругах столицы, в донесении своему начальнику генерального штаба сообщал, что Гучков, Милюков и Пуришкевич намерены совместно с ведущими деятелями из Думы и при поддержке держав Согласия начать действовать в удобный момент, когда между двумя

¹ См. «Речь», 18 июня 1917 г.

² «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959, стр. 289.

партиями I Всероссийского съезда Советов, т. е. между большевиками и соглашателями, произойдет столкновение¹. Съезд, правда, уже закончил свою работу и до открытого столкновения «между двумя партиями» пока не дошло, но кадетам момент показался наиболее подходящим для усиления внутривластной напряженности. Они надеялись использовать последнюю в своих интересах и, кроме того, заранее снять с себя ответственность за неизбежный провал наступления.

Маневры кадетской контрреволюции насторожили массы. Рабочие и солдаты, находившиеся и без того в крайне напряженном состоянии, почувствовали, что за этим маневром скрывается подготовка крупного контрреволюционного заговора. «...Едва только весть об уходе министров-кадетов распространилась по городу,— сообщала «Рабочая газета» 4 июля,— как в рабочей массе и среди солдат началось волнение».

3 июля в Петрограде прошли многочисленные митинги и собрания рабочих и солдат, требовавших от Петроградского Совета взять власть в свои руки. На следующий день в столице состоялась демонстрация, в которой приняло участие около 500 тысяч человек рабочих столичных предприятий и солдат петроградского гарнизона. В числе основных требований демонстрантов было требование о прекращении наступления и передаче власти в руки Советов. Однако лидеры меньшевиков и эсеров не хотели отказываться от союза с буржуазией и изменять политический курс. При их прямом пособничестве Временное правительство учинило кровавую расправу над мирными демонстрантами. Улицы Петрограда были залиты кровью революционного народа. Имелись сотни раненых и около шестидесяти убитых.

Временное правительство решило воспользоваться благоприятным для него моментом и взять реванш за свои поражения на фронте. Приводится в исполнение план борьбы с большевиками и их сторонниками, который был намечен еще до наступления. На проведении его в жизнь Керенский настаивал в своей телеграмме Временному правительству, посланной им с фронта еще 24 июня.

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 148—149.

Расстреляв мирную демонстрацию, правительство перешло к массовым репрессиям. Воцарилась реакция по всей линии. По приказу военных властей 5 июля в редакции «Правды» юнкерами учиняется варварский погром. На следующий день буржуазными молодчиками был зверски убит распространитель «Листка «Правды»» рабочий И. А. Воинов. Разгрому подверглись также типография «Труд», принадлежавшая партии большевиков, помещение ПК и ЦК РСДРП(б). Начинается разоружение Красной гвардии, из Петрограда выводятся «ненадежные» части, наиболее революционно настроенные расформируются вообще, руководители выступления предаются суду. На фронте восстанавливается смертная казнь.

Основной удар направляется против партии большевиков. На нее решено взвалить ответственность не только за кровавые июльские события, но и за неудачи на фронтах. Как раз в этот период стало известно о прорыве немцами русского фронта на Львовском направлении. Отдается приказ об аресте В. И. Ленина и ряда других руководящих деятелей большевистской партии. Автором его явился Керенский. В ход пускается гнусная клевета о «немецких шпионах», о «связях» большевиков с германским генеральным штабом. Успех неприятеля на русском фронте объясняется главным образом развалом армии, «вызванным большевиками и немецкими агентами». Эта версия усиленно распространяется и за границей.

Поощряя дикий разгул шовинизма, официальные власти натравливают на большевиков темные элементы, часто с уголовным прошлым, провоцируя различные эксцессы на этой почве. 13 июля Временное правительство приняло постановление о закрытии государственной границы до 2 августа включительно «ввиду чрезвычайных обстоятельств». Согласно постановлению (введенному в действие по телеграфу), в течение указанного срока был запрещен въезд в пределы России, а также выезд за границу. Своим острием оно было направлено против русских эмигрантов-интернационалистов, стремившихся вернуться в Россию, и особое значение приобретало в связи с твердым намерением Временного правительства арестовать В. И. Ленина.

22 июля в газетах было помещено сообщение про-

курора петроградской судебной палаты о «расследовании» событий 3—5 июля и о привлечении к суду «за измену и за организацию вооруженного восстания» В. И. Ленина и ряда других большевиков. В своем «Ответе» на это сообщение, опубликованном в газете «Рабочий и солдат», и в ряде других статей В. И. Ленин с неотразимой логикой и силой на фактах показал, насколько грубо было состряпано это гнусное дело, до какой низости и вероломства дошла правящая клика, и заранее предсказал неизбежность позорного провала организаторов и исполнителей русской «дрейфусиады»¹. «Гнусные клеветы на политических противников,— писал В. И. Ленин,— помогут пролетариату поскорее понять, где контрреволюция,— и с м е с т и ее во имя свободы, мира, хлеба голодным, земли крестьянам». «Теперь и слепые увидят, и камни заговорят»²,— подчеркнул вождь пролетарской партии, напомнив о том, что его преследовали как «шпиона» в обеих воюющих коалициях, сначала австрийские, а затем союзнические власти. Так оно и случилось. Несмотря на все потуги, буржуазии и ее приспешникам не удалось опорочить партию рабочего класса и ее испытанного вождя.

Контрреволюция всех мастей не скрывала своей радости по поводу долгожданного перехода Временного правительства к «решительным действиям». Чувства и настроения буржуазии и всех других противников революции открыто высказал бывший глава Временного правительства Львов. В прощальной беседе с представителями комитета журналистов при Временном правительстве он с неподдельным восторгом заявил: «Особенно укрепляют мой оптимизм события последних дней внутри страны. Наш «глубокий прорыв» на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте»³.

В свою очередь Терещенко в разговоре с японским послом без тени смущения убеждал последнего, что удар, нанесенный русским на Юго-Западном фронте, следует рассматривать как благодеяние по отношению

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 422, 424—426; т. 34, стр. 8, 21—32.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 32.

³ «Известия Петроградского Совета», 12 июля 1917 г.

к России. «Несомненно,— говорил он,— что неприятель спас Россию. Он сделал то, чего правительство со времени революции желало, но не могло сделать, то есть он способствовал тому, что правительство восстановило смертную казнь, обуздало крайние партии, укрепило свою позицию и (обеспечило) единение страны»¹.

Как видим, философия львовых и терещенко не отличалась ни оригинальностью, ни новизной. Господствующие круги легко мирились с поражениями от иностранных завоевателей, лишь бы не уступить законным требованиям народных масс. Итак, с помощью насилий и кровавых репрессий контрреволюции удалось одержать временную победу над революцией. Но это была Пиррова победа.

Усиление вмешательства в русские дела

Июльский кризис и Галицийская катастрофа положили начало новому, еще более грубому и неприкрытому вмешательству союзников во внутренние дела России. Первые известия о возобновлении активных операций на русском фронте вызвали среди союзников большой подъем. Однако прошло всего несколько дней, и неподдельный восторг уступил место горькому разочарованию. Наступление с треском провалилось, и союзники стали проявлять еще большее недовольство, чем прежде. Правда, руководящие верхи союзников, хорошо осведомленные об истинном положении дел, и не питали особых иллюзий в связи с возобновлением активных операций русской армии. «Несмотря на успешное начало нашего наступления,— докладывал поверенный в делах в Париже,— нельзя сказать, чтобы на него возлагались чрезмерные надежды; здесь довольствуются одним возвращением русской армии к активной деятельности». Только и этим довольствоваться пришлось не столь продолжительное время. Катастрофический провал наступления превзошел даже самые пессимистические прогнозы. У союзников «не было никаких оснований ожидать, что оно окажется неудачным»,— отмечал Бьюкенен. Но... тем горше было осознавать случив-

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 152—153.

шеся. Отношение к России со стороны ее партнеров опять изменилось к худшему. Русский посол в Риме, например, в своих донесениях подчеркивал, что отношение к России, улучшившееся при наступлении русской армии (до наступления, по его словам, оно было просто враждебным), «снова ухудшилось».

В своем походе против революции реакционная зарубежная пресса поносила не только революционеров, противников войны, интернационалистов. Все чаще стало подвергаться обстрелу и само Временное правительство за его бессилие в борьбе с революцией.

17(30) июля лондонская «Морнинг пост» опубликовала довольно пространную статью своего специального петроградского корреспондента, в которой в исключительно мрачных тонах рисовалось положение в России и содержалась резкая критика в адрес Временного правительства. Даже Набоков квалифицировал статьи этого корреспондента как крайне вредные и просил подвергать их в Петрограде строгой цензуре, поскольку они оказывают в Англии «пагубное влияние». Но подобные статьи присылались не только корреспондентом «Морнинг пост». Немало их поступало и от корреспондентов других газет.

Провал июньского наступления еще больше убедил союзников, что Россия основательно выдохлась и не в состоянии быстро возродить свое прежнее боевое могущество. Английский военный атташе в Петрограде генерал Нокс уже 22 июня отправил в Лондон телеграмму, в которой отмечал, что русская армия как способная на боевые действия организованная сила не существует¹. Не лучшую аттестацию давал ей и глава французской военной миссии в России генерал Жанен. В настоящее время русская армия представляет собой инструмент войны «самого ничтожного качества»², писал он в донесении от 27 июня.

Союзников теперь еще более заботила мысль любой ценой удержать Россию в войне, сохранить Восточный фронт хотя бы таким, как он есть, лишь бы кайзеровская Германия и Австро-Венгрия не смогли перебросить свои войска для сокрушительного удара на западные

---

¹ А. Кнох. Op. cit., vol. 2, p. 648.

² «Les Armées françaises», т. 5, vol. 2, p. 271.

театры войны. И единственное средство для этого они видели в беспощадном подавлении русской революции, в расправе с ней самыми крутыми мерами. Особенно подхлестнули союзников июльские события, показавшие, насколько массы вышли из-под контроля буржуазных и соглашательских партий и не желают поддерживать их внутреннюю и внешнюю политику. Бесцеремоннее, чем прежде, союзники вмешиваются в русские дела, стараясь подтолкнуть Временное правительство и поддерживающие его силы к принятию решительных мер по наведению «порядка»...

В стихийном выступлении народных масс заправили Антанты увидели долгожданный случай для того, чтобы «раз и навсегда» покончить с революцией. Момент показался им как нельзя более благоприятным: любые меры, любую кровавую акцию можно было оправдать ссылками на смертельную угрозу для государства со стороны вражеского нашествия. Еще накануне наступления на фронте в беседе с князем Львовым английский посол усиленно доказывал необходимость решительных действий против большевиков. В противном случае, настаивал он, Россия будет неспособна к продолжению войны¹. И хотя глава Временного правительства уверял посла, что его опасения лишены основания и правительство «решило поддерживать порядок», последний тем не менее ушел неудовлетворенным. Вскоре Бьюкенен давал такие же наставления своему «близкому другу» Терещенко, пытаясь теперь через него добиться энергичных действий со стороны Временного правительства, которое, как ему казалось, явно медлит с переходом в наступление на «внутреннем фронте».

Во время «патриотических манифестаций», организованных буржуазией перед зданием английского посольства по случаю успешного начала наступления на фронте, Бьюкенен снова, как и в апрельские дни, выступал с балкона посольства. Он призывал к продолжению войны и к «поддержанию внутреннего порядка», что вызвало гневный протест со стороны революционно настроенных масс. Вечером 19 июня, рассказывал об этом сам Бьюкенен, около здания великобританского посольства, примыкавшего к Марсову полю, произошло не-

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 244.

сколько манифестаций, устроенных сторонниками правительства Львова. Во главе одной из них шел Милюков, обратившийся к нему с речью, выдержанной в обычном для кадетского лидера духе. Соответствующую речь произнес и сам посол. «Однако мне,— продолжает он,— было бы, пожалуй, более уместно просить «спасти меня от моих друзей», потому что появление Милюкова вызвало контрдемонстрацию со стороны группы солдат Павловского полка. Некоторые из них... говорили даже: «Пойдем в этот дом и перебьем их всех...»»¹

Спустя некоторое время в одном из донесений посол жаловался, что работа Керенского среди войск на фронте «совершенно парализуется» антивоенной пропагандой большевиков. «Политическая атмосфера такова,— докладывал Бьюкенен,— что он не осмеливается призывать войска сражаться ради победы, но только ради скорого заключения мира, потому что желание мира стало всеобщим»².

Чтобы создать ретивому военному министру более благоприятную обстановку для выполнения его «патриотической» миссии, представители союзников и считали необходимым без дальнейших отлагательств пойти ва-банк. События 3—5 июля явились для них «счастливым провидением», а в связи с прорывом немцами русского фронта — счастливым вдвойне. Уже 4 июля Бьюкенен, как глава дипломатического корпуса, передал Терещенко составленную Ноксом памятную записку, в которой предлагалось в весьма категорической форме провести следующие меры: 1) восстановить смертную казнь по всей России и для всех лиц, подведомственных военным и морским законам; 2) потребовать от частей, принимавших участие в «незаконной» демонстрации 3—4 июля, выдачи зачинщиков и агитаторов для предания их суду; 3) разоружить всех рабочих Петрограда; 4) ввести военную цензуру с правом конфискации газет, «подстрекающих» войска и население к нарушению порядка или военной дисциплины; 5) организовать в Петрограде и других больших городах милицию из солдат, получивших ранения в бою (в возрасте 40 лет и старше), поставив ее под командование офицеров, вернув-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 245.

² Там же, стр. 246.

шихся с фронта по ранению; 6) разоружить и преобразовать в рабочие батальоны все полки петроградского гарнизона, если они не подчинятся перечисленным условиям¹. (В это же время генерал Нокс инструктировал офицеров штаба Петроградского военного округа, как лучше использовать силы карателей².)

Даже некоторые из буржуазных авторов называют эту программу «драконовской». Но именно такими драконовскими мерами союзники считали возможным выправить положение и предотвратить дальнейшее развитие революции. Достаточно было, по их мнению, Временному правительству проявить присущую власти твердость, расправиться с «бунтовщиками», и пламя революционной борьбы было бы сбито.

В беседах с Терещенко 6 и 7 июля английский посол настойчиво советовал Временному правительству ни в коем случае не упускать столь благоприятного момента и довести начатое дело до конца, а именно раздавить ленинцев. Причем английский дипломат полагал, что лучше всего с этой задачей могут справиться Керенский и другие министры с социалистической вывеской. По существу, он предложил обновить кабинет и прямо поставил вопрос о том, что князь Львов, как глава кабинета, недостаточно силен для проведения столь серьезной и ответственной операции. «Правительство,— заявил Бьюкенен,— было слишком слабо... кронштадтские матросы (участвовавшие в демонстрации.— В. В.) были разоружены, но не были наказаны, а два арестованных ленинских соратника были освобождены. Я не знаю,— продолжал он,— кто из министров противится принятию срочных мер против виновников беспорядков... но я боюсь, что министр-председатель недостаточно силен для того, чтобы использовать этот единственный случай для подавления анархии раз навсегда»³.

О том же хлопотали и другие представители союзников. Французское посольство после отъезда Палеолога, а затем Альбера Тома несколько «осиротело». Однако и без них не меньшую расторопность проявлял только что прибывший накануне кризиса новый посол

¹ А. Knox. Op. cit., vol. 2, p. 661—662.

² R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 115.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 249.

Нуланс. Активным «консультантом» по части борьбы с большевиками по-прежнему оставался американский посол Френсис. В эти дни дипломаты союзных держав почти непрерывно осаждали кабинеты Временного правительства и министерство иностранных дел, подталкивая временщиков к беспощадному кровопусканию. «Когда я зашел через несколько дней к Терещенко,—докладывал английский посол своему начальству,—то последний заверил меня, что правительство теперь является в полной мере господином положения и будет действовать независимо от Совета»¹. Британскому представителю особенно пришлось по душе сообщение министра о том, что Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, а также Всероссийский Совет крестьянских депутатов наделили правительство Керенского всей полнотой власти на фронте и в тылу и что Керенский, в удовлетворение требований генерала Корнилова, уполномочил командующих армий «расстреливать без суда солдат, не повинующихся приказам».

При встрече 21 июля Бьюкенен снова напомнил Терещенко, что наступил момент для «чрезвычайных шагов». Тогда же он посоветовал ввести в состав правительства Корнилова, и был весьма удовлетворен совпадением взглядов с Керенским по этому вопросу².

Подталкивая Временное правительство и соглашателей к решительным актам против революции, империалисты прибегали к испытанному приему подкупа и соблазнительных обещаний. В правительственных кругах распускались слухи, что если революция будет разгромлена и сформировано правительство с преобладанием кадетов, то Соединенные Штаты дадут 8-миллиардный заем для «восстановления» разваливающегося хозяйства.

Правительство Керенского всеми силами старалось заверить союзников в своей готовности воссоздать крепкую власть, продемонстрировать силу и твердость в подавлении революции. Терещенко говорил об этом чуть ли не во всех телеграммах за границу, в которых касался внутреннего положения страны. Временное правительство очень боялось потерять доверие союзных

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 251.

² См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 153—154.

правительств. Вот, например, что писал Терещенко русским дипломатическим представителям в союзных и нейтральных странах в телеграмме от 13 июля: «Выполняя свою программу, правительство вступило на путь осуществления твердой власти. На фронте принимается ряд мер, крайне суровых. В первые же дни прорыва начальствующим было дано право применять оружие против неподчиняющихся. Вчера восстановлена за измену и воинские преступления на фронте смертная казнь, чего требовали в ряде телеграмм все командующие армиями, а также правительственные комиссары на фронте. Закон принят правительством единогласно. Вместе с тем министру внутренних дел дано право по согласованию с военным министром закрывать газеты, призывающие к неповиновению военным властям. В Петрограде приняты меры к окончательному восстановлению порядка, разоружению населения, запрещению сборищ, шествий, манифестаций. Расформирование виновных частей и отправление их идет успешно»¹.

Союзники только приветствовали подобные меры: наконец-то Временное правительство стало вести себя как подобает настоящей власти. Итальянское правительство, докладывая Гирс, одобряет «энергичные меры» правительства Керенского. Такие же донесения поступали от русских представителей в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Токио. Особый восторг по поводу «энергичных мер» выказывала союзная пресса — от крайне реакционного до «лево»-либерального толка. Но кое-кто из союзных представителей считал эти меры все еще недостаточными. «Я был отнюдь не удовлетворен позицией правительства, — писал английский посол, — и в разговоре с Терещенко старался убедить его в необходимости применения тех же самых дисциплинарных мер к тылу, какие были санкционированы на фронте»².

На кухне антибольшевистских провокаций

Как уже отмечалось, особенно негодовали и злобствовали правящие круги Антанты против большевиков. Именно борьба с большевистской партией составляла

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 1, л. 128.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., т. 251.

основное звено операций объединенных сил российской и союзнической контрреволюции на «внутреннем фронте». Стараясь подхлестнуть антибольшевистскую кампанию, союзные империалисты распространяли всевозможные контрреволюционные версии, прибегали к самой грубой клевете. Еще в середине июня секретарь комитета так называемой точной информации в Англии Гавронский сообщал в Отдел международных сношений Петроградского Совета, что петроградский корреспондент «Морнинг пост», некий Мардона, с самого начала русской революции старался дискредитировать ее и особенно клеветал на Совет рабочих и солдатских депутатов, грубо искажая характер его деятельности.

Но больше всего, конечно, извращалась деятельность большевиков, их программа и тактика, взаимоотношения с другими партиями и массами и т. д. В конце концов этот борзописец прямо заявил: «Единственное спасение России в обильном кровопускании...» В том же духе поставлялась информация и большинством других иностранных корреспондентов.

Реакционная печать Запада словно по команде подхватила гнусную фальшивку о мнимых связях большевиков с правительством кайзера, о 200 тысячах рублях, якобы полученных ими от германских властей для своей «подрывной» деятельности, и пр. Непосредственное участие в фабрикации этой фальшивки приняли и представители союзников в России, а их пресс-центры и пропагандистские бюро энергично содействовали ее распространению в России и за рубежом¹. Японский военный атташе в Петрограде Исидзака еще в июне сообщал в Токио: «Согласно заявлению одного офицера генерального штаба, в настоящее время агитация крайних ведется на полученные от Германии средства в размере 200 000 рублей. Ввиду этого державы Согласия начали контрпропаганду и тратят на это большие суммы»².

Откуда исходили и как фабриковались подобные документы, достаточно красноречиво свидетельствует следующий весьма любопытный факт. Русский поверенный в делах в Берне А. М. Ону в начале сентября сообщал Терещенко: «По сведениям великобританского

---

¹ B. Pares. My Russian Memoirs. London, 1931, p. 464—465.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 148.

посланника, Ленин в настоящее время находится в Берлине»¹. Что представляли собой эти сногшибательные «сведения», в комментариях не нуждается. Современному читателю хорошо известно, где находился в тот момент Владимир Ильич. Тогда же подобные провокационные слухи подло использовались против партии рабочего класса. Между прочим, желтая пресса не преминула оповестить, что Ленин переправлен в Германию на немецкой подводной лодке.

Несколько позже те же информаторы пытались выдать общественному мнению еще одну не менее сенсационную новость, будто «крайние русские партии», поддерживающие тайные сношения с Германией (т. е. опять же большевики), всеми средствами стараются облегчить продвижение немцев на Северном фронте и взятие ими Петрограда, чтобы скорее заключить мир. На сей раз соответствующий «выстрел» был сделан итальянской дипломатией, в частности послом Карлотти и поверенным в делах Италии в Христиании (Осло)².

Одобрив действия Временного правительства, консервативные и либеральные круги западной буржуазии спешили предупредить, что о полном успехе говорить пока преждевременно и поэтому не следует ослаблять усилий в схватке с внутренним врагом. В тон буржуазии подпевали правые социал-демократы, причем некоторые из них выступали подчас с более злобными нападками на революцию, чем иные буржуа. Так, знакомый уже читателю Б. Торн, приехавший в Россию в апреле месяце с миссией «доброй воли», заявил в палате общин, что июльский кризис с его многочисленными жертвами якобы явился результатом «необузданной демократии», позволившей Ленину вернуться через Германию и свободно вести повсюду свою «вредоносную» пропаганду³.

Ссылаясь на упомянутую фальшивку и ее воздействие на отсталые слои населения и армии, союзные представители усиленно добивались от Временного правительства доведения «глубокого прорыва на фронте Ленина» до полного разгрома сил революции. «Настал психологический момент для нанесения окончательного и

¹ АВПР, ф. Политархив, д. 1994, л. 45.

² См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 161.

³ Parliamentary Debates, v. 97, cols. 1553—1554.

сокрушительного удара по врагу, стоящему у ворот»¹, — доказывал Бьюкенен.

В своем стремлении подавить революцию союзники не останавливались ни перед какими средствами. Они замыслили самые чудовищные преступления, вплоть до подлого убийства вождя международного пролетариата В. И. Ленина. Английский и американский послы Бьюкенен и Френсис, признает в своей работе американский историк Вильямс, «настаивали на аресте и уничтожении Ленина». Американский посол, пишет автор, всячески поощрял кампанию, поднятую русской правой прессой, пытавшейся представить Ленина германским агентом и обвинить его в смуте в России и в разжигании антивоенных настроений². Подобные признания содержатся и в работах некоторых других американских историков. Не скрыл этого и сам Френсис, оставивший потомкам свою контрреволюционную исповедь. Еще в мае американский посол страстно желал, чтобы Временное правительство беспощадно расправилось с авангардом русского революционного пролетариата — большевистской партией. Напомним слова Сиссона о том, что у Френсиса не было иной политики, кроме лютой ненависти к большевикам. К осуществлению указанных планов присоединил свои усилия и прибывший вскоре с особой миссией сенатор Рут. Оба они, Френсис и Рут, предлагали устроить суд над В. И. Лениным по обвинению его в «государственной измене» с заранее подготовленным смертным приговором³. Керенский, нашедший впоследствии приют в Соединенных Штатах, горько сожалел, что министр юстиции Перверзев провалил «дело» против Ленина, грубо сострепанное ставкой при активном участии самого Керенского и Терещенко, а также военных и дипломатических представителей западных держав.

Требование правящих кругов Антанты побыстрее расправиться с большевиками отражало также их

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 250.

² W. A. Williams. American Russian Relations. 1781—1947. New York — Toronto, 1952, p. 92.

³ F. Schuman. American Policy toward Russia since. 1917. New York, 1929, p. 50; D. Francis. Russia from the American Embassy. New York, 1921, p. 109—111, 141—142; Ph. Jessup. Elihu Root, vol. 2, New York, 1938, p. 369.

растущий страх и за положение в собственных странах, где становилось все более беспокойно, и причину этого они усматривали прежде всего в активной деятельности русских марксистов.

Особенно напряженная обстановка сложилась во Франции и в Италии. Хотя стачечная борьба французского пролетариата в результате массовых репрессий несколько утихла и восстание в армии было жестоко подавлено, тем не менее положение оставалось весьма острым и давало мало оснований для оптимизма, антивоенные настроения во французской армии по-прежнему являлись грозным призраком. В данный момент особое беспокойство вызывало положение в сражавшихся на французском фронте русских экспедиционных войсках, прибывших в свое время по распоряжению царя. В июле 1917 г. в этих войсках вспыхнуло восстание, грозившее переброситься в недавно «усмиренную» французскую армию.

Не менее напряженная обстановка была в Италии, где с каждым днем усиливались антивоенные настроения, ширилось общедемократическое движение за мир, все больший размах приобретала революционная борьба пролетариата. Общее недовольство политикой королевского правительства резко возросло под влиянием провала предпринятого в мае Трантинского наступления. Оно стоило итальянцам многих людских и материальных жертв, которые по своим размерам приближались к потерям французов во время весеннего наступления. В стране свирепствовал продовольственный и топливный кризис, росла безработица, тяжелым бременем ложившиеся на плечи трудящихся. В этих условиях заметно усилилось влияние пацифистов. Итальянские пацифисты, отмечал в конце июня Гирс, ведут пропаганду о невозможности для Италии выдержать новую зимнюю кампанию и призывают народ потребовать заключения мира еще до наступления зимы. Даже посол пришел к выводу, что Италия стоит на пороге революции, предотвратить которую можно было, по его мнению, только путем более активного ведения войны. Такого же мнения придерживалось и само итальянское правительство.

Все больше проникало в Италию влияние идей большевистской партии, пример ее самоотверженной борьбы

против империалистической политики правящих классов. Итальянская партия официальных социалистов объявила себя солидарной с Лениным. 10 июля во Флоренции состоялась конференция партии официальных социалистов с участием ее представителей в палате депутатов. Конференция решила послать телеграмму сочувствия и солидарности В. И. Ленину.

Рост влияния большевистской партии и ее борьбы на итальянские трудящиеся массы отчетливо обнаружился во время пребывания в Италии делегатов исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Смирнова и Гольденберга. (Эти делегаты были посланы в союзные страны эсеро-меньшевистским руководством Советов с целью подготовки Стокгольмской конференции.) Встречать их на станции в Риме собрались огромные массы трудящихся, которые вопреки ожиданиям русских и итальянских социал-патриотов прибыли с лозунгами: «Да здравствует Ленин!», «Долой войну!»

Все это вызывало еще большую злобу и ярость итальянской реакции. Вот почему она всячески одобряла «энергичные меры» правительства Керенского против ленинской партии и шедших за нею революционных масс. Такое же восторженное одобрение встречали эти меры и у правящих кругов Англии, США и Японии, хотя положение у них было не столь беспокойным. Но причина одна: реакционеры всех мастей считали большевиков основными носителями «революционной бациллы» во всем мире и потому требовали их беспощадного подавления.

В резолюции «Текущий момент и война», принятой на VI съезде большевистской партии, состоявшемся в конце июля — начале августа, подчеркивалось, что империалисты больше всего опасаются развития революции в России потому, что это грозит революционными выступлениями трудящихся масс против войны и империализма в других странах¹.

В повестке дня «русский вопрос»

В те самые дни, когда правительство Керенского развешивало операции на «внутреннем фронте» и принимало лихорадочные усилия к отражению австро-гер-

---

¹ См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 372.

манского контрудара, а союзническая пропаганда всячески поносила русскую революцию, высшие руководители западных держав собрались для обсуждения «русского вопроса». Последний впервые стал предметом специального рассмотрения в верхах. Это было на Парижской союзнической конференции, созванной для решения балканских дел и заседавшей 12—13 июля, а затем на конференции в Лондоне, состоявшейся двумя неделями позже.

Официально «русский вопрос» не значился в повестке дня конференций. Тем не менее он занял важное место в их работе. В обсуждении его приняли участие только три державы: Англия, Франция и Италия. Остальные участники, в том числе и сама Россия, не были допущены к этому обсуждению ни в Париже, ни в Лондоне. Присутствие русских представителей, по словам Набокова, стало служить «препятствием к вполне откровенному обмену взглядов» между западными союзниками. Трехсторонние англо-франко-итальянские совещания носили «частный» характер, и приглашение на них русских дипломатов считалось необязательным. Всего состоялось два таких «частных» совещания: одно — в Париже 13(26) июля, второе — в Лондоне 26 июля (8 августа) ¹.

Инициатором постановки данного вопроса выступили французы. Объяснялось это прежде всего тем, что Франция больше других великих держав зависела от состояния Восточного фронта, а поэтому и больше других была обеспокоена его судьбой. Еще в конце июня — начале июля французский генеральный штаб наметил основные проблемы, которые он считал необходимым обсудить на предстоящей союзнической конференции. 5(18) июля генерал Фош представил на рассмотрение своего правительства специальную докладную записку по этому поводу, в которой «русский вопрос» был назван первым в числе проблем, «требующих немедленного решения» ².

¹ См. АВПР, ф. Секретный архив, д. 669/702, л. 61; Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 75—76, 81; «Les armées françaises». Т. 5, vol. 2, p. 306—307.

² «Les armées françaises». Т. 5, vol. 2, p. 306; «Annexes», vol. 2, p. 186.

Удручающие известия с Галицийского фронта и события в Петрограде еще больше обеспокоили и насторожили союзников. На трехстороннем совещании 13(26) июля представители Франции прямо поставили вопрос о возможности выхода России из войны, подчеркнув, что это имело бы самые тяжелые последствия для всех союзников, и в первую очередь, разумеется, для самой Франции. В военном отношении крах России позволил бы противнику перебросить колоссальные силы с Восточного фронта на Западный и нанести союзникам мощный, если не сокрушительный, удар. Освободилась бы также и часть турецких дивизий, находившихся в распоряжении неприятеля. В экономическом отношении поражение русских значительно улучшило бы положение центральных держав: они получили бы в свое распоряжение огромные сырьевые и продовольственные ресурсы, особенно хлеб, в котором австро-германский блок испытывал острую нужду. В результате была бы значительно снижена и эффективность установленной Антантой блокады. И, наконец, крах России нанес бы тяжелый ущерб союзникам в морально-политическом отношении. Особенно пагубно он отразился бы на малых союзниках из числа балканских стран, вызвав у них, как отмечал Ллойд Джордж, «глубокую депрессию», которая могла бы заставить их искать сепаратного мира. При этом Румыния была бы вынуждена разделить судьбу России¹.

Все эти обстоятельства, по мнению французской стороны, вынуждали союзников приложить максимальные усилия, чтобы удержать Россию в войне, не допустить выпадения ее из коалиции. Исходя из вышесказанного, на рассмотрение собравшихся был представлен от имени французского правительства план мероприятий², разработанный французским генеральным штабом при деятельном участии министра вооружений Тома, недавно вернувшегося из поездки в Россию. Как и вся русская политика западных держав, он был проникнут

---

¹ «Les armées françaises». Т. 5, vol. 2.; «Annexes», vol. 2, p. 228; Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 76.

² «Les armées françaises». Т. 5, vol. 2, p. 306—307; «Annexes», vol. 2, p. 228—230. Предварительно этот план рассматривался начальниками генеральных штабов Англии, Франции и Италии во время их встречи накануне конференции 11 (24) июля 1917 г.

двумя основными «идеями»: подавление революции и удержание России в войне.

Соответственно предлагалось осуществить ряд мер по оказанию Временному правительству помощи в военной, экономической и политической областях. На первое место выдвигалась необходимость оказания всевозможной помощи в борьбе против революционных сил в стране. С этой целью предлагалось развернуть в России «мощную контрпропаганду» против большевистских идей и лозунгов, выделив для нее достаточные средства. В плане борьбы с революцией намечалось также оказание Временному правительству помощи в преодолении экономического кризиса путем предоставления кредитов, участия в реорганизации транспорта и т. п. Неотложным признавалось всемерное содействие в восстановлении дисциплины и поднятии морального духа русской армии и флота, а также улучшение их технической оснащенности.

Согласно французским проектам, обязанности по оказанию России военной и экономической помощи распределялись следующим образом: Франция брала на себя заботы об армии, Англии предлагалось заняться укреплением российского флота, а Соединенным Штатам — реорганизацией железнодорожного транспорта. Япония собирались привлечь к поставке военных материалов и технического персонала. Италия освобождалась от намечавшейся «реорганизации России», поскольку у нее хватало собственных забот, особенно в связи с запланированным на осень наступлением итальянской армии.

Французские предложения в принципе были одобрены. В принятом на совещании в Париже меморандуме отмечалось: «Союзные правительства должны пойти на любые жертвы, чтобы удержать Россию в коалиции и путем предоставления ей поддержки во всех жизненных областях влить в ее правительство энергию, необходимую для того, чтобы любой ценой продержаться до конца»¹.

Рассмотрение «русского вопроса» было продолжено на Лондонской союзнической конференции, состоявшейся 25—26 июля по ст. ст. В нем приняли участие те же

---

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 75.

стороны и почти те же лица. Участники совещания еще раз подтвердили решения, принятые ими в Париже, скрепив их специальной резолюцией¹.

Как показали дальнейшие события, основное внимание союзников было сосредоточено не на материальной, а на организационной стороне, или, как об этом сказано в лондонской резолюции, на «административной реорганизации России». Сущность ее нашла яркое отражение в намерении послать в Петроград «особо уполномоченного комиссара» союзных держав с функциями главного советника Временного правительства, в резком расширении состава французской военной миссии до размеров, которые позволили бы иметь французских офицеров при всех высших инстанциях русского командования, вплоть до корпусов и дивизий, и т. д.

Руководители Антанты полагали, что все беды в России проистекают в значительной мере от неспособности русского правительства управлять страной в данной сложной ситуации, а посему вознамерились помочь ему в «администрировании», т. е. в сражениях «на внутренних фронтах».

Предложение о посылке в Россию «особо уполномоченного комиссара» было внесено Альбером Тома на «частном» совещании Лондонской союзнической конференции. В принципе оно было одобрено. Вначале Временное правительство склонно было согласиться с предложением, но рост антисоюзнических настроений в стране вынудил его вскоре отказаться от этой мысли.

В том же направлении должен был действовать и новый глава военной миссии, которому вменялось в обязанность заставить «более эффективно почувствовать свою деятельность в смысле принятия энергичных решений (направленных, разумеется, на подавление революции.— В. В.) и продолжения войны до окончательной победы». В свою очередь военным представителям, размещенным «при всех высших инстанциях русского командования», поручалось помочь русским офицерам обеспечить «дисциплину» в армии, т. е. искоренить там антивоенное и революционное движение.

Что касается действительной материальной помощи,

---

¹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, д. 81, л. 53 (перевод с английского).

то она занимала в планах союзников третьестепенное место. В этой части лондонскую резолюцию никто серьезно и не собирался выполнять. Как свидетельствует Ллойд Джордж, 25 августа (7 сентября) английский военный кабинет вновь обсудил положение и рассмотрел просьбу о присылке вооружения для России. В результате было принято еще одно «решение», в котором только и говорилось, что снабжение оружием является частью общего вопроса: должна ли Англия продолжать поддерживать Россию несмотря на ее тяжелое экономическое положение и на отсутствие дисциплины в армии.

На заседании кабинета с информацией о положении в России выступил генерал Нокс, вызванный в Англию специально с этой целью. Он усиленно настаивал, чтобы союзные державы сделали русскому правительству «серьезное представление», потребовав от него восстановления дисциплины на фронте и в тылу. Еще будучи в России, генерал Нокс рекомендовал своему правительству выступить в парламенте с заявлением и «тонко» намекнуть, что долг Англии по отношению к самой себе и другим союзникам может заставить ее усомниться в целесообразности оказания помощи правительству, которое медлит с проведением необходимых мер по наведению «порядка» в армии и в стране¹. Этим и объяснялся характер принимавшихся в Лондоне решений относительно военных поставок. И со стороны Франции реальная материальная помощь не возрастала, а сокращалась.

Несколько большую «отзывчивость» в оказании материально-технической помощи России проявляли Соединенные Штаты, но и те больше обещали, чем делали. Как и другие союзные державы, свою основную задачу они видели в усилении нажима на Временное правительство, требуя от него покончить с революцией, иначе Россия казалась им ненадежным союзником и столь же ненадежным должником.

Вот почему в части материальной помощи и парижский «меморандум» и лондонская «резолюция» так и остались на бумаге. Все внимание правящих кругов Запада было сосредоточено на открытом подавлении русской революции, в данный период пока что руками Временного правительства и поддерживающих его сил.

¹ См. Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 80—83.

К установлению диктаторского режима в России русская и антантовская буржуазия стремилась с первых дней Февральской революции. Еще 27 февраля в думских политических кругах в качестве возможных военных диктаторов назывались имена генералов Поливанова и Маниковского¹. Об этом же подумывали и представители союзников в Петрограде. В начале апреля Палеолог усиленно ломал голову над тем, можно ли «предотвратить катастрофу» — полный развал России и выход ее из войны — такими средствами, как созыв Учредительного собрания или военный переворот.

Однако в условиях двоевластия, установившегося в стране после свержения самодержавия, и неблагоприятного для буржуазии соотношения сил от планов военного переворота пришлось пока отказаться и прибегнуть к политике лавирования, к политике, как характеризовал ее В. И. Ленин, обмана и лести, миллиона обещаний, грошовых подачек и уступок неважного с целью сохранения важного². «Движение,— отмечал французский посол,— только еще начинается... Можно более или менее овладеть им, задержать, маневрировать, выиграть время. Передышка в несколько месяцев имела бы капитальную важность для исхода войны...»³

Эту передышку, как мы видели, рассчитывали получить с помощью «умеренных социалистов» и их кумира Керенского. Но политика лавирования не помогла. Революция неуклонно шла в гору, стремительно набирая высоту, и не давала господствующим классам не только передышки, но и кратковременного привала. Поэтому идея установления диктаторского режима все более неотступно преследовала руководителей антантовского блока. Русский народ, как полагали тогда некоторые господа цивилизованного мира, еще не дорос до того, чтобы уметь пользоваться всеми благами демократии. «Россия не созрела для чисто демократической формы правления»,— писал Бьюкенен еще в конце марта 1917 г.

¹ «Февральская резолюция». Мемуары. М.—Л., 1926, стр. 266, 283.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 158.

³ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 430.

В качестве претендентов на место диктатора фигурировали поочередно генерал Алексеев, затем генерал Брусилов, сменивший его на посту верховного главнокомандующего, а позже адмирал Колчак. С назначением Керенского военным министром и быстрым ростом его популярности, в том числе и среди союзников, о нем стали поговаривать как об одном из наиболее вероятных кандидатов на столь ответственную роль, и ему даже делались соответствующие предложения¹. Но и этим именем список претендентов не исчерпал себя.

После провала июньского наступления среди дирижеров войны все больше укрепляется мнение, что Керенскому не удастся «овладеть положением» и поставить революцию в жесткие рамки. К «маленькому Наполеону» заметно охладели. И хотя они по-прежнему приветствовали «энергичные меры» эсеровского премьера и оказывали ему морально-политическую поддержку, их взоры были обращены теперь на «сильного человека» Корнилова.

Среди многочисленных свидетельств на сей счет и в данном случае наиболее характерными являются донесения Бьюкенена. Именно он одним из первых среди представителей западных держав заговорил о необходимости смены ведущих актеров на русской политической сцене. Керенский, докладывая он своему правительству, несмотря на его прежние заслуги, «почти что сыграл свою роль»². (Керенского пока еще не совсем списали в тираж, намереваясь использовать его в предстоящих схватках с революцией.) Бьюкенен, по существу, полностью солидаризировался с позицией крупной русской буржуазии, считавшей Керенского неспособным «укротить» революцию и потому неприемлемым на посту главы кабинета. По свидетельству английского посла, Третьяков, представитель торгово-промышленных кругов в последнем составе Временного правительства, отзывался о Керенском презрительно, считая его «слишком социалистом» для того, чтобы можно было надеяться на подавление им революции³.

---

¹ См. Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, стр. 34—35.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 261.

³ Там же, стр. 266.

Керенский вызвал недовольство империалистических кругов тем, что он слабо, как им казалось, использовал подготовку к наступлению и само наступление для искоренения революционного духа в армии и в стране в целом. Поэтому немалую долю ответственности за провал на фронте возлагали на него самого. Военный министр, отмечал Бьюкенен, сделал все, что может сделать человек, который полагается только на речи, желая двинуть в наступление уставшую от войны армию, дисциплина которой была уже подорвана¹.

Западных империалистов не совсем устраивали также некоторые меры, с помощью которых Керенский надеялся укрепить дисциплину и боеспособность армии. В частности, они считали совершенно излишним и даже вредным назначение туда политических комиссаров, подрывавших, по их мнению, и без того ослабленную дисциплинарную власть и авторитет офицеров.

Но особенно не могли простить Керенскому его «вялость» и «нерешительность» по отношению к большевикам. Хотя Керенский, причитал английский посол, обладал теперь всей полнотой власти, необходимой для того, чтобы справиться с положением, он совершенно не сумел надлежащим образом воспользоваться своими полномочиями, разыскать и арестовать Ленина и т. д. «Правительство упустило единственную возможность раз навсегда раздавить большевиков после беспорядков, происходивших в июле месяце»², — выговаривал Бьюкенен Терещенко и самому Керенскому.

Слишком мягко, по его мнению, обошелся Керенский и с рабочими, предписав им лишь сдать оружие, а не приказав военным властям разоружить их силой. «Дурное впечатление» произвел Керенский на союзников и своим поведением на Московском государственном совещании, где уже явно чувствовалось соперничество двух претендентов на пост диктатора. «Керенский увлекался общими местами, — с неудовольствием докладывал Бьюкенен в Форин-оффис 21 августа. — Он не рассказал аудитории ни о том, что он сделал в прошлом, ни о том, что он предполагает сделать в будущем».

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 245.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 156.

Такого же мнения придерживалось и само лондонское правительство, внимательно прислушивавшееся к соображениям своего посла в Петрограде. Один из государственных мужей Англии во время Московского совещания откровенно высказал Набокову: «Керенский выдохся»¹. Глава военного кабинета Ллойд Джордж отмечал, что правящие круги Великобритании довольно быстро разочаровались в Керенском, который, по его словам, слишком надеялся на свои ораторские способности и недостаточно подкреплял их действиями. «Ситуация,— писал он,— требовала более жесткого человека, чем был Керенский»². Ллойд Джордж не скрывал также, что по рекомендации Нокса и Бьюкенена «правительство его величества» сделало ставку на Корнилова и установление им военной диктатуры.

Отражая настроение военно-политических кругов Великобритании, начальник английского морского генерального штаба генерал Холль еще в начале августа говорил адмиралу Колчаку (побывавшему в Лондоне проездом, когда направлялся по ходатайству Вашингтона и по поручению Временного правительства в США), что Россию может спасти только военная диктатура³.

Таким образом, во главе русского правительства и армии английские политики желали видеть человека, который полагался бы «не только на речи», а преимущественно на дубинку, хотя и Керенский, как известно, прибегал к жестоким репрессиям. Но этого союзникам казалось все-таки недостаточно. На сей раз они рекомендовали сбросить «бархатную перчатку» и действовать неприкрытым железным кулаком. «Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский,— представлял Бьюкенен своего нового фаворита лондонским руководителям в донесении от 21 августа.— Если бы он смог укрепить свое влияние в армии и если бы последняя стала крепкой боевой силой, то он стал бы господином положения»⁴. Новый главковерх, подчеркивалось в том же донесении, является «единственным человеком», способным взять армию в свои руки. И впоследствии

---

¹ К. Набоков. Испытания дипломата, стр. 139—140.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 66.

³ См. «Допрос Колчака». Л., 1925, стр. 94.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 260.

старый дипломат откровенно признавал, что «все его симпатии» были на стороне Корнилова ¹.

Разочаровались в Керенском и в Париже. Опытный политик и дипломат Рибо с досадой и не без иронии отмечал впоследствии, как жестоко они просчитались, возлагая на Керенского слишком большие надежды. Я уверен, писал Рибо, что наш бывший посол Палеолог, безусловно, посмеялся бы, если бы снова перечитал свои оценки министров Временного правительства, в том числе и министра юстиции Керенского, которого он характеризовал как «настоящего главу правительства». Нарисованный Палеологом портрет, продолжал Рибо, совершенно не соответствует тому, каким показали Керенского события ². Французское правительство полностью разделяло мнение своих военных и дипломатических представителей в Петрограде, считавших «создание сильной власти» в лице Корнилова единственным средством для спасения России как резерва Антанты. Об этом, в частности, писал французский военный атташе генерал Жанен ³.

Не меньше своих английских и французских партнеров установления диктатуры Корнилова желали и правящие круги Соединенных Штатов. Государственный секретарь США Лансинг в докладе президенту, представленном в конце июля, также подчеркивал необходимость установления в России «деспотической военной власти» как единственного средства подавления революции ⁴. Американский историк Вильямс признает, что этот вывод Лансинг положил в основу своей русской политики. Он потерял всякую надежду на Керенского и сделал ставку на генеральскую диктатуру ⁵. Одним из самых активных участников подготовки корниловщины являлся и американский посол в Петрограде Френсис.

Казалось, что в лице бравого кавалерийского генерала правящие круги союзников обрели, наконец, если и не настоящего, то, по крайней мере, подобие супер-

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 159—160.

² A. Ribot. Op. cit., p. 229—230.

³ «Le Monde slave». Paris, Octobre, 1927, p. 63.

⁴ См. Ф. И. Видясов. Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина. «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 54.

⁵ См. В. Э. Вильямс. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг. «История СССР», 1964, № 4, стр. 172.

мена, о котором они тосковали с первых дней революции. Генерал Корнилов, снова и снова повторял лондонскому начальству Бьюкенен, «представляет собой единственного человека, достаточно сильного, чтобы... привести свой дом в порядок путем восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу»¹, хотя совсем недавно таким «единственным» ему представлялся Керенский.

Особенно расположили к Корнилову представителей Антанты его жестокость и беспощадность. В телеграмме от 29 июля английский посол с нескрываемой радостью сообщал в Лондон о том, как Корнилов, «железной рукой» восстанавливая дисциплину», приказал расстрелять «сотню солдат» и положить их тела вдоль дороги, привязав к ним дощечки с надписью, что они были расстреляны за «грабежи и убийства», якобы совершенные ими в г. Калюше². Не вызывает сомнения, над кем учинялась такая варварская расправа: в грабежах и насилиях в первую очередь обвиняли противников продолжения войны. На это, в частности, указывает и содержавшееся в телеграмме сообщение о расстреле также нескольких пленных немецких офицеров, у которых были найдены прокламации с призывами к миру.

Итак, Корнилов — очередная «светлая» надежда империалистических кругов на подавление русской революции. Новый хозяин могилевской ставки, ликовали они, потребовал предоставления ему самых широких полномочий для наведения порядка на фронте и в тылу, и это дает основание надеяться на его успех³.

Генерал от кавалерии и его зарубежные покровители

С момента назначения Корнилова верховным главнокомандующим представители западных держав стали настойчиво добиваться от Временного правительства наделения его всей полнотой власти, угрожая, в противном случае, лишить Россию помощи со стороны союзников. 29 июля на завтрак у Терещенко глава дипкор-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 256.

² См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 155.

³ Там же.

пуса, ссылаясь на обращенную к союзникам просьбу Корнилова о дальнейшей доставке ими артиллерии для русской армии, откровенно заявил министру-председателю: «Наша военная власть вряд ли согласится исполнить упомянутую просьбу, если не получит уверенности, что Корнилов будет наделен всей полнотой власти для восстановления дисциплины»¹.

А под восстановлением дисциплины подразумевалось, как уже подчеркивалось, беспощадное подавление антивоенного и революционного движения. Для облегчения выполнения этой задачи Корниловым союзные представители требовали включить столицу в линию фронта и объявить ее на военном положении. «Уверенность моего правительства,— продолжал посол,— возросла бы, если бы я смог уведомить его, что Петроград включен в фронтовую полосу и что в нем введено военное положение».

Осуществление этого плана позволило бы правительству и реакционному командованию свободно вывести из столицы наиболее революционные части, эвакуировать вместе с промышленными предприятиями рабочих и таким путем нанести удар по авангарду революции. Истинную цель указанной меры довольно откровенно выразил российский нефтяной магнат «русский Рокфеллер» Лианозов, заявивший однажды, что введение в Петрограде осадного положения позволит командующему войсками округа расправиться с большевиками «без юридических формальностей»².

Через некоторое время английский посол снова осаждал Керенского, требуя от него удовлетворения настояний Корнилова. «Я не могу взять на себя ответственности за благоприятное освещение положения перед своим правительством»,— заявил он министру-председателю, если Временное правительство не сможет дать ему «достаточных гарантий поддержания порядка в тылу, а также в отношении продовольственного вопроса и транспорта». Бьюкенен сослался при этом на речь Корнилова на Московском совещании, говорившего об опасности разрушения железнодорожного транспорта и об угрозе голода в армии. А если последнее случится,

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 254.

² См. Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 31.

предупреждал посол, то наступит «общий паралич», к которому он должен подготовить свое правительство. Бьюкенен настойчиво рекомендовал сделать армию «действительно боевой силой», прежде всего имея в виду полнейшее подчинение ее контрреволюционному командованию.

Подобные же советы давали Керенскому и Терещенко французский, американский и итальянский послы: Нуланс, Френсис и Карлотти. В свою очередь военные атташе и начальники союзных военных миссий при ставке верховного командования заверяли Корнилова, что правительства их стран будут добиваться от Временного правительства передачи ему всей фактической власти в стране. Во исполнение этого обещания аккредитованные в России иностранные генералы обратились к своим властям с просьбой решительно настаивать перед правительством Керенского на поддержке им Корнилова «в интересах союзников и продолжения войны»¹. Генерал Нокс, вызванный в Лондон для доклада о положении в России, энергично убеждал членов военного кабинета в необходимости для союзников совместно обратиться к Временному правительству и внушительно посоветовать ему оказать Корнилову всемерное содействие «в тех мероприятиях, которые он хотел провести»², т. е. в подавлении революции.

Особенно упорно добивались союзники введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. Некоторая осторожность Керенского и министров-социалистов в этом вопросе расценивалась ими как проявление слабости и гнилого либерализма. «Я был отнюдь не удовлетворен позицией правительства,—откровенничал Бьюкенен,—и в разговоре с Терещенко старался убедить его в необходимости применения тех же самых дисциплинарных мер в тылу, какие были санкционированы на фронте»³. Причем речь шла о распространении смертной казни не только на военнослужащих, но и на гражданских лиц, обвиняемых в государственной измене, а под эту категорию «преступников» намеревались подвести прежде всего самых непримиримых противников войны — большевиков.

¹ «Le Monde slave». Paris, Octobre 1927, p. 64.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 82—83.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 251.

При встрече с министром иностранных дел накануне Государственного совещания глава дипломатического корпуса заявил, что каковы бы ни были у правительства основания для «осторожного» образа действий в прошлом, в настоящий момент оно не может терять времени. «Я очень разочарован тем,— сказал Бьюкенен министру,— что если положение и переменялось, то только к худшему». Правительство, выговаривал он своему собеседнику, кажется сейчас гораздо более слабым, чем когда-либо, и если не будут приняты энергичные меры к подавлению большевиков, «они опять скоро возьмут верх»¹. Глава дипломатического корпуса добивался от Временного правительства осуществления корниловской программы «в полном объеме» — программы, которая в такой же мере была корниловской, как и союзнической.

В конце концов хлопоты союзных представителей увенчались успехом. Керенский уступил требованиям в отношении смертной казни и включения Петрограда в фронтовую полосу. «Он дал мне положительные заверения по всем этим вопросам», — с радостью сообщал Бьюкенен в Лондон 18 августа о результатах своих неоднократных переговоров с министром-председателем.

Следует подчеркнуть, что союзники, и в частности англичане, добивались, чтобы основная акция против революции была проведена Корниловым совместно с Керенским и другими «патриотически настроенными социалистами». Такая уния, как им казалось, сулила большие шансы на успех. Керенский и другие вожди «умеренных» должны были служить ширмой для генеральской контрреволюции. Вот почему английский посол всячески желал, чтобы до определенной поры Корнилов и Керенский действовали заодно, хотя некоторые из его коллег не считали это обязательным².

И все, казалось, шло гладко: верховный главнокомандующий и министр-председатель обо всем договорились и сообща готовили удар по революции. Но перед самым началом операции неожиданно «рассорились», чем в известной мере помогли своевременному разоблачению задуманного ими контрреволюционного похода.

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 156; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 257.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 260—261.

Пронюхав, что заговорщики намерены убрать с дороги и его самого, как только цели заговора будут достигнуты, Керенский решил немедленно отмежеваться от них и «примкнуть» к лагерю революции.

Выше уже отмечалось, что после провала июньского наступления и июльских событий и особенно после падения Риги империалистическая пресса все усиливала нападки на русскую революцию. Одна из целей поднятой западной печатью шумихи состояла в том, чтобы содействовать контрреволюционному перевороту, расчистить дорогу к власти царским генералам во главе с Корниловым.

Весьма ценные в этом отношении замечания оставил чрезвычайный комиссар Временного правительства С. Г. Сватиков, побывавший за границей в июне — августе 1917 г. со специальной миссией. В своем весьма секретном докладе, представленном Временному правительству по возвращении из поездки, Сватиков отмечал, что попытка генерала Корнилова встретила на Западе самое глубокое сочувствие. «Нужно прямо сказать, — подчеркивал комиссар, — что когда произошло столкновение между Керенским и Корниловым, то сочувствие Западной Европы было на стороне Корнилова»¹.

В Англии, Франции и других странах антантовского блока правые газеты без стеснения писали о своих симпатиях к «бравому генералу». Парижская печать, докладывавал Сватиков, вела в это время активную кампанию против политики бесконечных деклараций и резко критиковала Керенского. Русский поверенный в делах в Париже вынужден был убеждать журналистов не очень славословить по адресу нарекаемого союзниками диктатора России. Он беседовал в связи с этим с директорами некоторых газет, доказывая им, что своими резкими статьями в пользу Корнилова они не только не достигают преследуемой цели, а, наоборот, «дают оружие кругам, недружелюбно настроенным к союзникам». Впоследствии Керенский с нескрываемой горечью писал, что правительственные круги Франции и Великобритании под маской «дипломатического флирта» приняли в этот период злобную кампанию против Вре-

---

¹ «Сборник секретных документов», стр. 194—195.

менного правительства и содействовали тем самым подрыву его авторитета среди населения. (О Соединенных Штатах Керенский дипломатично умолчал, так как боялся лишиться предоставленного ему убежища.)

На прощальной аудиенции Сватикова у президента французской республики Пуанкаре, состоявшейся незадолго до корниловского мятежа, сам президент, а также премьер Рибо и генеральный секретарь министра иностранных дел Жюль Камбон «чрезвычайно жадно интересовались личностью Корнилова» и много расспрашивали о нем. Все трое в один голос спрашивали, «когда же, наконец, Россия перейдет от слов к делу, есть ли в России кто-либо с твердой рукой, который был бы способен начать не на словах, а на деле насаждение порядка»¹. Со своей стороны президент Франции старательно внушал русскому комиссару, что правительство может «именоваться временным», но быть в действительности и иметь внешний вид «правительства постоянного». При этом он настоятельно рекомендовал «восстановить военный и административный порядок самыми крутыми мерами».

Разнузданная кампания в поддержку русской контрреволюции развернулась и в Италии. К моменту корниловской эпопеи газеты правого направления усердствовали еще больше, чем прежде, открыто выражая пожелания победы контрреволюции. Поведение итальянской реакционной печати было настолько возмутительным, что вызвало резкий протест даже в собственной стране. Поведение клерикальной консервативной и националистической прессы несовместимо не только с союзническим долгом, но и с самым элементарным приличием, заявили в парламенте представители социалистов.

Правящие круги союзников с нетерпением ждали от Государственного совещания, состоявшегося в Москве 12—14 августа, «сдвига вправо» и неизбежных личных перемен в русском правительстве. Основные надежды возлагались на генерала Корнилова. Его речь на Московском совещании произвела на них «сильное впечатление». Но зато крайнее недовольство и озлобление вызвала стачка московского пролетариата, организованная

¹ «Сборник секретных документов», стр. 197—198; R. Poincaré. *Au service de la France*, t. IX. *L'année trouble 1917*. Paris, 1932, p. 270—271.

по призыву большевистской партии в знак протеста против сближения контрреволюции. Все буржуазные и пробуржуазные газеты снова обрушились на большевиков с резкими нападками за их «дезорганизацию» перед лицом коварного врага.

Как известно, заговорщики намеревались осуществить свои планы установления военной диктатуры еще во время Московского совещания. Претенденту на пост диктатора буржуазные и аристократические круги устроили в Москве помпезную встречу. Перед ним распилились чуть ли не как перед «повелителем всея Руси». Соответственно вел себя и сам Корнилов. Прежде всего, он устроил «драматический въезд» в Москву, окружив себя туркменской стражей, и перед совещанием посетил мощи в Успенском соборе, где всегда молился император, когда приезжал во вторую столицу. Он принимал многочисленные делегации и депутации, предводителей банковского и торгово-промышленного мира, представителей всевозможных буржуазных заведений и городских властей, выслушивал доклады о внутреннем положении страны, о состоянии экономики и финансов, давал советы и т. д.

В этой кампании по созданию Корнилову «всемирного доверия», в церемонии его, так сказать, заочного коронования активное участие приняли и представители союзников. Еще до прибытия Корнилова на Государственное совещание на улицах Москвы распространялись брошюры, озаглавленные: «Корнилов — национальный герой». Эти брошюры были отпечатаны на деньги британской военной миссии и доставлены в Москву в вагоне генерала Нокса.

В начале августа в Россию прибыл из Англии упоминавшийся уже А. Ф. Аладьин (кстати, в будущем правительстве Корнилова ему предназначался портфель министра иностранных дел). Он привез для генерала Корнилова специальное письмо от военного министра Великобритании лорда Мильнера, в коем одобрялась идея установления в России военной диктатуры, а также и те шаги, которые должны были привести к ее реализации. Данное письмо представляло собой нечто большее, чем личное мнение британского военного министра. Оно отражало позицию и Ллойд Джорджа и всего английского правительства. Письмо должно было

ободрить заговорщиков, вселить в них уверенность в правоту своего дела и тем самым подтолкнуть к осуществлению намеченного плана.

Керенский, бывший и сам причастным к контрреволюционному заговору, писал впоследствии: «Непосредственные соучастники Корнилова вели переговоры с некоторыми политическими и военными кругами союзников. Политический центр заговора находился не в ставке, где генерал Корнилов занимался военными приготовлениями; он был в Петрограде и Москве, где нити заговора тянулись к некоторым рабочим кабинетам, комфортабельным и спокойным»¹. Говоря это, премьер-неудачник явно имел в виду военные и дипломатические представительства Англии, Франции и Соединенных Штатов.

Не случайно глава дипломатического корпуса Бьюкенен, равно как и другие представители союзников, демонстрировал удивительную осведомленность о планах заговорщиков. Они хорошо знали не только о целях заговора, но и об основных деталях плана мятежников. Знали и дату начала их выступления, о чем свидетельствуют многочисленные документы, в частности показания самих официальных представителей союзников. «Едва успело разойтись Московское государственное совещание, — писал английский посол, — как слухи о проектируемом перевороте стали приобретать более конкретную форму. Журналисты и другие лица, находившиеся в контакте с его организаторами, говорили мне даже, что успех переворота обеспечен и что правительство и Совет капитулируют без борьбы»². В телеграмме Бьюкенену от английского военного представителя при Ставке генерала Бартера, посланной им по возвращении из Москвы, также сообщалось, что «попытки к какому-нибудь перевороту можно ожидать в любой момент». (Речь шла, разумеется, о вполне определенном заговоре. Бартер выразился так просто из предосторожности.)

Между прочим, в контакте с заговорщиками находились не только журналисты и «другие лица», в числе которых фигурировали прежде всего генералы Нокс и

---

¹ А. Kerensky. Op. cit., p. 304.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 261—262.

Бартер, но и сам посол. По его собственному признанию, 23 августа к нему пожаловал некий «русский друг», являвшийся директором одного из крупнейших петроградских банков, и без лишних предисловий поведал цель своего неожиданного появления. По поручению руководителей заговора он поставил посла в известность, что их организация, поддерживаемая крупными финансовыми и промышленными кругами и рассчитывающая на помощь генерала Корнилова, а также одного армейского корпуса, в ближайшую субботу, т. е. 26 августа, начинает свои операции, которые должны завершиться арестом правительства и роспуском Совета. Но это еще не все. От имени уполномочивших его лиц банковский деятель выразил надежду, что великобританский посол предоставит в их распоряжение английские броневики и поможет скрыться в случае неудачи намеченного предприятия¹.

Если поверить на слово, то великобританский посол якобы отклонил обращенную к нему просьбу, заявив прибывшему «парламентеру», что с их стороны весьма наивно просить его принять участие в заговоре против правительства, при котором он аккредитован, и если бы он захотел исполнить свой долг, то должен был бы донести на них. Но британский дипломат, разумеется, не сделал этого. Напротив, он счел необходимым дать заговорщикам некоторые советы, как лучше осуществить намеченное предприятие, какой придерживаться тактики, чтобы не разоблачить преждевременно своих планов, а также заранее реабилитировать посольство перед Временным правительством на случай неудачи. В частности, он рекомендовал генералу выждать момент, «пока большевики не сделают первый шаг, а тогда он пришел бы и раздавил их».

Заговорщики, как известно, так и действовали. Хорошо зная, что большевики не готовят никакого «немедленного выступления», они тем не менее усиленно распространяли эту версию и решили сами инсценировать «большевистское восстание» к моменту прибытия сил мятежников в Петроград.

Не пожелал посол сказать правду и в отношении упомянутых им броневиков, в которых он тоже будто

---

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 259, 262.

бы отказал заговорщикам. Однако, по свидетельству полковника Р. Робинса, бывшего в ту пору помощником председателя миссии американского Красного Креста в России, английские офицеры, переодетые в русскую форму, следовали вместе с корниловскими частями со своей боевой техникой. В показаниях перед «Овермэновской комиссией» сената США Робинс говорил: «Английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова»¹.

Об участии английских бронемашин в корниловском походе сообщала также и московская газета «Социал-демократ». Английский бронедивизион, входивший в состав Юго-Западного фронта, завоевал особое доверие Корнилова (когда он являлся еще командующим этого фронта) своим позорным участием в обстреле русских войск с тыла при их отступлении в начале июля под Тарнополем. Корреспонденты английских газет с восторгом сообщали тогда об этом «подвиге» своих соотечественников. По особо секретному приказу ставки эта часть перебрасывалась теперь к Петрограду².

Полковник Робинс выдал и другие кое-какие секреты союзнической контрреволюции. К величайшему неудовольствию господ-сенаторов он подтвердил, что представители Англии, Франции, Италии и США в России, «посольства и официальные комиссии» этих стран являлись прямыми соучастниками корниловской авантюры. По своим политическим симпатиям, настроениям и действиям, засвидетельствовал Робинс, фактически все сотрудники союзных посольств и миссий были на стороне Корнилова. «В действительности,— констатировал он,— каждый из них вложил свои деньги, если можно так выразиться, в Корнилова»³.

В дни корниловского мятежа представители союзников в ставке заверяли Корнилова в своем расположении к нему и желали ему успеха в намеченном предприятии. «В особенности!..— писал позже Деникин — в трога-

---

¹ «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов». М.—Л., 1927, стр. 143.

² См. Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 81.

³ W. Hard. Raymond Robins' own story. New York and London, 1920, p. 16.

тельной форме делал это британский представитель»¹. Уже после провала корниловского заговора глава британской военной миссии в России генерал Нокс в беседе с полковником Робинсом откровенно признал, что он, Нокс, был заодно с Корниловым. «Быть может, эта попытка была преждевременна,— с раздражением сказал он,— но я не заинтересован в правительстве Керенского. Оно слишком слабо; необходима военная диктатура, необходимы казаки. Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно»².

Прямое содействие заговорщикам пытались оказать и сами дипломатические представители союзников в России. В самый разгар корниловского мятежа, 28 августа, главы союзных миссий сделали Временному правительству совместное представление, в котором предлагали свои «добрые услуги» в качестве посредников в деле урегулирования конфликта между правительством и уже смещенным с поста верховным главнокомандующим. Единственной целью этих «добрых услуг» объявлялось стремление «предотвратить гражданскую войну и служить интересам России и ее союзников».

Вручая Терещенко этот совместный документ, декан дипкорпуса лицемерно заявил, что союзники не имеют «ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России». Они хотят лишь «как друзья и союзники» предоставить в распоряжение правительства свои услуги и помочь, если удастся, избежать того, что может оказаться непоправимым бедствием. Аналогичная нота с предложением добрых услуг была вручена в ставке Корнилову, который, по свидетельству Жанена, охотно согласился на союзническое посредничество³.

В действительности этот шаг означал не что иное, как открытое выражение сочувствия заговорщикам, грубейшее вмешательство во внутренние дела страны. В донесении английского посла, отправленном в тот же день в Форин-оффис, раскрывалась истинная цель этих пресловутых «добрых услуг»: выиграть время для заговорщиков, внести замешательство с помощью Времен-

¹ А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1921, стр. 63.

² Цит. по книге: Левидов. К истории союзнической интервенции в России. Л., 1925, стр. 9.

³ «Le Monde slave». Paris, Octobre 1927, p. 66.

ного правительства в ряды противников генеральского путча. В донесении отмечалось, что примирение между верховным главнокомандующим и правительством стало невозможным и поэтому у союзников не остается ничего иного, как «выжидать... и верить, что Корнилов окажется достаточно сильным, чтобы преодолеть всякое сопротивление в течение нескольких дней»¹.

Даже Терещенко, являвшийся скрытым корниловцем, отказался санкционировать предложение союзных дипломатов, так как подобные действия, по его мнению, «ставили генерала Корнилова на равную ногу с правительством». Когда же военное министерство заявило, что Корнилов не может рассчитывать на поддержку союзников, союзные представители по инициативе американского посла потребовали опубликования своей декларации.

О соображениях, которыми руководствовались союзники в данном случае, откровенно рассказал в своих мемуарах Френсис. По его словам, правящие круги антантовской коалиции боялись потерять кредит в глазах российской контрреволюции. «Если бы представители союзников,— писал Френсис,— допустили, чтобы создалось впечатление, будто они способствовали поражению Корнилова, то они получили бы и заслужили резкое осуждение»².

Не вызывает сомнения, кому старались угодить дипломатические представители союзников и чье осуждение было для них далеко не безразлично. Персона Корнилова весьма импонировала американским правящим кругам, как и их партнерам по коалиции. Френсису, по его словам, нравились в этом генерале такие качества, как твердость и решительность. Он видел в нем «железного человека со стальной волей», которая была нужна им прежде всего для подавления революции. Поэтому, когда генерал Корнилов попытался осуществить контрреволюционный переворот, американский посол и другие представители США желали ему полного успеха. Предвкушая радость победы, Френсис телеграфировал в госдепартамент 29 августа: «Военный и военно-морской атташе считают, что Корнилов овладеет ситуаци-

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 159.

² D. Francis. Op. cit., p. 15.

ей»¹. К их великому огорчению, царский генерал и его сообщники потерпели сокрушительное фиаско. Решающая роль в разгроме августовского путча принадлежала питерским рабочим, руководимым большевистской партией².

Еще в статье «Слухи о заговоре», написанной 18—19 августа, В. И. Ленин точно определил расстановку сил в предстоящей борьбе с контрреволюцией и сформулировал задачи партии. 27 августа ЦК и ПК большевиков, Военная организация при ЦК РСДРП(б), Центральный совет фабзавкомов и другие большевистские организации обратились с воззванием к массам, призвав их грудью встать на защиту революционной столицы. «Вы смогли свергнуть царизм,— говорилось в воззвании,— докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова»³.

В тот же день на заседании ЦИК большевики внесли резолюцию «О политическом моменте», в которой намечались неотложные меры по спасению революции: общая демократизация армии, удаление из нее контрреволюционных генералов и офицеров, выборы командного состава, отмена смертной казни и репрессий, немедленная передача всех земель крестьянству, введение рабочего контроля, отмена тайных договоров, предложение условий всеобщего демократического мира и др.⁴

Партия большевиков привела в боевую готовность свои организации, в первую очередь в тех пунктах, которым угрожала наибольшая опасность, подняла на борьбу с мятежниками многотысячные массы рабочих и революционных солдат. На митингах принимались резолюции протеста против контрреволюционных действий буржуазии, осуждалось соглашательство меньшевиков и эсеров, формировались отряды Красной гвардии.

По призыву большевиков моряки Балтийского флота направили боевые суда на поддержку революцион-

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 188.

² Подробно об этом см. Н. Я. Иванов. Указ. соч.

³ «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». М., 1959, стр. 475.

⁴ См. там же, стр. 476—477.

ным силам столицы, ряд частей петроградского гарнизона выделили сводные отряды. В короткий срок из рабочих, солдат и матросов под Петроградом была создана огромная армия, намного превосходившая силы заговорщиков. Вся страна пришла в движение. В ста с лишним городах при Советах были созданы революционные комитеты по борьбе с корниловщиной. В результате мощного выступления революционных масс мятежники потерпели полное поражение.

Разгром корниловского мятежа явился одновременно поражением и империалистических кругов Антанты и США, принимавших, как свидетельствуют многочисленные факты, не только косвенное, но и прямое соучастие в корниловщине. Не без оснований газета «Рабочий путь» писала в те дни: «Теперь уже нет никаких сомнений в том, что в качестве прямых пособников корниловского заговора фигурировали кадеты и официальные представители союзных держав»¹. Раскрывая классовую сущность корниловского мятежа, его политическую и социальную подоплеку, В. И. Ленин тогда же указывал, что «англо-французский капитал и империализм за кадетов и за корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой»². Даже Бьюкенен вынужден был в конце концов признать, что корниловщина представляла собой неприкрытую контрреволюцию, намеревавшуюся смести и само Временное правительство³.

Но как ни сетовал Керенский на «некоторых союзников», взявших под свое покровительство взбунтовавшегося генерала, поднявшего руку и на самого премьера, ему пришлось проглотить пилюлю и не выказывать недовольства их поведением. Напротив, Временное правительство решило умиловить наседавших на него союзников, снова прибегая к декларациям о своей преданности «общему делу» и готовности исправить положение. Первым долгом оно поспешило заверить правящие круги Антанты и США в том, что оно само проведет в жизнь «корниловскую программу». В телеграмме министра иностранных дел русским дипломатическим представителям в Лондоне, Париже, Токио и Вашинг-

¹ «Рабочий путь», 10 сентября (28 августа) 1917 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 267.

тоне, разосланной 2 сентября, подчеркивалось, что «временное замешательство в жизни армии», вызванное последними событиями, не помешает правительству осуществить все те меры, «необходимость коих была признана до выступления генерала Корнилова».

Союзников торопились обрадовать сообщением о назначении вновь на пост начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева, пользовавшегося у них большой популярностью. На него возлагалось «ближайшее руководство военными действиями и реорганизацией армии». Керенский, принявший на себя пост верховного главнокомандующего, издал ряд приказов и распоряжений, запрещавших «под страхом самых суровых кар» всякие самовольные действия солдат, воинских комитетов и иных организаций, направленные против офицеров, заподозренных в причастности к заговору Корнилова¹. Другими словами, Временное правительство брало под защиту контрреволюционных заговорщиков, чем лишний раз подтверждало свою причастность к их действиям и ответственность за них. Кстати, Керенский хорошо знал, что и генерал Алексеев был замешан в заговоре.

На следующий день Терещенко направил представителям в Лондоне, Париже, Риме и Вашингтоне еще одну телеграмму по поводу разыгравшихся в стране «печальных событий», в которой чуть ли не упрашивал их похлопотать перед союзниками за несчастное Временное правительство. «Я рассчитываю,— взывал он,— на Ваш патриотизм, чтобы помочь правительству побороть обуявшее наших союзников разочарование и убедить их, что, несмотря на всю тяжесть испытаний, Россия будет вести до конца общую борьбу с врагом»². Однако умерить гнев заправил Антанты оказалось не так-то легко, ибо провал корниловщины они восприняли как свое собственное поражение.

По-иному реагировали революционные массы. Постоянное вмешательство союзников во внутренние дела России, их стремление во что бы то ни стало удержать ее в войне и, наконец, открытая поддержка заговорщиков против революции вызвали мощную волну народ-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 2, л. 807; д. 100, л. 17.

² «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-политический кризис». М., 1961, стр. 218.

ного гнева. Советы, рабочие, солдаты, матросы и крестьяне стали требовать немедленного выдворения из России иностранцев, в том числе и официальных представителей союзников, оказывавших поддержку и покровительство контрреволюционерам. В резолюции, принятой на собрании членов профсоюза рабочих и служащих кожевенного производства г. Петропавловска (Акмолинская обл.) 3 сентября, среди других требований по борьбе с контрреволюцией содержалось требование «удалить из пределов всей России агентов иностранного империализма, друзей Родзянко, Милюкова и Каледина»¹. В том же духе была составлена резолюция собрания рабочих Гусевской хрустальной фабрики (Владимирская губ.) от 5 сентября 1917 г. «Мы, рабочие Гусевского хрустального производства,—говорилось в этой резолюции,—общим собранием требуем... высылки из России агентов англо-французского капитала»². На осуществлении этой меры настаивал 5 сентября местный исполнительный комитет рабочих фабрики Товарищества Рождественской мануфактуры П. В. Берга г. Твери³.

Враждебная революции позиция представителей союзников вызвала негодование в среде бакинского пролетариата. На конференции заводских и промысловых комиссий г. Баку в первый день ее работы 18 сентября была принята резолюция, которая требовала изгнания из России «агентов союзного капитала, вредящих русской революции»⁴. Требования об удалении из пределов России «агентов контрреволюционного союзнического капитала» содержались в резолюциях ряда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, например Рославльского, Смоленской губ., Жиздринского, Калужской губ. (от 5 и 7 сентября)⁵ и др.

Решительный протест поведение союзников вызвало и в армии. В решении полкового комитета 197-го пехотного запасного полка (Московский военный округ) в категорической форме было записано (11 сентября):

---

¹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-политический кризис», стр. 272.

² Там же, стр. 278—279.

³ См. там же, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 315—316.

⁵ См. там же, стр. 147, 153.

«Выслать из России агентов иностранного империализма, поддерживающих контрреволюционный заговор». Такое же требование выставила 1-я батарея размещавшегося в Кронштадте 2-го морского тяжелого артиллерийского дивизиона (18 сентября)¹. На собрании 67-го Тарутинского пехотного полка (V армия Северного фронта) 29 сентября была принята резолюция, в одном из пунктов которой солдаты требовали «удаления из России представителей французской буржуазии, являющихся к нам с целью агитации (за) империалистические цели войны»². Немедленного выдворения из России контрреволюционных агентов союзного капитала требовали и крестьяне.

Отражая настроения народных масс, мобилизуя их революционную бдительность, большевистская печать также настойчиво требовала удаления из пределов России иностранных корниловцев, и прежде всего английского посла³.

Однако никакие протесты не могли оказать на союзников отрезвляющего воздействия. В момент, когда трудящиеся массы России гневно осуждали заговорщиков и добивались вынесения им сурового наказания, английский посол счел уместным принять делегацию контрреволюционного казачества, снаряженную в Петроград активным корниловцем генералом Калединым с требованием прекратить «нападки» на него⁴. В то же время крупнейшая английская газета «Таймс» в своих передовых статьях по-прежнему продолжала выказывать симпатии Корнилову. Не унималась прокорниловская кампания и в других союзных странах. Но все это лишь усиливало решимость революционных масс покончить с прогнившим режимом, поддерживаемым иностранными империалистами.

Насколько низко пал престиж союзников, а вместе с тем и самого Временного правительства, свидетельствует тот факт, что последнее вынуждено было принять специальное постановление о привлечении к уголовной ответственности «за оскорбление представителей иност-

---

¹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис», стр. 420, 434.

² Там же, стр. 459.

³ См. «Социал-демократ», 8 сентября 1917 г.

⁴ См. Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 43—44.

ранных дружественных держав». Под действие данного постановления попадали лица, «виновные в оскорблении дружественной державы, ее верховного главы (в том числе и монархов.— В. В.), правительства, посла, посланника или иного дипломатического агента...» Совершившие подобного рода «преступления» карались заключением в тюрьму или крепость сроком до трех лет¹. Между прочим, на основании этого постановления по указанию Керенского было возбуждено «дело» против органа московских большевиков — газеты «Социал-демократ», выступившей с разоблачением причастности английских военных и дипломатических представителей к заговору Корнилова и обвинившей их во вмешательстве в русские дела².

Поведение союзников во время корниловщины со всей отчетливостью показало, что правящие круги западных держав и их официальные представители в России все активнее и все более открыто включались в борьбу с русской революцией, переходили от поощрения и подталкивания внутренней реакции к непосредственному соучастию в ее антинародных действиях, в попытках насильственного подавления революционного движения в стране. «С самого начала революции,— отмечалось в решениях VI съезда РСДРП(б),— империалисты союзных стран открыли против нее поход... Этот поход перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контрреволюционными силами в России...»³

Общенациональный кризис. Попытка повторить корниловщину

Провал корниловской авантюры вызвал в стане империалистов новый прилив ярости и раздражения против русской революции. В беседе с Гирсом 5 сентября Соннино откровенно сознался, что последние события в России произвели в Италии «гнетущее впечатление». Столь же удручающее впечатление произвели эти

¹ См. «Вестник Временного правительства», 10 (23) августа 1917 г.

² См. «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27), стр. 137—139.

³ «КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 372—373.

события и на правящие круги других союзных стран. И это вполне понятно: вместо ожидаемого с таким нетерпением разгрома революции корниловщина дала ей новый мощный толчок.

Открытое выступление контрреволюции вызвало в массах небывалый прилив сил, пробудило в них повышенное чувство ответственности за судьбы революции. Оценивая политические результаты кадетско-генеральской авантюры, центральный орган большевистской партии газета «Рабочий путь» писала в передовой статье 5 сентября, что из этой ожесточенной схватки с контрреволюцией рабочие, солдатские и крестьянские массы выходят укрепленными и усиленными; с удесятенными силами выходят из нее их революционные органы, которые в ряде мест полностью сосредоточивают власть в своих руках.

В. И. Ленин подчеркивал, что восстание Корнилова создало крайне неожиданный и невероятно крутой поворот событий, наглядно показав всему народу, что буржуазия в союзе с контрреволюционными офицерами и генералами стремится разогнать Советы и восстановить монархию. «Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том,— указывал Ленин,— что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры организовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления... ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»¹.

Поражение корниловцев привело к коренному изменению в расстановке и соотношении сил внутри страны. Одним из важнейших итогов разгрома корниловщины явилось возрождение боевой активности самых массовых и самых жизнеспособных организаций революции — Советов. Ослабленные и обескровленные оппортунистической политикой лидеров меньшевиков и эсе-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 69, 119, 146. Цит. стр. 146.

ров за истекшие шесть месяцев, Советы вновь обретают свою боевитость, снова становятся мощной опорой революции, непреодолимой преградой на пути реакции. «...Достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хорошую бурю,—отмечал Ленин,—чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое»¹.

Перед союзниками опять замаячил призрак двоевластия, преследовавший их как кошмар в первые недели революции и исчезнувший было после июльских погромов. «Неудача корниловской попытки государственного переворота,—жаловался Бьюкенен Терещенко,—разрушила мои последние надежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу и лишила офицеров того небольшого авторитета, которым они пользовались раньше, восстановив в то же время падавшее влияние Совета... Совет,—продолжал посол,—стал господином положения, а правительство он только терпит вплоть до того времени, когда он решит взять власть в свои руки»². Петроградский Совет, негодовал дипломат, принял резолюции, требующие отмены смертной казни, объявил недействительными все существующие тайные договоры и потребовал немедленного заключения всеобщего демократического мира.

Особенно сильное раздражение и озлобление реакционных кругов Запада вызывал стремительный рост влияния большевистской партии. Еще до выступления Корнилова партия большевиков, несмотря на не прекращавшиеся против нее атаки, постепенно восстановила и упрочила свои прежние позиции. В середине августа В. И. Ленин писал, что массы все больше отворачиваются от меньшевиков и эсеров, все яснее видя их предательскую, контрреволюционную политику, и переходят под знамена партии большевиков. В дни борьбы с корниловщиной она выступала уже как самая авторитетная политическая сила, пользующаяся наибольшим доверием масс. Восстание Корнилова способствовало окончательному разоблачению лжи, созданной реакционерами вокруг ленинской партии. В критический для

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 204.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 269.

революции момент массы отчетливо убедились, кто является истинным выразителем их интересов, кого им следует поддерживать и за кем идти. С этого момента все более широкие слои населения стали переходить на сторону большевиков, вставать под знамена пролетарской партии. «Восстание Корнилова, — отмечал В. И. Ленин, — т. е. генералов и офицеров, за которыми стоят помещики и капиталисты с партией кадетов (партией «народной свободы») во главе их, это восстание пыталось прямо прикрыться повторением старой клеветы на большевиков и тем самым способствовало окончательному открытию глаз наиболее широких народных масс на истинное значение оклеветания буржуазиею большевистской рабочей партии, партии истинных защитников бедноты»¹.

С разгромом августовской контрреволюции началась полоса большевизации Советов, солдатских комитетов, профсоюзов, заводских комитетов и других массовых организаций, в том числе и городских дум. 31 августа большевистская партия получила большинство в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В этот день Совет впервые принял предложенную большевистской фракцией резолюцию о власти. Эсеро-меньшевистский президиум исполкома совета получил вотум недоверия и был вынужден сложить свои полномочия. Руководство столичным Советом перешло к большевикам. Через несколько дней, 5 сентября, большевистскую резолюцию о власти принял и Московский Совет. Таким образом, уже в начале сентября оба столичных Совета — крупнейшие и ведущие в стране — оказались под руководством большевистской партии.

Вслед за Петроградским и Московским Советами на сторону большевиков стали переходить и другие Советы. Все больше убеждаясь в предательстве эсеро-меньшевистских вождей, местные Советы решительно встали на путь разрыва с политикой соглашательства и борьбы за сосредоточение всей полноты власти в своих руках. Только за один день 1 сентября в Центральный Исполнительный Комитет поступило от местных Советов 126 резолюций, требовавших передачи государственной власти в центре и на местах в руки Советов.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 145.

А вскоре уже более 250 Советов, в том числе в Киеве, Харькове, Уфе, Казани, Минске, Ревеле, Брянске, Красноярске, Самаре, в городах Урала, Донбасса, выразили готовность взять власть в свои руки. Большевизация Советов явилась одним из важнейших итогов разгрома корниловщины.

Множились ряды и самой большевистской партии. Секретарь Центрального Комитета Я. М. Свердлов отмечал в сентябре 1917-г.: «Отовсюду приходят сведения о росте нашего влияния в широких массах и, соответственно этому, росте наших организаций»¹.

Корниловщина способствовала дальнейшему прозрению не только городского, но и крестьянского населения. Доверие крестьянской бедноты к рабочему классу, писал Ленин, подорванное на время клеветой буржуазии и надеждами на политику соглашательства, восстанавливается, особенно после того, как аресты в деревнях и всяческие преследования трудящихся после 5 июля, а затем корниловское восстание открыли глаза народу². Ряды большевиков росли и в деревне.

В то же время крах корниловщины значительно ослабил и дезорганизовал весь лагерь контрреволюции. Прежде всего, серьезное поражение потерпела главная буржуазная партия — партия кадетов, которую Ленин называл «корниловской», а также все силы, стоявшие правее нее. Они окончательно разоблачили себя в глазах народа как отъявленные враги революции. Вера масс в возможность сотрудничества с имущими классами была полностью подорвана. Даже наиболее отсталые в политическом отношении слои населения и те отказали в доверии цензовикам.

Не блестяще обстояли дела и в мелкобуржуазном крыле правительственного блока, на которое союзники возлагали большие надежды в борьбе с революцией. Партии меньшевиков и эсеров с каждым днем все больше теряли влияние в массах. Их соглашательская политика основательно скомпрометировала себя в глазах трудового населения. Даже в рядах самих этих партий резко возросло недовольство политикой сотрудничества с буржуазией, особенно после событий 3—5 июля.

---

¹ «Пролетарская революция», 1939, № 2, стр. 198.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 149—150.

В начале сентября В. И. Ленин отмечал, что в эсеро-меньшевистских организациях внутрипартийная оппозиция официальному курсу своего руководства достигла к тому моменту 40% ¹.

Резко усилились разброд и шатания среди «умеренных социалистов». Рядовые члены стали массами покидать свои партии и переходить под знамена большевиков. Меньшевик Суханов с горечью писал об этом периоде, что «фирма Церетели стала окончательно невыносимой... Начался массовый уход из организации... И почти все ушли прямо к большевикам». То же самое наблюдалось и среди эсеров, расколовшихся на три основных течения: правые, «центр» и левые. Последние под давлением революционного крестьянства все более открыто тяготели к большевистской партии. Центральный орган большевиков газета «Рабочий путь» 26 сентября писала: «В последние дни (рабочие) довольно усиленно записываются в нашу партию: среди записавшихся есть много бывших эсеров и меньшевиков, которые прямо заявляют, что разочаровались в политике своих вождей, что попали к ним в первые дни революции по ошибке и что за ними больше никогда не пойдут».

Массовый выход рядовых членов из соглашательских партий еще более наглядно отражал тот факт, что народные массы на собственном опыте убедились в пагубности политики соглашательства с буржуазией, в ее полной бесперспективности. Вместе с тем он указывал на их готовность идти дальше по пути углубления революции... Сбылись, таким образом, тревожные прогнозы английского дипломата: большевики снова «взяли верх». Политика западных империалистов в «русском вопросе» проиграла еще один ответственный раунд и оказалась перед угрозой нокаута.

Корниловщина положила начало не только новому затяжному правительственному, но и общенациональному кризису, из которого не было иного выхода, кроме перехода власти к Советам. Наряду с революционной борьбой пролетариата росло и ширилось аграрное движение в стране, перераставшее уже в открытое крестьянское восстание. Если в августе 1917 г., по официаль-

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 150.

ным данным, было 440 захватов помещичьих земель и разгромов имений, то в сентябре — 958. Особенно сильно полыхало пламя крестьянского восстания в Курской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Тульской, Рязанской и ряде других губерний.

Все больший размах приобретала общедемократическая борьба за мир, а также национально-освободительное движение угнетенных народов России. Против политики национального угнетения боролись трудящиеся Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии. Огромный политический резонанс в стране вызвала упорная борьба против Временного правительства и его карательных войск трудящихся Ташкента, где фактическим органом всей власти стал Военно-революционный комитет.

Все больше выходили из повиновения правительственной власти армия и флот. Одним из ярких показателей этого явилось историческое решение о неподчинении Временному правительству, принятое 19 сентября на пленарном заседании Центрального Комитета Балтийского флота совместно с судовыми комитетами — представителями 80 судов.

Большевизация Советов и других массовых организаций, революционный подъем рабочего класса, крестьянства, угнетенных народов, армии и флота — все это свидетельствовало о том, что в стране стремительно назревал общий политический кризис. В. И. Ленин подчеркивал, что в результате разгрома корниловщины Россия чрезвычайно приблизилась к завоеванию власти пролетариатом. «Весь ход событий,— писал Ленин,— все экономические и политические условия, все происшествия в армии готовят все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом...»¹

Однако правящие круги империалистических держав не сделали из этого никаких разумных выводов и не собирались отступать от своих намерений. Напротив, они упорно следовали прежним курсом, стремясь во что бы то ни стало добиться поставленной цели. В письме Бальфуру по поводу Демократического совещания, созванного правительственным блоком по инициативе

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 120—121, 150. Цит. стр. 150.

соглашательских партий в расчете на объединение вокруг себя «всех живых сил страны» (оно состоялось 14—22 сентября в Петрограде), Бьюкенен писал: «Одни только большевики, составляющие компактное меньшинство, имеют определенную политическую программу. Они более активны и лучше организованы, чем какая бы то ни было иная группа, и пока они и представляемые ими идеи не будут окончательно раздавлены, до тех пор страна будет оставаться добычей анархии и беспорядка»¹.

Не приходится удивляться, почему вдруг наиболее организованная политическая партия оказывалась в глазах посла олицетворением анархии и беспорядка, хотя отсутствие логики в его рассуждениях бьет в глаза. Просто потому, что эта партия являлась носителем не того порядка, который был по душе старому аристократу и тем кругам, интересы которых он представлял. Ненавистны были распространяемые ею идеи. Но именно эти идеи и составляли силу большевистской партии, ибо они отражали самые насущные требования широких народных масс.

Вот почему чем ближе надвигался окончательный крах антинародного режима и антинародной политики, тем настойчивее становились требования расправы с боевым авангардом революции. «Если правительство,— долбили союзники,— не будет достаточно сильно, чтобы раздавить большевиков силой, рискуя раздавить вместе с ними и Совет, то единственной возможностью будет большевистское правительство»².

После разгрома корниловщины нажим союзников на Временное правительство с требованием подавления революции приобретает особенно грубые формы. Всякие дипломатические нормы были забыты и отброшены. Вмешательство в русские дела становится для них нормой поведения. Озлобленные и негодующие, они переходят в лобовую атаку, придавая своим требованиям категорический характер.

Для нажима на Временное правительство союзники используют все те же средства, и в первую очередь пресловутую материальную «помощь». Весьма характерен

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 270.

² Там же.

в этом отношении следующий пример. Русский правительственный комитет в Лондоне решил дать завтрак в честь британского военного министра лорда Мильнера. И вот во время этой торжественной трапезы важный гость решил как следует отчитать своих гостеприимных хозяев. «Вы должны понять, господа,— заявил Мильнер,— что каждый патрон, каждый снаряд, каждая пушка нам самим до зарезу нужны». С нашей стороны, продолжал он, было бы преступлением отдавать вам то, чем могут воспользоваться наши собственные войска, тем более что английское правительство начинает серьезно сомневаться, сумеет ли русская армия использовать поставляемое ей вооружение¹. Буквально в тех же выражениях несколько раньше состоялось объяснение Бьюкенена с самим главой Временного правительства. Союзники, сказал он, всячески стремятся помочь России, но какой прок, если посланная ей артиллерия попадет в руки немцев? «Мы нуждаемся в каждой пушке, которая может быть доставлена на наш собственный фронт»,— закончил свою нотацию посол.

Но это была, так сказать, лишь предварительная разминка перед новым дипломатическим наступлением союзных держав на Временное правительство с целью побудить его к решительной схватке с революцией. За нею последовали и другие, более значительные акции. 26 сентября, в день, когда было объявлено о формировании третьего коалиционного правительства, к Керенскому явились английский, французский и итальянский послы и от имени своих правительств сделали ему коллективное представление, напоминающее собой нечто вроде ультиматума с требованием положить конец «беспорядкам» в стране и обеспечить эффективную деятельность фронта. В противном случае, заявляли они, Россия будет лишена предоставляемой ей помощи, а Временное правительство, следовательно, окончательно утратит доверие своих партнеров.

В оправдание этого шага выдвигался неуклюжий предлог, что-де общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за ту материальную помощь, которая была уже оказана ими. Причем союзники выражали недовольство не толь-

---

¹ См. К. Набоков. Испытания дипломата, стр. 151.

ко состоянием русской армии, но и функционированием всего государственного механизма, в том числе и деятельностью самого Временного правительства. «Для того, чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие,— говорилось в заявлении,— русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу»¹.

Хотя Временное правительство и его министры уже привыкли к повелительному тону своих партнеров, последнее выступление западных держав произвело на них буквально ошеломляющее действие. В секретной телеграмме от 28 сентября дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме Терещенко, который также присутствовал на этой знаменательной аудиенции, писал: «Коллективное заявление трех послов произвело на нас тягостное впечатление как по существу, так и по форме, в которую оно было облечено. Нашим союзникам,— оправдывался он,— хорошо известны исключительные усилия, прилагаемые Временным правительством в целях восстановления боевой способности армии. Ни военные неудачи, ни внутренняя смута, ни, наконец, громадные материальные затруднения не в состоянии были за последние 6 месяцев сломить неуклонной решимости Временного правительства довести до конца борьбу с общим врагом. При таких условиях мы решительно недоумеваем, какие мотивы могли побудить наших союзников к означенному выступлению и какие реальные результаты они от него ожидают»².

Керенский и К⁰ побоялись предать огласке беспрецедентный «ультиматум», опасаясь, что он может вызвать гневный протест со стороны революционных масс, и не только против союзников, но и самого Временного правительства. Это было тем более вероятно, поскольку все еще не улеглась волна народного возмущения, порожденная поведением представителей западных держав в период корниловщины. Предписывая дипломати-

---

¹ «Сборник секретных документов», стр. 108.

² Там же, стр. 110.

ческим представителям изложить содержание своей телеграммы соответствующим правительствам, Терещенко одновременно дал указание передать им настоятельную просьбу не оглашать предпринятого ими шага, «дабы избежать опасного раздражения» русского общественного мнения. Дирижеры Антанты согласились сохранить свою совместную дипломатическую акцию в строжайшей тайне. О разглашении ноты союзников не может быть и речи, заявил Набокову Бальфур. При этом он «строго доверительно» прибавил, будто лично он был против этой мысли, ханжески сожалея, что передача коллективного заявления русскому правительству выпала на долю британского посла, поскольку-де он являлся главой дипломатического корпуса. Руководитель Форин-оффиса стремился внушить Набокову, а через него и Временному правительству, что инициатива исходила не из Лондона, и лицемерно уверял русского представителя, будто он не был заранее осведомлен о предстоящем выступлении трех послов.

Между тем этот шаг был давно согласован между союзниками, и именно английское правительство являлось его инициатором. «Немедленно после выступления Корнилова,— рассказывает Бьюкенен,— я обсуждал со своими коллегами, французским, итальянским и североамериканским, вопрос о том, чтобы сделать русскому правительству коллективное представление по поводу как военного, так и внутреннего положения. На совещании, созванном мною с этой целью, мы выработали текст ноты и условились получить от наших правительств полномочия на представление ее тогда, когда мы сочтем момент для этого удобным»¹. Полномочия, разумеется, были даны без промедления, и послы лишь выжидали, пока не окончится правительственный кризис, разразившийся вслед за выступлением Корнилова. И как только новый кабинет был сформирован, они явились тут как тут.

Следует подчеркнуть, что идея коллективного представления вынашивалась союзниками давно. Она зародилась еще в апреле месяце. Уже тогда наиболее ретивые политики предлагали совместно пригрозить России приостановкой доставки ей «какого бы то ни было воен-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 271.

ного материала в случае, если не будет немедленно подавлена разрушительная пропаганда». Но из опасения «сыграть в руку социалистов», которые, по мнению Бьюкенена, могли использовать это в качестве предлога для заключения мира (сославшись на невозможность продолжать войну без военного снабжения России союзниками), последние воздержались от такого шага. По совету Бьюкенена западные державы ограничились «индивидуальными представлениями» своих послов в Петрограде ¹, тем более что новые министры, и особенно Керенский, выдавали тогда весьма щедрые обещания.

Как развивались события дальше, читателю уже известно. Сначала возлагали большие надежды на июньское наступление и реализацию в связи с этим внутриполитических планов. Но когда увидели, что цель не достигается, снова заговорили о коллективном выступлении. На Лондонской союзнической конференции заседание 25 июля (7 августа) открылось, как информировал Набоков, предложением Ллойда Джорджа послать России обращение, указывающее в категорической форме на опасность для всех союзников, которую таит в себе продолжающаяся в России неустойчивость власти и отсутствие дисциплины в армии. Но и на сей раз по совету французской стороны (и в частности Альбера Тома, поддержанного итальянским министром иностранных дел) сочли более благоразумным ограничиться «приветственной телеграммой» русскому правительству. В телеграмме выражалась твердая уверенность в его способности «справиться с положением и восстановить жесткую дисциплину», без которой невозможно «осуществление целей войны, общих для всех союзников» ².

Однако намерение «серьезно предупредить» сообща Россию становилось все более твердым. В начале августа Бьюкенен писал в одном из своих донесений, касаясь вопроса о финансировании России: «Нельзя ожидать, чтобы мы согласились на это, пока не получим доказательств в ее решимости привести свой дом в порядок путем восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу».

---

¹ См. Дж. Бьюкенен Указ. соч., стр. 226.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 81; К. Набоков. Испытания дипломата, стр. 111.

Предвкушение победы Корнилова снова несколько отодвинуло коллективный демарш. Но с начала сентября он уже стоял в плане очередных мероприятий союзнической дипломатии.

Французское и итальянское правительства, принимавшие участие в совместной акции, не стали изображать из себя всего лишь «присоединившихся», как это пытались сделать лондонские заправилы, но и они не испытали ни малейшего смущения, когда узнали о смятении и недовольстве в Петрограде. Соннино даже принялся доказывать, будто союзники вовсе и не собирались вмешиваться во внутренние дела России. Заявление трех послов, по его словам, было вызвано «исключительно желанием помочь Временному правительству, дать ему в руки орудие или точку опоры на тот случай, если бы оно признало полезным воспользоваться им по отношению к внутренним элементам, причиняющим ему затруднения»¹.

Итальянского министра существенно дополнил генеральный секретарь французского МИД Жюль Камбон. Выступление союзных послов, откровенно заявил он русскому поверенному в делах, имело в виду побудить Временное правительство к более решительной внутренней политике. В некоторых парижских кругах, продолжал Камбон, создалось убеждение, что оно «могло бы путем энергичных мер, опираясь на верные войска, утвердить свою власть, восстановить боеспособность армии и подавить максималистские проявления»². Таким образом, коллективный демарш западных держав преследовал цель побудить правительство Керенского «во всем объеме» осуществить корниловскую программу корниловскими же методами.

Спустя некоторое время, когда немцы предприняли операции в Рижском заливе в районе Моонзундских островов и Керенский вслед за Терещенко обратился к Англии с просьбой оказать России содействие в боевых операциях на море, английский посол счел не лишним упомянуть ему о бесполезности ожидания от союзников большого количества вооружения, пока последние не будут иметь «гарантию того, что русская армия исполь-

---

¹ «Сборник секретных документов», стр. 111.

² Там же, стр. 111—112.

зует его целесообразно». Теперь уже не остается времени для полумер, настаивал он, и железная дисциплина должна быть установлена во что бы то ни стало. Большевизм, раздраженно продолжал дипломат, является источником всех зол, от которых страдает Россия, и его необходимо вырвать с корнем. Он соблазнял своего собеседника перспективой войти в историю «не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны». Керенский охотно с этим согласился. Стараясь авансом оправдать оказываемое ему доверие, хвастливый премьер заверил своего «тайного советника», что теперь уже он не упустит случая и непременно устроит большевикам кровавую баню, как только они дадут хоть малейший к этому повод. «В наших последних разговорах с ним,— рассказывает Бьюкенен,— он не раз восклицал: «Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу, и тогда я раздавлю их»»¹.

Таким образом, замышлялась новая корниловщина, и опять одними из активнейших ее вдохновителей являлись западные империалисты. В середине сентября В. И. Ленин предупреждал партию и революционные массы, что на смену «Корнилову номер первый» неизбежно придет «Корнилов номер второй», чтобы разогнать Советы, если последние не упредят замыслы контрреволюции. «...Кто не хочет нарочно закрывать глаз,— предостерегал Ленин,— тот не может не видеть, что после корниловщины правительство Керенского все оставляет по-старому, что оно на деле восстанавливает корниловщину. Назначение Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину... Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина»².

Хотя союзники и пригрозили Временному правительству полностью снять его с «довольствия», однако до конца свою угрозу не довели. У них не было лучшего выбора, чем коалиционное правительство, и поэтому

¹ L. Aragon. Histoire de l'U.R.S.S., vol. 1. Paris, 1962, p. 71; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 274—275.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 167, 205. Цит. стр. 205.

они продолжали предоставлять ему некоторую материальную помощь. Но, как уже отмечалось выше, основной упор делался не на материальную, а на «организационную» сторону «помощи».

В сентябре 1917 г. в Петроград прибыла многочисленная французская военная миссия, возглавляемая генералом Нисселем, сменившим генерала Жанена, который в свое время был тесно связан с царистскими кругами. Цель этой миссии состояла в том, чтобы помочь Временному правительству и русскому командованию в проведении реорганизации армии и вообще всей «административной реорганизации страны», как об этом говорилось в решениях Парижской и Лондонской союзнических конференций по «русскому вопросу». Нисселю было поручено активно сотрудничать с русским генеральным штабом, для чего отдельные члены его миссии прикомандировывались непосредственно к штабам армий и корпусов. Вместе с прибывшими французская военная миссия в России насчитывала теперь 200 офицеров и 900 рядовых, из них 80 офицеров находились в русском генеральном штабе, а остальные были прикреплены к различным родам войск ¹.

Перед отъездом в Россию Ниссель посетил Лондон, где совещался с представителями английского правительства и военного командования относительно положения на русском фронте и путях его укрепления. Как отмечалось в отчете об этих совещаниях, Ниссель «нашел единую точку зрения с британским военным руководством и в особенности с генералом Робертсоном по вопросу о немедленных мерах, необходимых для того, чтобы способствовать восстановлению русских сил» ².

Одна из первоочередных задач французской военной миссии заключалась в оказании содействия русским властям в подавлении революционного движения в стране и в армии. На сей счет Ниссель вез в своем портфеле советы и рекомендации генерала Петена, кровавого усмирителя французской армии. Одновременно с миссией Нисселя в Россию прибыла английская миссия

---

¹ «Revue de défense nationale». Paris, juin 1966, p. 1086.

² «Les armées françaises», т. 5, vol. 2; «Annexes», vol. 2, p. 1115—1116.

для участия в реорганизации русского флота. Предполагалось также прислать чрезвычайную английскую миссию во главе с У. Черчиллем¹.

Правящие круги союзников предпринимали лихорадочные усилия в борьбе с русской революцией, помогая в этом Временному правительству и правым лидерам мелкобуржуазной демократии. Много внимания уделяли союзники контрреволюционной, милитаристской пропаганде в России. На эти цели они отпускали солидные суммы, подкупая буржуазную и соглашательскую прессу. Особую активность развивали американцы. На их деньги в России издавалось 17 газет реакционного направления, систематически выступавших за подавление революции и продолжение империалистической войны². Еще в конце июня представитель американского Красного Креста положил в банке на текущий счет Брешко-Брешковской свыше двух миллионов рублей, предназначенных для ведения антибольшевистской, проантантовской пропаганды³.

Наряду с подкупом русской прессы правящие круги США широко использовали и собственные кадры, что находилось в прямой связи с рекомендациями миссии Рута. Так, в России усиленно орудовал Христианский союз американской молодежи, вся деятельность которого была направлена на борьбу с революцией и повышение активности русского фронта. 17 октября к Керенскому обратился руководитель петроградской конторы американского Христианского союза молодежи Джером Дэвис с письмом, в котором содержалась просьба о расширении прав Союза в деле ведения пропаганды в русской армии. В письме отмечалось, что со времени Февральской революции Союзом было открыто несколько солдатских клубов в Москве, Одессе, Казани, Иркутске и других городах. Эти клубы, по мнению Дэвиса, оправдали свое назначение и поэтому «Союз решил покрыть целой сетью солдатских клубов все фронты действующей армии и все крупные города России».

---

¹ См. М. М. Карлинер. Февральская революция в России и английское рабочее движение. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 134.

² См. А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М., 1952, стр. 23.

³ См. Г. К. Селезнев. Крах заговора. М., 1963, стр. 20.

Союз уже провел соответствующую подготовку: пригласил из США 300 инструкторов, испросил 3 миллиона долларов на текущие расходы, 100 киноаппаратов, пишущие машинки и т. п.

Для осуществления намеченной программы Дэвис просил Временное правительство: предоставить Союзу право бесплатного и внеочередного провоза принадлежащих ему грузов по всем железным дорогам; освободить от таможенных пошлин и сборов все товары, прибывающие из-за границы для нужд Союза; разрешить Союзу по согласованию с местными органами власти реквизировать в городах большие и удобно расположенные здания для устройства в них солдатских клубов и офицерских гостиниц и ряд других льгот. Союз испрашивал также разрешения организовать подобные «очаги» для русских солдат во Франции и в Салониках. Временное правительство на заседании 20 октября удовлетворило это ходатайство американских братьев во Христе¹.

О целях направлявшихся тогда в Россию многочисленных эмиссаров Запада можно судить хотя бы по мемуарам видного английского писателя Сомерсета Моэма. Последнему, по его собственному признанию, неоднократно приходилось выполнять довольно деликатные и ответственные поручения английского правительства. Одно из таких поручений выпало на его долю в 1917 г., и связано оно было самым непосредственным образом с событиями в России. Правительства Великобритании и США возложили на него как на человека, «владеющего русским языком и обладающего другими необходимыми данными», чрезвычайно ответственную миссию: отправиться в Петроград и там вместе с другими иностранными представителями помочь Временному правительству приостановить развитие революции и во что бы то ни стало удержать Россию в войне. «Я ехал,— пишет Моэм,— разработать план, как предотвратить выход России из войны и не дать большевикам... захватить власть»². В другой своей книге Моэм еще более откровенен. «Мне давалось,— повествует он,— много денег: половину их ассигновали Соединен-

¹ См. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 108.

² В. Сомерсет Моэм. Подводя итоги. М., 1957, стр. 150.

ные Штаты, другую — Великобритания. Я должен был дать возможность меньшевикам закупить на эти деньги оружие и финансировать газеты в поддержку своих планов»¹.

Доверенный двух западных правительств прибыл в Петроград в августе 1917 г. и сразу же приступил к делу. Через дочь монархиста князя Кропоткина он близко познакомился с Керенским и членами его кабинета и вместе с ними решал, как лучше провести в жизнь замыслы союзников.

И хотя Моэм о многом не договаривает, тем не менее из его рассказа достаточно отчетливо видно, что особую слабость союзники по-прежнему питали к корниловцам, в коих видели наиболее достойных партнеров в деле осуществления своих коварных планов. «Самый любопытный человек, с которым я познакомился,— откровенничал Моэм,— был Савинков. Вскоре мы стали с ним друзьями». Далее он откровенно поясняет, чем же привлекла его столь одиозная фигура. «Савинков был злобным врагом большевиков. Он одобрил мою миссию. Мы снова и снова обсуждали, что надо делать».

А программа действий была ясна. Она обсуждалась не только между официальными представителями «заинтересованных сторон», в кабинетах промышленных и финансовых воротил, в среде контрреволюционной военщины и т. д. О ней совершенно открыто трубила реакционная зарубежная пресса. За несколько дней до Октябрьского вооруженного восстания лондонская «Таймс» в своей передовой статье с непревзойденным цинизмом писала, что «большевизм надо лечить пулями».

Но ни российским, ни иностранным заговорщикам не суждено было повторить корниловщину. На сей раз она была упреждена и сметена решительным выступлением самих революционных масс, руководимых большевистской партией. Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла сокрушительный удар по замыслам внутренней и внешней реакции.

---

¹ См. «Известия», 4 ноября 1962 г.

**Прорыв фронта империализма.
Декреты обретают бессмертие**

В полдень 23 октября к английскому послу наведались трое министров-капиталистов: Терещенко, Коновалов и Третьяков. Бьюкенен удивился появлению в его ведомстве старых знакомых. Он «почти не ожидал их видеть», заявил посол, так как утром один из кадетов, присланных для охраны посольства, сообщил ему, что исполком Петроградского Совета постановил образовать Советское правительство и что большевики выдворят министров с их постов в течение ближайших двух дней.

После такого не столь приятного для посетителей предисловия хозяин и гости сразу же перешли к делу. Визитеры появились с целью обсудить создавшееся положение и еще раз обменяться мнениями относительно ближайших мер против революции. Без консультации с союзниками лидеры буржуазии считали невозможным предпринимать какие-либо шаги. Мнение же посла оставалось неизменным: действовать смело и решительно, а главное — не терять времени. В данном случае Бьюкенен настойчиво рекомендовал немедленно арестовать большевистский исполком Петроградского Совета, дабы пресечь его деятельность и не позволять ему «возбуждать массы», в противном случае момент будет упущен.

Посетители поспешили успокоить главу дипломатического корпуса, заверив его в том, что они сумеют одолеть своих политических противников и навести, наконец, должный порядок. Русская революция, доказывал послу Коновалов, миновала уже несколько фаз и теперь подошла к последней, подразумеваемая под этой «последней» не что иное, как торжество контрреволюции. «Он

думает,— докладывал об этой встрече Бьюкенен,— что прежде, чем я выеду в Англию, я увижу большие перемены»¹.

Эти слова оказались «пророческими». Большие перемены действительно произошли, но только не в том направлении, в каком полагали Коновалов и его спутники. Планы второй корниловщины были сорваны окончательно и бесповоротно. Революционные рабочие, солдаты и матросы, ведомые большевистской партией, вовремя упредили их. В результате победоносного вооруженного восстания 25 октября Временное правительство было низложено, а его министры препровождены в Петропавловскую крепость. Государственная власть перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Лозунг, выдвинутый Лениным в апреле 1917 г., воплотился в жизнь. Возникло первое в мире социалистическое государство. Русская революция вступила в самую опасную для международного империализма стадию развития.

Победа социалистической революции в России означала коренной поворот не только в судьбах ее народов, но и в жизни всего человечества. Она указала трудящимся других стран верный путь к ликвидации всех форм эксплуатации и угнетения. Отныне новая организация общества существовала не только в теории, но и на практике, в живой осязаемой действительности. С рождением Республики Советов капитализм перестал быть единой и всеобъемлющей системой. На планете появилась новая социально-экономическая и политическая система, вступившая в соревнование и противоборство с капиталистическим миром. Завоевание власти российским пролетариатом положило начало избавлению человечества от эксплуататорского строя, воплощению идей научного коммунизма в жизнь.

Верная своим принципам и обещаниям, своей программе, большевистская партия немедленно приступила к осуществлению провозглашенного ею курса. Одной из самых жгучих проблем того времени являлась проблема мира. Уже в воззвании Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России!», написанном

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 279. Посол должен был выехать вместе с Терещенко для участия в предстоящей союзнической конференции в Париже.

В. И. Лениным и выпущенном в 10 часов утра 25 октября, борьба за достижение мира была названа одной из первоочередных задач революции. Через несколько часов, выступая на экстренном заседании Петроградского Совета, Ленин снова подчеркнул, что немедленное прекращение войны является первостепенной задачей развернувшейся социалистической революции.

Первым актом победоносной пролетарской революции явился написанный В. И. Лениным исторический декрет о мире, который был принят 26 октября II Всероссийским съездом Советов в обстановке огромного политического подъема. В этом выдающемся документе революции были заложены основные принципы внешней политики первого в мире рабоче-крестьянского государства: равенство больших и малых народов, невмешательство во внутренние дела других государств, уважение суверенитета и т. д. Вместе с тем в декрете определялись ближайшие задачи, стоявшие перед народом, большевистской партией и Советским правительством.

Всем своим содержанием, буквально каждым словом декрет о мире подчеркивал, что война не нужна народам, что она развязана и ведется империалистическими кругами во имя их узкоклассовых, сугубо эгоистических интересов, в то время как все ее тяготы и страдания ложатся на плечи трудящихся.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о всеобщем демократическом мире, каковым оно считало мир без аннексий и контрибуций, основанный на праве всех наций на самоопределение. «Справедливым или демократическим миром,— подчеркивалось в декрете,— которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13.

В декрете было дано развернутое определение аннексии, исходившее из права наций на самоопределение, провозглашенного Советской властью как незыблемый принцип ее внутренней и внешней политики. «Под аннексией или захватом чужих земель,—гласил декрет,—правительство понимает... всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»¹.

Данное определение имело огромное значение для всех народов, и особенно для народов отсталых и слабо-развитых стран, ибо оно срывало маску с тех империалистических правительств, которые под предлогом экономической и политической отсталости некоторых народов стремились навязать им свою «помощь» и таким путем подчинить их своему господству. Этим самым декрет указывал народам колониальных и зависимых стран путь борьбы за свое освобождение, будил в них революционную энергию и инициативу. В то же время он наносил удар по пропаганде социал-патриотов, пытавшихся ограничить понятие аннексии захватами, совершенными в ходе текущей войны, оставляя в неприкосновенности «приобретения» прошлых лет.

В декрете о мире Советское правительство перед всеми народами разоблачало подлинную сущность империалистической войны, заявляя о своей готовности безотлагательно вступить в мирные переговоры со всеми воюющими странами с целью скорейшего достижения демократического мира. «Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности,—говорилось в декрете,—правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать усло-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 14.

вия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях»¹.

Впредь до заключения всеобщего мира Советское правительство предлагало воюющим странам немедленно установить перемирие не менее чем на трехмесячный срок, в течение которого, по его мнению, вполне можно было бы завершить переговоры с участием представителей всех народов, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, и созвать полномочные представительные органы каждой страны для окончательного утверждения условий мира.

Чтобы затруднить правительствам империалистических государств саботаж мирных переговоров или отказ от них под предлогом «несговорчивости большевиков», в декрете специально подчеркивалось, что предлагаемые Советским правительством условия мира не являются ультимативными; Совет Народных Комиссаров согласен рассмотреть и всякие другие условия мира, какие пожелают внести остальные участники конфликта, лишь бы как можно скорее была прекращена кровавая бойня и начались примирительные переговоры.

Одна из особенностей декрета о мире, вытекавшая из характера новой власти и тогдашней международной обстановки, состояла в том, что он был обращен не только к правительствам, но и непосредственно к народам всех воюющих государств. В докладе о мире, сделанном на II съезде Советов, В. И. Ленин разъяснил, почему Советское правительство обратилось одновременно и к народам и к правительствам. «Мы не можем,— говорил Ленин,— игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира... но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»². Это был призыв к трудящимся массам всех стран активнее включаться в борьбу за мир, которая значительно стимулировала революционное и национально-освободительное движение в Европе и во всем мире.

В декрете о мире Советское правительство провоз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 14.

² Там же, стр. 16.

гласило отмену тайной дипломатии, выразив готовность впредь вести переговоры открыто перед всем миром. Одновременно оно заявило об аннулировании всех договоров, заключенных царским и Временным правительством в ущерб другим народам, поставив своей задачей в ближайшее же время начать публикацию тайных договоров и соглашений, на чем большевики упорно настаивали после Февральской революции. Все это ярко свидетельствовало о подлинном миролюбии новой власти, о ее стремлении жить в мире и дружбе со всеми народами, на основе взаимного уважения суверенитета и невмешательства других государств.

Принятием декрета о мире Советская власть продемонстрировала перед всеми народами, что ее внешняя политика не имеет ничего общего с политикой царского и Временного правительств, с политикой империалистических государств. Провозгласив внешнюю политику, основанную на требовании мира и безопасности, равноправия и дружбы, Советская власть открыла новую страницу в истории международных отношений.

Другим выдающимся документом пролетарской революции, принятым II Всероссийским съездом Советов, был декрет о земле, который по праву можно назвать еще одним провозвестником мира в прямом и переносном смысле, ибо он затрагивал судьбы многомиллионного крестьянства, подавляющего большинства населения страны (80 %). Тысячам и тысячам крестьян, одетых в серые солдатские шинели, предстояло вернуться домой, к мирному труду хлебороба, и воспользоваться правами, предоставленными им Советской властью. В этом декрете нашли реальное воплощение многовековые мечты о более счастливой доле, о справедливом распределении земли между теми, кто ее обрабатывает. Вместе с декретом о мире декрет о земле прокладывал дорогу мирному строительству, созиданию нового общественного и государственного строя, закладывал основы коренного преобразования всего уклада жизни народов бывшей Российской империи. Оба они явились сильнейшим оружием пролетарской революции. Недаром декрет о мире, равно как и декрет о земле В. И. Ленин назвал законами мировой важности ¹.

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56.

Но не только названные декреты, а и многие другие документы, принимавшиеся в те дни Советской властью, были проникнуты стремлением поднять народы всех стран на решительную борьбу за немедленное урегулирование мирового конфликта, увлечь их на путь переустройства общества на новых началах. 2 ноября была опубликована «Декларация прав народов России», провозгласившая право каждого народа на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Несколько позднее было принято обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», содержащее отказ революционной власти от раздела Персии и Турции и призывавшее народы Востока к борьбе против империализма и колониального рабства, против губительной империалистической войны.

Декреты о земле и мире, как и другие важнейшие документы Советской власти, были встречены трудящимися массами с горячим одобрением. Они укрепили в них глубокую надежду на близкое избавление от ужасов империалистической бойни. Как только известия о решениях II Всероссийского съезда Советов распространились по стране, на заводах и фабриках, в деревнях и селах, в войсковых частях и т. д. были приняты сотни резолюций, одобрявших переход власти в руки Советов и программу нового, рабоче-крестьянского правительства.

С особой радостью известия о событиях в Петрограде и о решениях II съезда Советов были встречены в действующей армии. Многочисленные сводки с фронтов, поступавшие еще в сентябре — октябре, ярко иллюстрировали настроение солдатских масс. «Основное желание — это мир. Желание мира заполнило ум и сердце солдата»¹, — говорилось, например, в сводке 10-й армии Западного фронта от 13 сентября. В октябре требования прекращения войны стали еще более настоятельными. Прошедшие во многих армиях и корпусах съезды и конференции от имени миллионов солдат выступали за немедленное прекращение войны. Во многих решениях требование мира прямо связывалось с необходимостью

---

¹ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сб. статей. М., 1957, стр. 602.

перехода всей полноты государственной власти в руки Всероссийского съезда Советов. Так, съезд 35-го армейского корпуса 17 октября и съезд 6-го армейского корпуса 18 октября большинством голосов приняли резолюции, требовавшие от II Всероссийского съезда Советов взятия власти и немедленного заключения перемирия на всех фронтах ¹. В октябре открылись Всеукраинский и Донской войсковые съезды, которые также вынесли специальные резолюции о необходимости скорейшего заключения мира и решения других неотложных проблем ².

Поэтому, когда вести о победе вооруженного восстания в Петрограде и решимости нового правительства добиваться мира достигли фронта, они вызвали там настоящее ликование. Открывшийся 7 ноября съезд 10-й армии Западного фронта восторженно приветствовал Советскую власть и объявленную ею программу, которая сразу же стала проводиться в жизнь. В информации об этом съезде говорилось: «Настроение у солдат хорошее. Сообщение о перевороте в Петрограде было получено 26 октября и встречено с большим энтузиазмом... Декрет о мире был встречен с большим восторгом. Солдаты говорили: наконец мы дождались, что придет конец этой проклятой бойне» ³.

В середине ноября состоялся второй съезд представителей армий Западного фронта. Председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) А. Ф. Мясников от имени съезда горячо приветствовал Совет Народных Комиссаров как истинно революционную власть, «вставшую на путь разрешения великих задач революции, ведущую страну к действительному миру, земле, хлебу и свободе» ⁴.

Подобное настроение преобладало и на других фронтах. В исторические дни ноября 1917 г. проходили многочисленные собрания и митинги полков, дивизий и отдельных подразделений, единодушно поддерживавших

---

¹ См. «Историк-марксист», 1937, № 4, стр. 164; «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 31 октября 1917 г.

² См. «Солдатская мысль», 25 октября 1917 г.

³ «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 12 ноября 1917 г.

⁴ «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 27 ноября 1917 г.

мирную политику Советской власти. Съезд членов полковых, дивизионных и исполнительного комитетов 1-го Туркестанского армейского корпуса отмечал: «Мы считаем новую власть единственно правильной, одна она только в силах вывести страну из тупика и заключить мир». Съезд отметил в то же время, что для спасения революции, во имя земли и воли необходимо укреплять революционный фронт, ибо если он погибнет, то погибнет и революция. С одобрением решений II Всероссийского съезда Советов выступили также Общечерноморский флотский съезд и съезд Балтфлота ¹.

Восторженные отклики и одобрение встретили в народе декреты о мире и о земле и другие постановления Советского правительства, революционные преобразования во всех сферах общественной жизни, что являлось залогом дальнейших побед и упрочения советского строя.

Власти трудящихся отказано в признании

На всем протяжении от Февраля к Октябрю правящие круги Антанты прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить перехода власти в руки рабочего класса и его авангарда, большевистской партии. И теперь, когда пролетарская революция стала фактом и на смену буржуазному Временному правительству пришло Советское правительство, утвержденное II Всероссийским съездом Советов, они категорически отказались признать правомерность его существования и вступить с ним в официальные дипломатические отношения.

Глава нового французского кабинета Жорж Клемансо заявил 9(22) ноября, что Франция не признает власти Советов ². Двумя днями позже заместитель министра иностранных дел Великобритании Роберт Сесиль также официально заявил на пресс-конференции, что «правительство его величества» не признает нового русского правительства и инструктировало своего посла в России воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы рассматриваться как признание.

¹ См. «Известия ЦИК и Петроградского Совета» за 20 и 27 ноября 1917 г.

² «Revue de défense nationale». Paris, juni 1966, p. 1085.

С аналогичными заявлениями в разное время выступили руководители Соединенных Штатов, Италии и Японии. Правительства этих стран также предписали своим представителям в Петрограде ни в коем случае не признавать правительство Ленина и не поддерживать с ним никаких официальных отношений. На «китов» равнялись остальные участники коалиции, в том числе и нейтральные страны.

А некоторые наиболее непримиримые и близорукие политики и дипломаты предлагали вообще не поддерживать с новой властью в России никаких отношений. Выражая эти настроения, консервативная лондонская «Морнинг пост» еще 27 октября писала: «Не может быть никаких сношений» с большевистскими властями. Однако эта точка зрения не получила поддержки со стороны большинства участников коалиции. Решено было сохранить некоторые контакты с Советским правительством. В противном случае представителям «союзников» пришлось бы покинуть пределы Советской России, а такой вариант не устраивал руководителей Антанты.

Западные державы и Япония прежде всего стремились сохранить связь с силами внутренней контрреволюции, иметь возможность оказывать им всемерную помощь в борьбе с Советской властью. Как свидетельствует французский автор Ж. Дельмас, хотя французское правительство и не признало Совет Народных Комиссаров, все же оно и не отзывало своих представителей из России, считая необходимым остаться там в ожидании краха Советской власти. Посол Нуланс, отмечает он, остался на своем посту «защищать французские интересы» и «изучать возможности вернуть Россию в коалицию, официально полностью игнорируя большевистские власти»¹. Следовательно, поддержка некоторых контактов с Советским правительством служила всего лишь ширмой для прикрытия антисоветской деятельности правящих кругов Антанты и США.

С той же целью в России были оставлены и военные миссии союзников, хотя выдвигались сугубо военные

---

¹ J. Delmas. Une mission militaire française à Pétrograd après la Révolution d'octobre (octobre 1917 — mars 1918). «Revue de défense nationale». Paris, juni 1966, p. 1086.

мотивы. «Что касается военной миссии,— продолжает Дельмас,— то ее оставление оправдывалось стратегическими соображениями... Отныне речь шла не о восстановлении боеспособности русской армии, а о помощи всем русским кругам, всякой группе населения, желающей продолжать борьбу совместно с румынами против центральных держав... Цель состояла в том, чтобы восстановить полностью или частично Восточный фронт или, по крайней мере, создать угрозу, которая препятствовала бы австро-германцам оголять их восточные границы»¹. Но, конечно, наивно было бы думать, что Румыния смогла бы продолжать сопротивление без России. Решающим звеном в плане «спасения» Восточного фронта по-прежнему оставалась борьба за свержение Советской власти.

Сами буржуазные историки не отрицают, что в результате такой политики союзников сложилось, по меньшей мере, «двусмысленное положение». С одной стороны, «союзники» категорически отказались признать Советское правительство, с другой, продолжали сохранять в нашей стране свои многочисленные представительства, не аккредитованные при этом правительстве и, таким образом, юридически утратившие право на пребывание здесь.

Однако эта «двусмысленность» не особенно смущала заправил стран Антанты и США. Неудобство, как пишет Дельмас, состояло для них лишь в том, что Советские власти могли ограничить передвижение по стране союзных военных и дипломатических миссий с целью пресечения их контрреволюционной деятельности или вообще выслать их из пределов страны, а также запретить пользование радиостанцией Кронштадта для передачи телеграмм в Лондон, Париж и т. д.

Советское правительство проявляло большую выдержку и терпение, надеясь, что державы Согласия более трезво оценят сложившуюся ситуацию. Это отмечали и сами представители западных держав. В донесении в министерство иностранных дел от 31 октября Бьюкенен сообщал: большевики «хотят сохранить хорошие отношения с союзниками». Спустя некоторое время (24 ноября), он снова обращал внимание своего

---

¹ J. Delmas. Op. cit., p. 1086—1087.

правительства на стремление большевиков установить лучшие отношения с союзниками...¹

Признания наших врагов приобретают особое значение в связи с тем, что многие буржуазные историки и по сей день усердно распространяют лживую версию, будто напряженность в отношениях между Советской Россией и Западом возникла по вине большевиков, которые-де с самого начала обнаружили свою несговорчивость и непримиримость. Между тем Советское правительство прилагало немалые усилия к тому, чтобы установить нормальные взаимоотношения со всеми державами. К сожалению, все эти усилия разбивались о непроницаемую стену ненависти и враждебности.

Ллойд Джордж, отличавшийся, как известно, непревзойденным лицемерием и двурушничеством, писал впоследствии, будто лично он и Бальфур тоже стремились к установлению с Советским правительством более или менее нормальных отношений, но этому, дескать, помешали некоторые обстоятельства, и главное из них заключалось вроде бы в том, что большевики контролировали лишь часть территории страны. «Будь вся Россия под властью большевиков,— оправдывался он,— наш курс был бы ясен. Мы вели бы с ними переговоры, как с русским правительством де-факто»².

Но эту ложь он сам же и опроверг буквально на следующей странице. «Затруднения, которые я и Бальфур испытывали, убеждая членов правительства установить какие-либо отношения с Петроградом, которые могли бы привести к признанию большевиков, возрастали. Существовал неподдельный страх перед тем, что признание будет связано с допущением в союзные страны,— как презрительно выразился он,— стаи большевистских агитаторов и заговорщиков для раздувания революции»³.

Неподдельный страх перед социалистической революцией испытывали, конечно, и сам Ллойд Джордж и его правая рука — Бальфур, равно как и руководители других империалистических государств. Об этом свидетельствуют дневники и воспоминания многих политических деятелей того времени. Пуанкаре, например, от-

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 285, 296.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 84.

³ Там же, стр. 85.

кровенно признавал, что в политических кругах Франции серьезно опасались, как бы революция не перекинулась в другие страны, в том числе и во Францию¹. Этот страх не покидал их и раньше, но с победой Октября он возрос еще больше. Дрожали монархи и президенты, премьеры и министры, дрожали «некоронованные короли» — банкиры и капиталисты, равно как и все другие представители эксплуататорских классов. Так, во время одной из встреч с Пуанкаре, в январе 1918 г., бельгийский король не мог скрыть тревоги за судьбу своей короны. «Он обеспокоен,— записал в своем дневнике французский президент,— влиянием русской революции на другие страны и, в частности, на Бельгию»².

Воздерживаясь от признания, руководители Антанты и ее официальные представители в России полагали, что большевики не удержатся долго у власти и будут свергнуты в течение ближайших дней или, по крайней мере, в течение ближайших месяцев. Даже если большевики и придут к власти, отмечал английский посол, информируя свое правительство о назревающих событиях, они не смогут долго продержаться «и рано или поздно вызовут контрреволюцию»³. Позже, подводя итоги своей безуспешной антисоветской деятельности и вскрывая причины провала политики союзников в «русском вопросе», Бьюкенен снова констатировал: когда большевики пришли к власти, то никто не ожидал, что они долго продержатся на своих постах⁴.

Под влиянием успехов Советской власти в подавлении контрреволюции империалистам пришлось внести некоторые поправки в свои прогнозы. Однако и после этого они продолжали тешить себя надеждой на близкое крушение революции. В донесении от 24 ноября английский посол хотя и выражал сомнение в правильности оценок некоторых «оптимистов», будто «правление большевиков приходит к концу», но и сам он оставался не меньшим оптимистом, полагая, что большеви-

---

¹ R. Poincaré. *Au service de la France*, t. X. *Victoire et Armistice*. Paris, 1933, p. 29—30.

² Ibid., p. 35.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 279, 288.

⁴ См. там же.

стская партия сохранит за собой власть лишь «в течение некоторого времени»¹.

Впоследствии Бьюкенен вынужден был признать, что он «недооценивал силы большевистского движения» и не всегда правильно определял обстановку в стране, посылая своему правительству недостаточно обоснованные рекомендации и советы.

В несбыточном ожидании пребывали политики и дипломаты и других стран. Союзники считали, писал позже Ллойд Джордж, что большевики продержатся у власти не более нескольких месяцев².

Правящие круги империалистических государств не только не верили в возможность утверждения нового общественного политического строя, но и предпринимали всяческие меры, чтобы он как можно скорее прекратил свое существование. Широко известно высказывание видного английского государственного деятеля У. Черчилля о том, что западные державы стремились уничтожить большевизм «в колыбели». «...Первое время после Октября,—отмечал В. И. Ленин,—силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики...»³

*

*

С первых дней Октября империалисты Антанты и США приняли активное участие во всех происках внутренней контрреволюции, начиная от моральной и финансовой поддержки саботажа, устроенного чиновниками государственного аппарата, и кончая прямой связью со всевозможными заговорами, мятежами и другими выступлениями против молодой Советской республики. Они были вдохновителями и организаторами военной интервенции.

Как известно, саботаж явился одной из основных форм борьбы приверженцев старого строя против Советской власти. Он был начат по призыву кадетов и

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 295—296.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 92.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 127.

эсеро-меньшевистских лидеров и проходил при содействии дипломатических миссий «союзников». Когда в министерства и другие ведомства прибыли полномочные представители новой власти — народные комиссары, они встретились там с открыто враждебным отношением старого чиновничества, и в особенности его бюрократической верхушки. Например, в Министерстве внутренних дел нарком застал лишь «грудю сваленных бумаг, запертые столы и шкафы без ключей». Деятельность наркомата пришлось налаживать с помощью рабочих Путиловского завода и заводов Выборгского района.

Аналогичная картина наблюдалась и в других министерствах и учреждениях. Государственный банк отказался признать полномочия направленного туда комиссара и выдать деньги по требованию Советского правительства. В то же время он охотно отпустил крупные суммы для поддержки саботажников, выплатив им жалование за два месяца вперед. (Правительству пришлось отдать приказ об аресте директора банка, после чего сопротивление банковских чиновников было сломлено и банк стал функционировать нормально.)

И так было почти во всех звеньях старого управленческого и хозяйственного аппарата. Контрреволюционеры рассчитывали, что, натолкнувшись на бойкот чиновников во всех звеньях государственного управления, Советская власть неизбежно потерпит крах. Церетели, усиленно доказывавший в свое время необходимость сотрудничества с цензовиками и их лакеями в казенных мундирах, язвительно заявил, адресуясь к большевикам: «Мы все же, худо ли, хорошо ли, держались 6 месяцев. Если вы продержитесь хотя бы 6 недель, я признаю, что вы были правы»¹. А некоторые из эсеро-меньшевистских лидеров оказались еще более «дальновидными» прорицателями и обещали большевикам не более чем недельное существование.

Особой «организованностью» в этом контрреволюционном предприятии отличались чиновники и служащие внешнеполитического ведомства. Когда руководители Наркоминдела явились в помещение Министерства ино-

---

¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6, стр. 778.

странных дел, они застали там одних швейцаров и курьеров. Чиновники же заблаговременно покинули свои служебные места, прихватив все шифры и ключи от сейфов, в которых хранились дипломатические документы. С большим трудом удалось разыскать некоторых старых сотрудников. Один из них раздраженно заявил, что служащие и чиновники министерства не признают нового правительства и работать с ним не желают. Заграничный аппарат Министерства иностранных дел также отказался признать Совет Народных Комиссаров законным правительством и представлять страну от его имени.

Но все это лишь ускорило слом старой буржуазной государственной машины, оказавшейся преградой на пути становления нового общественного строя. Саботажники были объявлены врагами народа. Приказом от 16 ноября Советское правительство уволило тех сотрудников Министерства иностранных дел, которые отказались от исполнения своих служебных обязанностей. Вскоре были уволены в отставку почти все дипломатические представители, аккредитованные Временным правительством. Иностранные державы вопреки этим решениям продолжали сноситься с бывшими послами, посланниками и консулами как с полномочными представителями России и предоставляли в их распоряжение значительные суммы на организацию подрывной контрреволюционной деятельности. Особым рвением на службе у империалистических кругов Запада отличались Маклаков и Бахметев, а также поверенный в делах в Англии Набоков. По свидетельству Пуанкаре, Маклаков высказал ему свое желание, чтобы в России как можно больше лилась кровь и чтобы «максималисты» подверглись жестокому наказанию. В этом он видел единственную гарантию «восстановления порядка». Очевидно, с такими же советами и пожеланиями обивали пороги официальных учреждений и другие полномочные представители свергнутых эксплуататорских классов. Многие из них уже в первые дни Октября уговаривали союзников предпринять открытую интервенцию против собственной страны.

Все это только подтверждало необходимость самых решительных мер против саботажников. Из старого состава русских дипломатических представителей за

границей только двое — поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в делах в Португалии Унгерн-Штенберг согласились сотрудничать с Советской властью, но их телеграммы не пропускались в Петроград.

Подстрекательство к саботажу — это лишь сравнительно умеренная и «безобидная» форма антисоветской деятельности правящих кругов союзников. Гораздо большие надежды возлагали они на свержение Советской власти вооруженным путем, всячески содействуя внутренним контрреволюционным силам. Причем их собственные военные и дипломатические представительства в России являлись одним из наиболее активных отрядов контрреволюции, ее авангардом, мобилизующей и направляющей силой.

Дипломатические миссии некоторых западных держав поистине превратились в гнезда контрреволюции, в своего рода координирующие центры. Английское посольство, например, рассчитывая на длительную «осаду», создало у себя запасы продовольствия. В здании посольства были размещены все служащие, имевшие квартиры в городе, а также английские офицеры, принадлежавшие к различным военным миссиям, «с целью иметь здесь, — как отмечалось в одном из донесений от 6 ноября, — в случае необходимости сильный гарнизон для защиты»¹. И оно действительно напоминало теперь скорее гарнизон, которым командовал экспансивный генерал Нокс, чем дипломатическое представительство. Но дело было, конечно, не в том, что посольству якобы угрожала опасность со стороны революционных масс, хотя своей открыто контрреволюционной деятельностью и грубым вмешательством во внутренние дела страны оно, естественно, могло поставить себя под удар. Концентрация сил в одном месте свидетельствовала о стремлении к более оперативному вмешательству в ход революционных событий. В такие же контрреволюционные гнезда превратились посольства и некоторых других стран, прежде всего Франции и Соединенных Штатов.

С первых дней октябрьского переворота приток посетителей в английское, французское и американское

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 289.

посольства заметно возрос: туда потянулись контрреволюционеры всех мастей, от крупной буржуазии и генералов до «умеренных» социалистов. 27 октября английского посла посетили лидеры «Комитета спасения родины и революции», в том числе бывший председатель предпарламента правый эсер Авксентьев, член ЦК кадетской партии Набоков. Они приходили, разумеется, не за тем, чтобы только засвидетельствовать свое почтение, а за поддержкой и содействием со стороны своих империалистических союзников. Им нужно было наметить план совместных действий, выработать, так сказать, общую линию.

Комитетчики уверяли посла в неизбежности краха большевиков, причем в самое ближайшее время. Большевики оказались «совершенно изолированными», спешили они обрадовать посла, так как все прочие социалистические группы осудили восстание. При этом они ссылались на заседание II съезда Советов ночью 26 октября, где группа меньшевиков и правых эсеров выступила против восстания петроградского пролетариата, назвав его «военным заговором». Оказавшись в меньшинстве, они были вынуждены покинуть съезд. Но самое главное, на чем основывалась уверенность комитетчиков, было то, что «Керенский ведет целый корпус на выручку Петрограда и Временного правительства»¹. После свидания с Бьюкененом представители «Комитета спасения» встретились с генералом Ноксом. Авксентьев и тут похвастался, что большевики «слетят» в течение двух ближайших дней и снова все станет на свое прежнее место².

Через пару дней к Бьюкенену наведалься бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский; темой его беседы с послом также являлась борьба за свержение Советской власти³. И так визит за визитом. 11 ноября английский «военно-дипломатический гарнизон» посетил петроградский городской голова, упрашивавший союзников «не покидать Россию», помочь антибольшевистским силам.

¹ См. В. Д. Набоков. Временное правительство. «Архив русской революции», т. 1, стр. 87—88. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 282.

² А. Кнох. *Op. cit.*, vol. 2, p. 712.

³ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 285.

Подобные «приемы» ежедневно устраивали в своих резиденциях Нуланс и Френсис. Пристально следя за развитием событий, они надеялись, что Керенскому и генералу Краснову, предпринявшим поход на Петроград, удастся пресечь «авантюру» большевиков. 28 октября, когда корпус Краснова находился на подступах к Царскому Селу, обрадованный американский посол телеграфировал в Вашингтон: «Только что меня посетил член Комитета безопасности («Комитета спасения». — В. В.) Виленкин и сказал, что большевиков покидают солдаты и новое правительство фактически перестало существовать, что Савинков и Керенский с войсками находятся всего лишь в 20 верстах от Петрограда; Виленкин сообщил, что он имеет инструкции информировать меня официально»¹.

Виленкин не случайно принес эту «официальную» информацию именно американскому послу. Утром 25 октября Керенскому удалось бежать из Петрограда на фронт на машине под флагом американского посольства, услужливо предоставленной ему одним из секретарей посольства Уайтгаузом. Прощаясь со своим благодетелем, Керенский просил передать союзным послам его просьбу не признавать большевистского правительства, так как он надеется возвратиться 30 октября с достаточным количеством войск, чтобы навсегда покончить с «мятежниками». (Керенский отправился в г. Лугу навстречу ранее вызванным им с фронта войскам.) Теперь он старался показать, что данное им обещание выполняется точно по графику. Не успев захватить Царское Село, Керенский поспешил заявить: «Большевизм распадается, изолирован и, как организованной силы, его нет уже и в Петрограде»². К этому времени бывший министр-председатель сменил американскую машину на белого коня, собираясь триумфатором въехать в столицу во главе казачьих войск. Но, увы, и эта авантюра потерпела полнейший крах.

Убедившись в «благонамеренных» целях «Комитета спасения», представители Антанты и США решили поддержать его всеми доступными средствами, вплоть до непосредственного участия в контрреволюционном

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 228—229.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 79.

мятеже юнкеров, выступивших против Советской власти по приказу главарей «Комитета». «Из достоверного источника сообщают,— зафиксировано в одном из документов Петроградского ВРК,— что среди арестованных в связи с восстанием юнкеров есть несколько английских подданных. Передают, что причастность их к Комитету спасения революции установлена по перехваченным документам»¹.

Этот факт подтверждается и другим достаточно авторитетным в данном случае источником. Американский посол в Стокгольме Моррис в своем донесении в госдепартамент от 29 октября (11 ноября) сообщал, что посольства Великобритании и США в Петрограде оказывают поддержку «Комитету спасения»². А вот еще одно не менее достоверное свидетельство, принадлежащее известному американскому корреспонденту Джону Риду. «Каково бы ни было официальное поведение союзных посольств,— писал Д. Рид,— отдельные английские и французские офицеры вели себя в эти дни весьма активно, вплоть до участия в качестве экспертов на заседаниях Комитета спасения...»³ В руках восставших юнкеров оказалось пять-шесть броневигов из расформированного английского бронедивизиона, в которых вместе с юнкерами разъезжали также отдельные английские и французские офицеры⁴. Как писал позже один из активных эсеровских деятелей — Г. Семенов, у организаторов «Комитета спасения» «уже в ту пору существовала мысль о приемлемости помощи союзников в вооруженной борьбе с большевиками». Некоторые из них предлагали исхлопотать у западных держав «заем» на ведение «военной работы». Благоклонно относились и к возможности военной интервенции.

Таким образом, говоря о первой попытке буржуазной и мелкобуржуазной реакции вооруженным путем свергнуть Советское правительство, нельзя не видеть, что она пользовалась широким содействием империалистов Антанты и США. 9 ноября Петроградский военнореволюционный комитет вынес постановление о роспуске «Комитета спасения» и об аресте всех его членов.

¹ ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 22, л. 38.

² «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 229.

³ Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 166.

⁴ См. там же.

ВРК принял также решение о привлечении к ответственности лиц, виновных в издании и распространении каких бы то ни было обращений или воззваний, исходящих от данного «Комитета»¹. Однако и после этого представители союзников не порывали с ним связь. В беседе с главой французской военной миссии генералом Нисселем 20 ноября (3 декабря) Бьюкенен откровенно признал, что после свержения Временного правительства он не только постоянно поддерживает контакт с «Комитетом спасения» и Калединым, но и оказывает им финансовую поддержку. В то же время Бьюкенен не порывал тайные связи с монархистами и с членами царской фамилии. А где Бьюкенен, там и его французский и американский коллеги.

Вскоре после Октябрьской революции, в ноябре 1917 г., в Петрограде был раскрыт заговор монархической организации, во главе которой стоял известный реакционер — черносотенец В. М. Пуришкевич. Участниками этой подпольной организации являлись такие видные приверженцы старого режима, как генерал-адъютант Николая II Иванов Н. И., оставшийся при отрешенном императоре, когда он находился под арестом в Царском Селе, генерал Аничков Д. И. и др. Заговорщики располагали значительными денежными средствами, на которые они скупали оружие: винтовки, револьверы, гранаты и бомбы. Приобретены были также пулемет, автомашина и ротатор. На допросе Пуришкевич и другие участники заговора отказались сообщить, где они доставали деньги². Не вызывает, однако, сомнения, что часть денег была получена ими от агентов империалистических стран. Пуришкевич поддерживал связь с приверженцами Савинкова, который находился в тесном контакте с англо-американскими эмиссарами, в частности с Моэмом, получившим от своих хозяев солидную сумму, предназначавшуюся, как отмечалось выше, для поддержки контрреволюционных групп в России.

Группа Пуришкевича поддерживала связь с Калединым, и ее выступление против Советской власти намеревались приурочить к моменту подхода каледин-

¹ «Документы Великой пролетарской революции», т. 1, М., 1938, стр. 210—213.

² См. «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 172, 176, 183.

ских войск к столице. В одном из писем к Каледину Пуришкевич писал: с «чернью» (как презрительно называл он сторонников Советской власти) «теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей»¹. Юнкера, входившие в организацию Пуришкевича, приняли участие в мятеже, организованном «Комитетом спасения» и контрреволюционным командованием Петроградского военного округа во главе с полковником Полковниковым, одним из кровавых «усмирителей» июльской демонстрации.

Заговорщики даже намеревались совершить покушение на Ленина. Как показал на следствии один из участников этой организации — прапорщик Е. В. Зелинский, Пуришкевич предлагал ему взять на себя миссию убить Ленина, обещая 10 тысяч рублей, хотя сам главарь заговорщиков всячески отпирался от этого, заявив, что такого поручения он никому не давал². И это, конечно, не единственный случай, когда контрреволюционеры замыслили злодейское убийство вождя пролетарской революции.

С планами покушения на Ленина не расставались и союзники, о чем свидетельствуют некоторые уцелевшие документы. Так, в начале января 1918 г. был арестован поручик Швырев, состоявший на службе во французской контрразведке. Он признался, что получил задание установить, где проживают В. И. Ленин и его ближайшие соратники, а также выкрасть чемодан с бумагами у прибывающего из Стокгольма большевика Ганецкого. Последнего, в случае необходимости, предлагалось «убрать». Швырев, однако, не осмелился выполнить данное ему поручение.

Опираясь на старые и завязывая новые связи с буржуазно-помещичьими и мелкобуржуазными партиями, с различными подпольными контрреволюционными группами, дипломатические и военные миссии союзников оказывали им морально-политическую и материальную поддержку в их борьбе с пролетарской властью. Действия союзников, разумеется, не ограничивались Петроградом. Они поспешили установить самые тесные связи с контрреволюцией и в других городах.

---

¹ См. «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 171.

² См. там же, стр. 172, 183—184.

В то же время представительства империалистических держав, и прежде всего Англии, Франции и США, занялись организацией в нашей стране разветвленной шпионской сети. Глава французской военной миссии Ниссель признавал, что по прибытии в Петроград он решил первым долгом создать службу разведки. Английскую разведку возглавили Рейли, Хилл и Гибсон, американскую — генеральный консул США в Москве Саммерс и некий Коломатиано, французскую — сам Ниссель, а также генеральный консул в Москве Гренар.

Шпионская сеть Антанты опиралась на военные миссии, довольно многочисленные по своему составу. Французская миссия, например, насчитывала, как уже отмечалось, 200 штабных и пехотных офицеров и 900 солдат. Другая французская военная миссия во главе с генералом Бертело, находившаяся на румынском фронте, состояла из 300 офицеров и большого количества рядовых¹. Кроме того, после Октябрьской революции в числе союзных агентов оказались многие русские офицеры, прикомандированные ранее к военным миссиям западных держав или служившие в их воинских подразделениях, дислоцированных на русском фронте. И не только эти: подбирали каждого, в ком находили сообщника, и в первую очередь, конечно, тех, кто особенно люто ненавидел Советскую власть и готов был сражаться против нее любыми средствами. Как известно из документов, разведотдел английской военной миссии в декабре 1917 г. приступил к розыскам в Петрограде некоторых старорежимных офицеров, явно имея в виду привлечение их для вполне определенных целей². Сотрудник английского посольства в Петрограде Пиэрс признает в своих мемуарах, что военное министерство Великобритании «имело связи с офицерами русской армии, которые систематически создавали центры сопротивления большевикам»³.

Особенно широко было пущено в ход такое испытанное оружие, как клевета. Стремясь всячески опорочить пролетарскую революцию, ослабить ее притягательную силу и влияние на трудящиеся массы других стран,

¹ J. Delmas. Op. cit., p. 1086; J. Sadoul. Notes sur la révolution bolchéviques. Paris, 1920, p. 54.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4408, л. 8.

³ B. Pares. Op. cit., p. 490.

западная пропаганда буквально неистовствовала, распи-сывая на все лады «ужасы большевизма». Страницы реакционных и даже некоторых «умеренных» и «демо-кратических» газет ежедневно заполнялись всевозмож-ными измышлениями о «кровавых расправах» больше-виков над своими политическими противниками, представителями имущих классов и интеллигенции, и даже... ни в чем не повинными гражданами. Зарубеж-ному общественному мнению усиленно внушалось, будто в стране наступила полная анархия, всюду по-громы, убийства, грабежи и насилия. Как справедливо заметил известный прогрессивный писатель Джеймс Олдридж, буржуазная пропаганда предпринимала про-тив социалистической революции «самую яростную, са-мую продолжительную и самую бессовестную из всех кампаний клеветы, известных в истории печатного и устного слова»¹. Клеветники пытались уничтожить правду об Октябрьской революции, изобразить ее как сверхсвятотатство, попрание «освященных богом» зако-нов природы и «добрых» устоев общества.

В поставке лживой информации не последнюю роль играли сами официальные представители союзников в России. Английский посол не раз сообщал в министер-ство иностранных дел о баснословном числе жертв в Москве, о тяжелых потерях среди гражданского населе-ния вследствие «беспорядочной стрельбы» Красной гвардии и что сам город якобы отдан на разграбление «пьяной черни». Не менее усердно упражнялись в со-чинении подобных сводок и другие союзные послы и их ближайшие помощники, не говоря уже о бесконтроль-ных корреспондентах.

По-прежнему не выходила из обихода версия о «не-мецких шпионах». К клеветническим слухам о «герман-ских деньгах» прибавились новые: будто бы действиями восставших руководят переодетые офицеры герман-ского генерального штаба. Лондонская консервативная газета «Морнинг пост» еще 27 октября (9 ноября) опу-бликовала на своих страницах пространную статью под заголовком: «Революция сделана в Германии», пытаясь «документально» доказать «немецкое» происхождение социалистической революции в России.

---

¹ См. «Правда», 15 марта 1967 г.

В широком ходу эта реакционная легенда была и в остальных странах англо-французского блока. Как уже отмечалось, современные буржуазные историки сами вынуждены подтвердить этот факт. Приведем еще одно признание. Генерал Ниссель очень быстро допустил, пишет Ж. Дельмас, что Ленин и другие большевистские руководители не являются агентами Германии и поведение советской делегации в Брест-Литовске, отказавшейся принять некоторые немецкие требования, подтвердило ему это¹.

Однако империалистическая пропаганда не останавливалась ни перед какими фактами и продолжала свое дело. В политическом плане Октябрьская революция изображалась не иначе, как насилие незначительного меньшинства над пассивным большинством. Эта клевета была тем более гнусной, поскольку в официальных кругах европейских столиц имелись достаточно точные сведения относительно расстановки сил в Петрограде в октябрьские дни 1917 г. Послы собственными глазами видели, что буржуазное Временное правительство сошло с политической арены, так как оно оказалось полностью изолированным и покинутым даже его самыми близкими приверженцами. «Правительство Керенского,—засвидетельствовал сам Бьюкенен,—пало, подобно царизму, без борьбы...», большевики обеспечили себе поддержку не только рабочих, но и гарнизона².

Еще более характерное свидетельство оставлено в анналах истории французскими представителями. Издававшаяся в Петрограде французская газета «Антант» 2 ноября 1917 г. писала: «Правительство Керенского рассуждает и колеблется. Правительство Ленина действует и нападает. Его называют правительством заговорщиков, но на деле это неверно. Нет! Эти люди — не заговорщики. Они не конспирируют... Они — заговорщики? Никогда!»

В то же время буржуазная пропаганда изо всех сил стремилась подогреть шовинистические страсти, пытаясь таким путем ослабить влияние социалистической революции на другие народы.

---

¹ J. Delmas. Op. cit., p. 1088.

² См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 286.

Особую враждебность со стороны правящих кругов Антанты вызвала мирная политика Советского правительства, в которой они усматривали в тот период наибольшую опасность не только для своих империалистических планов, но и для судеб всего капиталистического строя. Правящие круги западных держав и Японии, конечно, понимали, что выход России из войны будет способствовать упрочению Советской власти, росту ее престижа как внутри страны, так и на международной арене, и окажет мощное революционизирующее влияние на народы всех стран. Эти опасения империалистов достаточно отчетливо и откровенно выразил спустя несколько лет после «тревожного 1917 года» Ллойд Джордж.

«Вопрос о том, окажет ли русская революция такое же влияние, как французская, или ее влияние на судьбы всего человечества будет еще больше,— писал он,— зависит от одного. Это будет зависеть от того, сумеют ли вожди революции продолжить свое движение на путях мирного развития, или же энергия революции не будет израсходована, и она будет отклонена от своей цели войной. Если Россия не будет вовлечена в войну, то революция станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах, которые когда-либо пришлось наблюдать или испытывать человечеству»¹.

Действовала и другая немаловажная причина. В течение всей войны Россия приковывала к себе значительные силы австро-германского блока, а в отдельные периоды на Восточном фронте находилось свыше половины неприятельских войск. Ценою колоссальных жертв русская армия не раз спасала армию союзников от неминуемого сокрушительного разгрома. Выполнение царской Россией своих обязательств привело к истощению ее военных ресурсов, к расстройству всего народного хозяйства. Однако заправилам Антанты не было до этого дела. Они по-прежнему смотрели на Россию как на неисчерпаемый источник пушечного мяса, и воз-

---

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 63.

возможность потери его приводила их буквально в бешенство. Ллойд Джордж впоследствии отмечал, что с «выпадением России из войны для стран Антанты создавалось «исключительно опасное положение». В течение трех с лишним лет, признавал он, русская армия «принимала на себя удар миллионов лучших солдат и тысяч пушек центральных держав», и перспектива лишиться ее содействия, безусловно, приводила их в отчаяние.

Как уже отмечалось, с выступлением на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки значение России как фактора войны несколько уменьшилось, однако и после этого русская армия оставалась одним из основных слагаемых в векторе сил антигерманской коалиции. В течение девяти месяцев после объявления войны Германией Соединенные Штаты перебросили в Европу всего лишь одну пехотную дивизию. Еще три пехотных дивизии прибыли в самом конце 1917 г. Основная же масса американских войск должна была вступить на европейскую землю только в марте — апреле следующего года. Автор книги о первой мировой войне французский генерал Л. Козлыц, несмотря на явное умаление роли русского фронта, особенно в 1917 г., подчеркивает, что американские дивизии, прибывшие в Европу до начала весенней кампании 1918 г., ни в коей мере не могли компенсировать боевого потенциала, утраченного англичанами и французами в результате «крушения» русской армии¹. Вот еще одна из причин, почему правящие круги союзников старались помешать большевикам реализовать свою мирную программу, подорвать к ней доверие масс, вставших под знамена пролетариата.

И организация саботажа и, еще больше, попытка срыва мирных начинаний Советской власти имели своей конечной целью низвержение ее. В донесении от 6 ноября Бьюкенен прямо подчеркивал, что если обещанный большевиками мир будет отложен надолго и прекратится подвоз хлеба, «то массы могут восстать и свергнуть их». Об этом же довольно откровенно писала и буржуазная пресса. Так, лондонская «Таймс», выбалтывая истинные намерения политических кругов, рупором которых она служила, подчеркивала в своей пере-

¹ L. Koeltz. La guerre de 1914—1918. Les opérations militaires. Paris, 1966, p. 411. (Генерал Козлыц сам принимал участие во многих операциях первой мировой войны.)

довой за 17 (30) ноября: если большевистское правительство «сможет заключить длительное перемирие, оно будет способно продолжать свое существование». Вывод напрашивался сам собой: западная дипломатия должна сделать все необходимое, чтобы предотвратить заключение мира или перемирия.

А кое-кто даже тешил себя надеждой, что таким путем, возможно, удастся восстановить в России не только господство буржуазии, но и монархию. В цитированном выше донесении от 6 ноября английский посол сообщал о продолжающейся забастовке большей части государственных служащих, которая-де в конце концов способна привести к краху нового режима. «Подвоз угля к железнодорожным линиям,—торжествовал посол,—сократился до опасных размеров; армия и большие города находятся под угрозой голода, и рано или поздно вся правительственная машина должна распасться». Далее, со слов «некоторых», заявлялось, что через несколько месяцев в России снова воцарится монархия. Явно сочувствуя подобному обороту, Бьюкенен как бы невзначай заметил, что такое может произойти, по его мнению, если Каледину удастся собрать вокруг себя армию и двинуться с ней на север, на Москву и Петроград. Как показали дальнейшие события, империалисты всячески содействовали этому плану.

Отказ правящих кругов Антанты приступить к мирным переговорам был немедленно использован внутренней контрреволюцией. В борьбе за восстановление старого режима она ухватилась за него как за спасительное средство. Все контрреволюционные элементы — от кадетов и черносотенцев до меньшевиков и эсеров подняли шум: большевики-де обманули народ своими щедрыми обещаниями, они не добьются мира, так как «союзники» не признают Совет Народных Комиссаров законным правительством и не желают иметь с ним дела, а без их согласия не может быть и речи о прекращении войны. И чтобы найти «выход» из такого положения, контрреволюционные вожаки, и прежде всего обанкротившиеся эсерово-меньшевистские лидеры, стали упорно трубить о необходимости создания «однородно-социалистического» правительства из представителей так называемой истинной русской демократии во главе с одним из эсеровских лидеров центристского толка

бывшим министром земледелия в первом составе коалиционного Временного правительства В. М. Черновым. Они пытались убедить трудящиеся массы, что только такое правительство, имеющее основание рассчитывать на признание со стороны капиталистических держав, сможет положить конец войне и дать народу долгожданный мир.

Особую активность эсеры и меньшевики развернули в армии. Разбитые в Петрограде и Москве, они устремились в Могилев, где находилась ставка верховного главнокомандующего, надеясь, что там проще будет создать ударный кулак против большевистского Петрограда. Ставка с каждым днем становилась все более опасным центром контрреволюции. В Могилев бежали некоторые из бывших министров Временного правительства, лидеры эсеров (правых и центра), члены «Комитета спасения», ЦИК первого созыва и т. д. Там же размещался Общеармейский комитет, находившийся почти целиком в руках меньшевиков и эсеров и действовавший теперь уже, по существу, заодно с царскими генералами, прикрывая свою враждебную антисоветскую деятельность демократической вывеской. Окопавшись в ставке, кадеты, эсеры и меньшевики надеялись использовать армию для борьбы с революцией, вызвав у солдат недовольство затяжкой мира, чему в данном случае и служила возня вокруг «однородносоциалистического» правительства.

Обанкротившиеся политики сообща с реакционным командованием развили лихорадочную деятельность. Они строчили всевозможные воззвания и обращения с призывами не доверять большевикам и созданному ими правительству, рассылая эти воззвания во все концы страны. В одном из обращений Общеармейского комитета к солдатам говорилось, что в сложившейся обстановке единственным препятствием к заключению долгожданного мира является правительство во главе с Лениным. «Ленин стал у власти,— писали эти господа,— и после двух недель бесплодного ожидания ответа на свое обращение к державам должен признать, что с ним не желают разговаривать... Требуйте немедленного образования общесоциалистического правительства,— продолжали авторы обращения.— Такое правительство будет признано и страной и иностранными державами

и немедленно приступит к мирным переговорам. Единодушно сплотите все ваши силы вокруг идеи достижения действительного мира и поручите решение этого вопроса новому правительству с Виктором Михайловичем Черновым во главе»¹.

Подобные обращения следовали одно за другим. Не решаясь уже открыто агитировать против перехода государственной власти в руки Советов, поскольку это требование поддерживало большинство трудящихся города и деревни, в том числе и подавляющая часть армии, эсеро-меньшевицкие лидеры заявляли, что Совет Народных Комиссаров не является Советским правительством и большевики вообще «не имели права» формировать правительство. Играя на жажде мира и стараясь убедить массы, что только «общесоциалистическое» правительство сможет обеспечить мир, они надеялись создать правительство без большевиков, т. е. по существу возродить буржуазное Временное правительство, произведя в нем некоторую новую перетасовку.

Активное содействие этой контрреволюционной махинации оказывали официальные представители союзников. 4 ноября начальники союзных военных миссий при штабе верховного главнокомандующего в Могилеве приняли участие в совещании, на котором обсуждался вопрос о сформировании «законного» правительства и его составе. На совещании присутствовали бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский, эсеровский лидер А. Р. Гоц и сам претендент на пост премьера В. М. Чернов.

Подключились и союзные послы. 7 ноября данный вопрос обсуждался бывшим министром труда председателем комиссии по иностранным делам предпарламента М. И. Скобелевым и товарищем председателя предпарламента народным социалистом Н. В. Чайковским в беседе с Бьюкененом в помещении английского посольства, куда они приходили заручиться поддержкой империалистических держав в своем контрреволюционном предприятии. Чтобы не испугать посла «чресчур радикальными прожектками», отставные парламентарии поспешили оговориться, что в проектируемое ими «однородносоциалистическое» правительство будут

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 196.

входить также представители «казацкой демократии», оно получит поддержку кадетов, участие же большевиков совершенно исключается. Речь шла о свержении Советской власти вооруженным путем, опираясь главным образом на казаков. Платой за это являлось бы включение их представителей в состав будущего правительства. «На мой вопрос,— сообщал в своем донесении Бьюкенен,— каким образом они предполагают свергнуть большевиков, они сказали: силой»¹.

Судя по тому же донесению, поддержка западных держав должна была состоять прежде всего в том, чтобы они формально заявили о своей готовности обсуждать с черновским «умеренно-социалистическим» правительством условия мира с целью приближения окончания войны. «Они уверяли,— продолжал посол,— что могут рассчитывать на некоторые войска, достаточные для этой цели (т. е. свержения Совета Народных Комиссаров.— В. В.)... Но чтобы добиться успеха, они должны получить полномочия заявить армии, что союзники готовы обсудить условия мира с целью привести войну к скорому концу. Такое заверение, сказали они, даст им большое преимущество над большевиками, с которыми союзные правительства не захотят вступить в сношения». На эту же тему с Бьюкененом вел разговор и Верховский, посетивший британского посла несколькими днями раньше.

Как ни заманчива была перспектива получить антибольшевистское правительство, да еще опирающееся на казаков, о чем Бьюкенен сам постоянно думал, он не отважился выдать своим посетителям такие полномочия. Хотя правительства Антанты, заявил посол, пойдут на обсуждение условий мира с антибольшевистским правительством, «когда оно, наконец, образуется», они тем не менее «не могут дать никаких гарантий быстрого окончания войны, так как после всех своих жертв они не могут принять преждевременного мира, который не давал бы никаких гарантий на будущее». В интересах России, добавил он, надо приложить усилия к тому, чтобы сохранить свой фронт хотя бы в пассивном состоянии, не пытаясь предпринимать наступления, пока Англия и ее союзники не разобьют Германию.

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 290.

Полномочные представители «истинной русской демократии» приняли к сведению соображения английского дипломата, изъявив готовность «сформировать небольшую армию для оборонительных целей». В свою очередь посол пообещал передать их предложение своему правительству. На следующий день перед отъездом в ставку (Скобелев умчался туда еще 7 ноября) Чайковский снова наведлся в британское посольство, чтобы еще раз обговорить поднятый накануне вопрос. При этом он сообщил послу, что в Могилев выехало уже около 20 делегатов «с целью формирования нового правительства и организации достаточной силы для подавления большевиков», выразив твердую уверенность в их близком падении¹.

Помогая Чернову, Чайковскому и К⁰ сколотить противостоящее большевикам правительство, а также с целью обмана масс, союзные послы (в частности, маркиз Карлотти) инспирировали через начальника итальянской военной миссии в Могилеве генерала Ромеи лживое сообщение, дошедшее вскоре и до солдат. В последнем говорилось, будто западные державы решили освободить Россию от ее обязательств и предоставить ей возможность заключить сепаратное перемирие, а затем и мир при условии оставления войск на своих местах, недопущения обмена пленными и обязательства не снабжать Германию хлебом и сырьем. Когда же маневр с созданием черновского правительства провалился, представители Антанты поспешили объявить телеграмму Карлотти, в которой сообщалось генералу Ромеи это «решение», несуществовавшей². Духонин, в свою очередь, выгораживая своих покровителей, назвал эти сведения «частными».

Но никакие козни врагов революции не могли парализовать усилий большевиков по осуществлению намеченной ими и одобренной народом программы мира. Отразив первые наскоки контрреволюции в Петрограде и Москве, большевистская партия и Совет Народных Комиссаров приступили к практической реализации декрета о мире.

8 ноября генерал Духонин, исполнявший обязан-

¹ См. Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 291.

² См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 236; Ю. Я. Соловьев. Воспоминания дипломата. М., 1959, стр. 300.

ности верховного главнокомандующего, получил от Совнаркома распоряжение обратиться к командованию неприятельских армий с предложением немедленно прекратить военные действия и приступить к переговорам о перемирии¹. В тот же день Наркоминдел направил послам Великобритании, Франции, Италии, США ноту о том, чтобы считать декрет о мире официальным предложением немедленного перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров. С этим предложением, говорилось в ноте, Советское правительство обращается ко всем воюющим государствам, как Антанты, так и австро-германского блока². 9 ноября на совещании в американском посольстве представители союзных стран выработали единую линию поведения в отношении советского мирного предложения. Они решили на переданную им ноту не отвечать и ни в какие контакты с правительством Ленина не вступать. Это была тактика дипломатического бойкота, подчеркивавшая, что империалистическими державами взят курс на борьбу с Советской властью.

В свою очередь генерал Духонин категорически отказался выполнить данное ему предписание. В разговоре с В. И. Лениным по прямому проводу, состоявшемся в ночь на 9 ноября, Духонин цинично заявил, что он не признает Советское правительство и поэтому не намерен вести какие-либо переговоры от его имени³. Два дня спустя, обмениваясь взглядами по этому поводу с начальником генерального штаба генералом Марушевским, находившимся в Петрограде, Духонин не без определенного умысла сказал, что он «приступил бы к выполнению задачи привести Россию к миру путем соглашения с союзниками и враждебными государствами», если бы предложение об этом исходило от какого-либо другого правительства, а не от правительства большевиков⁴.

Приказом Совнаркома Духонин был отстранен от должности, а на его место назначен видный деятель

---

¹ См. «Декреты Октябрьской революции», ч. 1. М., 1933, стр. 47—48.

² См. «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 17.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 77—80.

⁴ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 205.

большевистской партии народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко. Военные и дипломатические представители империалистических держав игнорировали это решение и продолжали поддерживать с Духониным самую тесную связь, подстрекая его к открытому вооруженному выступлению против Советской власти. Имея за собой такую поддержку, Духонин действительно решил было попытать счастья. Мятежный генерал отказался выполнить распоряжение Совнаркома о его смещении, заявив, что он подчинится только указу правительствующего сената, являющегося, как он выразился, «высшим блюстителем законности в стране», и правительству, которое будет признано союзниками¹.

Обстановка требовала принятия решительных и безотлагательных мер для пресечения контрреволюционной деятельности ставки, препятствовавшей началу переговоров о перемирии. Отдав приказ об отстранении Духонина с поста верховного главнокомандующего, В. И. Ленин обратился по радио через голову контрреволюционных командных верхов непосредственно к революционным солдатам и матросам с призывом взять дело мира в свои руки. В обращении ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота говорилось: «Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира...

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»². Ленинское обращение было проникнуто уверенностью в успехе борьбы за мир. «Бдительность, выдержка, энергия,— подчеркивал Ленин,— и дело мира победит!»³ Во избежание обмана масс со стороны окопавшихся в ставке контрреволюционных элементов, пытавшихся выступить в качестве представителей «законной» власти, в обращении говорилось, что право на подписание окончательного соглашения о перемирии принадлежит только Совету Народных Комиссаров — единственно законной власти в пределах всей России.

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 199.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 82.

³ Там же.

Призыв В. И. Ленина к армии сыграл огромную роль. Он поднял фронтовиков на активную борьбу за мир, парализовал деятельность враждебных элементов, направленную на срыв переговоров о перемирии. Дальнейшее развитие событий очень скоро подтвердило ленинские слова о том, что мир не может быть заключен только сверху, его необходимо добиваться и снизу. Борьба солдатских масс за немедленное прекращение войны приняла настолько мощный размах и вызвала такое смятение в стане контрреволюции, что даже многие так называемые «Комитеты спасения родины и революции», состоявшие в большинстве своем из кадетов, правых эсеров и меньшевиков, тоже стали выступать с требованиями немедленного перемирия, дабы не быть сметенными революционной волной и сохранить хоть какое-то влияние среди солдат. В телеграмме от 9 ноября, посланной одним из подобных комитетов, находившимся в районе расположения Особой армии (г. Ровно), говорилось: «Комитет защиты родины и спасения революции... решительно протестует против отказа генерала Духонина в качестве главковерха принять соответствующие меры, так как на местах фактически не может быть и речи о продолжении ведения военных действий... Резко осуждаем призыв Обаркома (Общеармейского комитета.— В. В.) и препятствия, чинимые им перемирию. Ультимативно требуем от главковерха общего распоряжения о перемирии в течение 24 часов, в противном случае Особая армия заключит перемирие собственной властью — это единственное средство предотвратить ужаснейшую катастрофу»¹. Это заявление показывает, что в условиях, когда Духонин и его приспешники оказались изолированными от солдатских масс и их усилия помешать переговорам о перемирии потерпели неудачу, некоторые контрреволюционные группы пытались спешно перекраситься, изменить тактику, дабы не разоблачить себя окончательно в глазах армии.

Однако империалистам не было дела до настроений в армии и в стране. Они упорно стремились не допустить изменения внешнеполитического курса. 10 ноября начальники военных миссий при штабе верховного глав-

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 195.

нокомандующего, ссылаясь на договор от 23 августа (5 сентября) 1914 г., заключенный между царской Россией, Англией и Францией, к которому присоединились затем и другие участники антантовской коалиции, заявили Духонину решительный протест против каких бы то ни было переговоров с противником и приостановки военных действий. Угрожая «самыми тяжелыми последствиями», они потребовали выполнения принятых на себя царским и Временным правительством обязательств. (Нота протеста была подписана главами британской, французской, японской, итальянской и румынской военных миссий.)¹

Заявление это являлось грубым вмешательством в дела Советской республики. Оно было адресовано не столько «его превосходительству генералу Духонину», приверженность которого военной политике Антанты ни у кого не вызывала сомнений, сколько Советскому правительству. Не без рекомендации авторов, Духонин поспешил, явно в противовес обращению В. И. Ленина к армии и в целях запугивания солдатских масс, распространить заявление во всех частях действующей армии.

Но этим генералы и их высокопоставленные хозяева не ограничились. Они потребовали активизировать борьбу против Советской власти. 11 ноября начальники военных миссий стран Антанты предложили Духонину обратиться «ко всем политическим партиям» с призывом приложить все усилия к сохранению и укреплению порядка и дисциплины на фронте, вновь угрожая России гибельными последствиями за отказ участвовать в продолжении войны².

Услужливый генерал не заставил себя долго упрашивать. На следующий же день он выпустил сразу два «воззвания». В одном из них, адресованном строго по предписанию начальников военных миссий «всем представителям политических партий, городским, земским и крестьянским союзам», отставной главком от «имени армии» призывал к созданию антибольшевистского правительства³.

Другое его «воззвание», обращенное к солдатам, также призывало к созданию правительства из предста-

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 25.

² См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 212—213.

³ См. там же, стр. 218—219.

вителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, ратовало за верность договорам, заключенным с империалистическими державами, и т. п. Лицемерно называя империалистов защитниками демократического строя, Духонин пытался представить дело так, будто союзники не против заключения мира. Вся беда, дескать, в том, что в России нет такого «полномочного правительства», которое было бы вправе подписать мир. Духонин угрожал репрессиями за «самочинные» переговоры с неприятелем о мире ¹.

Все это было не чем иным, как слегка завуалированным призывом продолжать войну до победного конца, хотя эта неуклюжая уловка уже мало кого могла ввести в заблуждение. Народ давно изверился в подобных обещаниях и категорически отказывался кредитовать несостоятельных «подрядчиков». Характерно также, что в числе наиболее активных распространителей «патриотических» генеральских воззваний выступали обанкротившиеся правые эсеры и меньшевики ².

Одновременно в оборот было пущено еще одно не менее характерное обращение, в составлении которого явно чувствовался почерк самих союзников. В нем, в частности, говорилось: «Ввиду того, что масса армии и населения не имеет никакого представления о договорах и поэтому не может оценить значительности последствий несоблюдения Россией договора, которым союзные государства Согласия обязались не заключать ни сепаратного мира, ни перемирия, было бы желательным распространить в войсках с возможной ясностью и точностью краткое предупреждение о тех роковых последствиях для России, которые повлекли бы за собой нарушение договора, торжественно ею подписанного» ³.

Не удовлетворившись коллективными представлениями, некоторые союзники решили предпринять и самостоятельные демарши. 12 ноября начальник французской военной миссии при штабе верховного главнокомандующего генерал Лавернь, следуя предписанию, полученному лично от Клемансо, заявил Духонину, что Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров. Квалифицируя миролюбивую советскую внеш-

¹ «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 220.

² См. «Красная новь», кн. 11, 1927, стр. 166.

³ Там же, стр. 165.

ную политику, отвечавшую коренным интересам трудящихся всех стран, как преступную политику, французский представитель апеллировал к «патриотическому долгу» царских генералов. Лавернь прямо призывал Духонина отклонить всякие переговоры и по-прежнему держать русскую армию «лицом к общему врагу»¹.

С аналогичным заявлением двумя днями позже выступил и военный представитель Соединенных Штатов при русской ставке подполковник Керт, направивший Духонину «энергичный протест» против решения Советского правительства возбудить переговоры о мире. «Мое правительство,— подчеркнул в своей ноте Керт,— определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»². Между тем Советское правительство не устанно напоминало, что оно добивается не сепаратного, а именно всеобщего мира и обращается не к одному какому-либо правительству, а к правительствам всех воюющих государств, причем совершенно открыто.

После Октябрьской революции правительство Соединенных Штатов одним из первых наложило запрет на поставки в Россию по договорам, заключенным с Временным правительством, военного снаряжения и продовольствия. «Вывоз в Россию,— заявил госдепартамент,— возобновится только после образования устойчивого правительства, которое может быть признано Соединенными Штатами, но, если большевики останутся у власти и приведут в исполнение их программу заключения мира с Германией, нынешнее запрещение вывоза останется в силе»³. В приведенных документах отчетливо обнаружилась вся фальшь американской дипломатии, лживость и лицемерие вильсоновского миролюбия.

Осаждаемый и вдохновляемый представителями западных держав, Духонин 15 ноября вновь заверил их в своей неизменной преданности «союзническому долгу». Со своей стороны, заявил он старшему из глав иностранных военных миссий генералу Бартеру, до решения вопроса о перемирии и мире полномочной

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 215.

² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 33.

³ «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 210—211.

центральной правительственной властью в согласии с союзными державами я приму все доступные для меня меры, дабы не нарушить союзных обязательств.

Новым маневром внешней и внутренней контрреволюции была попытка организовать так называемый «совет», который бы взял на себя инициативу мирных переговоров в обход Совета Народных Комиссаров. Этот шаг, предпринятый под давлением нарастающего требования солдат начать переговоры, также был рассчитан на то, чтобы перехватить у Советской власти мирную инициативу, дискредитировать Советское правительство в глазах армии и создать новое правительство из представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий. Бывший верховный комиссар Временного правительства при штабе верховного главнокомандующего Станкевич составил записку, предусматривавшую создание при ставке «совета» для разработки мирных условий и изыскания путей к достижению мира. В этой записке, которая корректировалась лично Духониным, в частности, говорилось: «Путь к поднятию боеспособности армии и к ее дальнейшей боевой работе... лежит исключительно через мирные переговоры... я предполагаю просить верховного главнокомандующего генерала Духонина, не ожидая разрешения затяжного политического кризиса, образовать при ставке совет из представителей всех руководящих общественных организаций и областных управлений исключительно для того, чтобы в тесном контакте с представителями союзных правительств предпринять все необходимые меры к разработке мирных условий для обсуждения их с правительством союзных стран с целью немедленно предложить противнику». Нет сомнения, заключал автор, что такое совещание, берущее в свои руки важнейшую национальную проблему, будет пользоваться общенародным авторитетом и деятельность его в значительной мере облегчит и ускорит работу Учредительного собрания подготовкой всего необходимого материала для немедленного решения вопроса о войне и мире¹.

Как видим, и здесь обанкротившиеся оборонцы рассматривали вопрос о мире под углом зрения продолжения войны, поскольку Учредительное собрание было

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 221—222.

еще впереди. Кстати, именно в этот момент на фронте враждебным Советской власти лагерем распространялись слухи, что союзники якобы согласны при определенных условиях освободить Россию от обязательства не заключать мира в одностороннем порядке. Но к каким бы новым уловкам ни прибегала контрреволюционная ставка и стоявшие за ней силы, дни их были уже сочтены. 10 (23) ноября Крыленко экстренным поездом выехал на фронт для выполнения возложенных на него обязанностей верховного главнокомандующего. Однако Духонин, заручившись поддержкой Общеармейского комитета и представителей союзников, отдал приказ вернуть в Петроград отряд революционных солдат и матросов, сопровождавший Крыленко, а самого его «препроводить» в ставку, т. е. арестовать. В случае невыполнения данного приказа Духонин требовал преградить путь Крыленко силой оружия. Одновременно он пытался укрепить ставку надежными войсками, предписав командованию Юго-Западного фронта срочно прислать в Могилев 2-й Оренбургский ударный батальон и другие части¹. В свою очередь Общеармейский комитет выступил с заявлением о непризнании Крыленко в качестве верховного главнокомандующего и народного комиссара по военным делам.

В соответствии с указаниями Совнаркома Крыленко, прибыв на фронт, стал смещать контрреволюционный командный состав, и прежде всего высшее начальство, отказавшееся подчиниться распоряжениям Советской власти. Подавляющая часть армии решительно поддерживала действия нового главнокомандующего. В частях и подразделениях солдаты изгоняли реакционных командиров и на их место назначали новых, выбирая на командные должности революционно настроенных солдат и офицеров. Так по почину самих солдатских масс в армии вводилось выборное начало, утвержденное впоследствии декретом Совнаркома. Для оказания помощи солдатам в борьбе против реакционных генералов и офицеров по решению Центрального Комитета большевистской партии и Совета Народных Комиссаров на фронт было направлено большое количество опытных агитаторов, помогавших солдатам производить выборы нового командного состава.

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 231.

Введение выборного начала позволило окончательно вырвать армию из рук контрреволюционного командования, являвшегося в данный момент главным препятствием на пути к прекращению войны и началу переговоров о перемирии. Приказ Духонина не подчиняться распоряжениям нового верховного главнокомандующего и во что бы то ни стало, вплоть до оказания ему вооруженного сопротивления, сохранить за собой командование армией оказался бесполезным. Контрреволюционным генералам решительно не на кого было опереться. 11 ноября командующий 5-й армией Северного фронта генерал Болдырев докладывал Духонину: «Сегодня, 11 ноября, прибывает экстренным поездом в Двинск прапорщик Крыленко. Армискому 5 указано из Петрограда обеспечить ему меры личной безопасности и подготовить товарищей, знающих немецкий язык. Из этого я заключаю, что, в связи с бывшими радиотелеграммами, поездка эта может иметь попытку переговоров о мире. Ввиду того, что все комитеты армии, и в особенности армейский, явно большевистского направления, а идея немедленного мира очень живуча и остра в сознании солдатской массы, полагаю, что приезд этот будет встречен сочувственно, и помешать ему, не имея реальной силы, я не могу; все, даже более спокойные части, в таких случаях отговариваются соблюдением нейтралитета»¹.

Аналогичная картина была и на других фронтах. Начальник штаба Западного фронта генерал Вальтер вынужден был признать 12 ноября, что при общем настрое войск командующему фронтом генералу Баллуеву, если бы он и попытался сопротивляться приказу Крыленко о смещении, не на кого было бы опереться². В начале декабря армейские съезды 4, 6, 8 и 9-й армий Румынского фронта высказались за большевистскую программу, одобрили декреты II съезда Советов и введение выборного начала в армии. Решениями съездов смещались старые и избирались новые командующие армиями, создавались военревкомы³.

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 208.

² См. там же, стр. 217.

³ См. И. Г. Дыков. Румчерод и борьба за установление Советской власти на Румынском фронте. «Исторические записки», т. 57, 1956, стр. 16.

Попытки правых эсеров оказать содействие ставке также не увенчались успехом. Солдатская масса окончательно отошла от этой партии, убедившись в ее контрреволюционности. Упомянутый уже командующий 5-й армией доносил в ставку: «Партия социалистов-революционеров Армискома заявила о непризнании ею Крыленко как верховного главнокомандующего, но она корней в армии не имеет и к активному противодействию не способна»¹.

Выполняя решение Совета Народных Комиссаров, Крыленко 13 ноября направил из Двинска в расположение неприятельских войск парламентариев, уполномоченных запросить немецкое командование о согласии приостановить военные действия и приступить к переговорам о перемирии. Одновременно такой же запрос был послан немецкому командованию по радио. Отдельные войсковые части и соединения, следуя призыву Советского правительства, стали заключать локальные перемирия на своих участках фронта с противостоящими германскими войсками. Так, 5-я армия Северного фронта заключила с неприятелем соглашение о прекращении стрельбы. 14 ноября новый командующий Западным фронтом большевик подполковник В. В. Каменщиков разослал, по указанию Крыленко, во все армии фронта приказ о начале переговоров о перемирии и о выборах нового командного состава². Переговоры вели избранные на общих собраниях делегаты, члены полковых, дивизионных, корпусных и армейских комитетов. 19 ноября было заключено перемирие между русскими армиями Западного фронта и действовавшими против них германскими войсками. Договор о перемирии должен был оставаться в силе впредь до общего перемирия. Его подписали представители военно-революционного комитета Западного фронта солдаты Щукин и Фомин, младший унтер-офицер Берсон, делегаты 2-й армии врачи Тихменев и Петров, делегаты 3-й армии солдаты Лукьянов и Школьников, делегаты 10-й армии солдат Яркин и секретарь Хрусталеv. В качестве военно-технических советников русскую делегацию сопровождали офицеры генерального штаба капи-

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 223.

² См. там же, стр. 231.

таны Крузенштерн и Липский¹. Приведенный список показывает, что основными членами делегаций, принимавших участие в заключении перемирий, являлись рядовые солдаты.

То же самое происходило и на других фронтах. На Юго-Западном фронте, например, на участке Особой армии представители дивизионного комитета 122-й дивизии, минуя командный состав, вступили с неприятелем в переговоры. Условия перемирия, составленные в дивизионном комитете, были переданы ими в армейский комитет. На участке 8-й армии того же фронта Совет депутатов 32-й дивизии вступил 18 ноября в переговоры с делегацией 3-й австрийской армии. На следующий день военно-революционный комитет Особой армии разослал всем частям воззвание, в котором сообщалось о посылке им к неприятелю парламентаров. ВРК 11-й армии Юго-Западного фронта также принял 20 ноября решение направить в немецкие окопы своих представителей, чтобы поставить немецких солдат в известность о том, что верховный главнокомандующий Крыленко начал переговоры о заключении перемирия на всех фронтах². Значительно усилилось в этот период братание между русскими, австро-венгерскими и немецкими солдатами.

Контрреволюционная ставка оказалась не в силах помешать перемирию, была полностью изолирована и доживала последние часы. Однако, чувствуя за собой поддержку Антанты, реакционное командование упорно отказывалось сложить оружие. Оно все еще лелеяло надежду сохранить за собой в действительности давно уже утраченное руководство армией. Даже по оценке ее благожелателей, ставка в тот момент представляла собой «остров, отделенный от остальной части армии».

В состоянии крайней растерянности ставка, по согласованию с Общеармейским комитетом, стала срочно готовиться к переезду. Решено было перебраться в Киев или какое-либо другое место. Не последнее слово принадлежало в этом и военным представителям Антанты. Требуя от Духонина во что бы то ни стало сохранить за собой пост верховного главнокомандующего, они со

¹ См. «Протоколы ВЦИК II созыва». М., 1918, стр. 86—87.

² См. «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 23 ноября 1917 г.

своей стороны так же торопили его как можно скорее перевести свой штаб в Киев¹. 18 ноября руководство ставки приняло окончательное решение начать эвакуацию в южном направлении. Спешно формировались и загружались эшелоны. Однако планы эвакуации осуществить не удалось. 19 ноября созданный Могилевским Советом рабочих и солдатских депутатов военнореволюционный комитет, объявив себя высшей властью в городе, взял в свои руки и контроль над ставкой. В тот же день им был издан приказ о роспуске Общеармейского комитета, давно уже утратившего доверие солдатских масс и не отражавшего их воли. К тому же переговоры, которые вела ставка с Украинской радой по поводу своего переезда в Киев, не увенчались успехом, так как даже Рада побоялась иметь такого опасного соседа. 20 ноября ставка без сопротивления была занята отрядами революционных солдат и матросов, прибывших из Петрограда. Минска и других городов. Генерал Духонин, возбудивший своей контрреволюционной борьбой всеобщее негодование солдатских масс, был убит матросами.

За день до ликвидации ставки Духонин отдал приказ об освобождении из Быховской тюрьмы генералов Корнилова, Деникина, Маркова, Лукомского и др., арестованных после провала корниловского заговора. Освобожденные генералы поспешили скрыться, бежав на Дон к Каледину, и впоследствии возглавили борьбу белогвардейских войск против Советской республики. Есть все основания полагать, что освобождение «быховских узников» произошло не без вмешательства представителей Антанты, надеявшихся использовать их в борьбе с Советами. Лондонская «Таймс» откровенно писала 5 декабря 1917 г.: «Бегство Корнилова из тюрьмы может иметь большое значение...»

Ликвидация ставки явилась серьезным ударом по российской и союзнической контрреволюции, одной из важнейших побед в борьбе за упрочение Советской власти. 2 (15) декабря Советское правительство, не получив от западных держав ответа на свои неоднократные предложения приступить к мирным переговорам, заключило с германским блоком перемирие на 28 дней

---

¹ См. «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 241.

(с 4 (17) декабря по 1 (14) января) с автоматическим продолжением, пока одна из сторон не денонсирует его. Предупреждение о денонсации должно было сообщаться не менее чем за семь дней до истечения срока перемирия. По настоянию советской стороны Германия обязалась не увеличивать своих вооруженных сил на русском фронте и не производить никаких перебросок с русского фронта на западный. Этим самым Советское правительство лишний раз показало, что оно стремилось не к сепаратному, а всеобщему миру, не оставляя надежды склонить западные державы к переговорам.

Говоря о мирных переговорах с германским блоком, следует подчеркнуть, что империалистические круги входивших в него стран питали к социалистической революции столь же лютую ненависть, как и империалисты антантовской коалиции. И если они пошли на переговоры о прекращении войны, то только потому, что к этому их вынудило крайне тяжелое, по существу совершенно безвыходное, внутреннее положение, особенно в Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Правящие круги центральных держав также стремились к удушению русской революции, но, исходя из сложившейся обстановки, избрали иную тактику, чем англо-франко-американский блок.

Снова «русский вопрос»

17 (30) ноября в обстановке крайней напряженности в Париже открылась очередная союзническая конференция, запланированная еще до победы Октябрьского вооруженного восстания, как «самая важная», по словам Ллойд Джорджа, за все время войны. Было уже согласовано, что русскую делегацию возглавит министр иностранных дел Терещенко. Отъезжающие, как говорится, уже сидели на чемоданах, но в самый последний момент поездку ввиду назревавших событий пришлось отложить. А через несколько дней буржуазное Временное правительство навсегда прекратило свое существование. Конференция начала работать в совершенно иной обстановке.

В ней приняли участие главы правительств и министры иностранных дел стран Антанты, а также военные министры, начальники генеральных штабов и

другие высокопоставленные лица. В конференции участвовали и Соединенные Штаты Америки. Они были представлены специальным помощником президента Вильсона полковником Хаузом. Получили также приглашение и представители свергнутого Временного правительства посол во Франции Маклаков, формально еще не приступивший к исполнению своих обязанностей в связи с событиями в Петрограде, и бывший поверенный в делах Севастопуло.

Главным в повестке дня конференции оказался «русский вопрос». И раньше можно было ожидать, что он будет на первом месте. Теперь же это стало само собою разумеющимся. Следует подчеркнуть, что после Октябрьской революции «русский вопрос» вообще уже не сходил с повестки дня совещаний и конференций империалистических держав, выдвинувшись на передний край международной политики. Главным и основным его содержанием стала борьба против социалистической революции, хотя кое-кто и пытался потом утверждать, будто союзников занимала тогда исключительно военная сторона дела, а политические события в стране их мало интересовали. «Проблема, с которой столкнулись союзники, и в частности британское правительство,— писал Ллойд Джордж,— была чисто военной проблемой. Внутренние политические затруднения России нас как таковые не касались». Более того, стремясь якобы к максимальной «точности и объективности», автор приведенных строк добавлял, что союзники решили оказать поддержку лояльным по отношению к ним элементам, т. е. контрреволюционерам, «отнюдь не из антикоммунистических соображений»¹. Между прочим, эта «точка зрения» до сих пор занимает почетное место в буржуазной историографии, хотя ей давно нанесен сокрушительный удар работами советских историков, а отчасти и самими буржуазными авторами². Союзническая конференция в Париже обсуждала два документа: предложение Бьюкенена и меморандум Фоша. Остановимся вначале на первом из них.

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 87—88.

² См. «История дипломатии», т. III. М., 1965; «История внешней политики СССР», ч. I. М., 1966; Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. М., 1957; С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, и др.

Неоспоримый успех большевиков и их программы, явное бессилие и беспомощность тех кругов, на которые в течение истекших восьми месяцев революции опирались правительства Антанты и США, в конце концов заставили Бьюкенена более трезво взглянуть на факты, несколько более критически осмыслить союзническую политику в «русском вопросе». 14 (27) ноября он отправил в Лондон донесение, суть которого сводилась к следующему. Не соглашаясь на переговоры о всеобщем мире, страны Антанты должны добровольно освободить Россию от обязательства не заключать сепаратного мира, оставляя за ней право самой сделать выбор: добиваться ли ей мира или до победного конца сражаться на стороне антигерманской коалиции. Бьюкенен полагал, что только таким путем может быть еще удастся заставить Россию продолжать войну. «По моему мнению,— писал Бьюкенен,— единственно правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы возвратить России ее слово и сказать ее народу, что мы предоставляем ему самому решать, захочет ли он добыть себе мир на условиях, предложенных Германией, или продолжать борьбу вместе с союзниками, которые решили не складывать оружия до тех пор, пока не будут обеспечены твердые гарантии всеобщего мира»¹, т. е. до полного разгрома кайзеровской Германии и реализации намеченных Антантой планов.

Сокрушительный крах Временного правительства, полное банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий, решительная поддержка народом мирной политики Советской власти произвели на него, видимо, такое сильное впечатление, что он вынужден был заговорить совсем несвойственным ему языком. «Моим единственным стремлением и целью,— напоминал посол,— всегда было удержать Россию в войне, но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле».

Трудно даже поверить, что это писал тот самый человек, для которого, как и для его единомышленников, воля нации всегда оставалась не более чем пустым звуком или сводилась к воле правящей верхушки. Наконец-то появились первые проблески реализма, но только

---

¹ Д. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 292.

проблески. «Если что-нибудь и может принудить Россию возобновить военные действия,— продолжал Бьюкенен,— так это представление, что она совершенно свободна действовать по собственному усмотрению, без какого-либо давления со стороны союзников»¹.

К такому же выводу пришли и некоторые другие представители союзников. в частности непреклонный генерал Нокс, особенно настойчиво требовавший «наведения порядка». Кстати, именно Нокс, по свидетельству Бьюкенена, первым высказал ему мысль о необходимости «освободить Россию от ее обязательства». 13 ноября Нокс также отправил в Лондон телеграмму, в которой подчеркивалось, что, независимо от намерений правительства Ленина, русские войска на фронте настаивают на перемирии. «Совершенно ясно,— констатировал генерал,— что каковы бы ни были политические события в России, основной костяк русской армии отказывается продолжать войну»². Вывод весьма неутешительный, но не считаться с ним было уже просто невозможно. Выступая со своим предложением, Бьюкенен был обеспокоен стремительным ростом анти-союзнических настроений, вызванным упорным нежеланием правящих кругов держав Согласия положить конец ненавистой войне.

Особую опасность политики неуступчивости в вопросе о мире Бьюкенен усматривал в том, что она может толкнуть Россию на сближение с Германией и привести, таким образом, к полной потере ее для «дела Антанты», а это, естественно, сулило последние серьезные осложнения. «Если мы будем придерживаться точного смысла и настаивать на полном выполнении Россией обязательств, вытекающих из соглашения 1914 года, то этим самым мы будем играть на руку Германии. Каждый день, что мы удерживаем Россию в войне вопреки ее собственной воле, только озлобляет ее народ против нас. Освобождение России от обязательств позволит обратить национальное негодование русского народа против Германии, если мир будет оттягиваться или если он будет куплен слишком дорогой ценой». При этом Бьюкенен думал не только о текущей войне, но и

¹ G. Buchanan. My mission to Russia and others diplomatic memoirs, vol. II. London, 1923, p. 225—226.

² См. Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 84.

всматривался уже в политические дали. Он считал, что перспектива русско-германского сближения таит в себе серьезную угрозу для западных держав, и прежде всего для самой Англии. «Для нас,— продолжал он,— вопрос жизни и смерти — отпарировать этот последний ход Германии, так как русско-германский союз после войны будет представлять постоянную угрозу для Европы, особенно же для Великобритании»¹. (Посол имел в виду, конечно, не Советскую, а буржуазно-помещичью Россию, ибо установление власти Советов он считал явлением временным. Что касается большевиков, то они были решительными противниками союза с какими бы то ни было империалистическими блоками.)

Как явствует из вышесказанного, Бьюкенен вовсе не отказался от мысли удержать Россию в войне. Он предложил лишь несколько изменить тактику, приспособить ее к данному «трудному» моменту. В целом смысл его предложения сводился к тому, чтобы помочь антибольшевистским силам вернуться к власти, изыскать наиболее реальный путь удушения социалистической революции, после чего можно будет снова рассчитывать на получение дешевого пушечного мяса. «Я вовсе не защищаю,— спешил оговориться посол,— какого-либо соглашения с большевистским правительством. Напротив, я думаю, что принятие указанного мною курса выбьет из их рук оружие, так как они будут уже не в состоянии упрекать союзников в том, что они гонят русских солдат на убой во имя своих империалистических целей»².

Однако участники конференции не отважились пойти даже на такой робкий шаг, опасаясь создать «нездоровый прецедент» и усилить антивоенное и революционное движение в собственных странах. В безвыходном положении своей давней союзницы лидеры Антанты не видели законного основания для прекращения войны. Они считали, что последнее надо расценивать не иначе, как измену «союзническому долгу», ибо в противном случае антантовская пропаганда будет не в состоянии убеждать другие народы в необходимости продолжения войны. В ходе жарких прений Клемансо, по свидетельству Ллойд Джорджа, так и заявил, что

---

¹ G. Buchanan. Op. cit., vol. II, p. 226.

² Ibidem.

заклучение Россией сепаратного мира будет означать предательство по отношению к «союзникам», и если бы даже «все силы небесные просили его освободить Россию от данного ею слова, то и тогда он отказал бы в этом»¹.

В результате было решено предложить союзным послам довести до «всеобщего сведения», что их правительства готовы рассмотреть вопрос о целях войны, а также о возможных условиях справедливого и прочного мира, «как только в России появится устойчивое правительство, признанное своим народом»². В редакции Ллойд Джорджа эта часть звучала еще более цинично. «Как только в России будет создано нормальное правительство, имеющее право говорить от имени русского народа»³.

Уже сама эта формулировка не оставляла сомнений в том, что правящие круги англо-французского блока твердо взяли курс на свержение Советской власти, о чем и спешили сообщить всем контрреволюционным силам внутри России. Соответствующие инструкции были даны ими своим представителям в Петрограде сразу же по окончании конференции.

Таким образом, политическая «мудрость» союзников не шла дальше обещания еще раз «поговорить» за закрытой дверью об условиях будущего мира, а не о самом мире, который по-прежнему оставался запретной темой, преждевременным и рискованным шагом. В то же время они совершенно открыто заявили о поддержке ими внутренней контрреволюции.

Центральное место в работе конференции заняло обсуждение меморандума начальника французского генерального штаба генерала Фоша «О мерах, которые необходимо принять в отношении России». Основная идея его сводилась к обоснованию необходимости скорейшего свержения Советской власти путем совместных усилий внутренней и внешней контрреволюции, необходимости иностранной военной интервенции и путей ее осуществления.

В этом документе отмечалось, что перед западными

---

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 87.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 297; «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 255.

³ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 87.

державами и Японией стоит неотложная задача «поддержать и укрепить все элементы сопротивления, которые существуют еще на Восточном фронте — в России и в Румынии». По мнению Фоша, румынская армия, «сильная своими 15 испытанными дивизиями», должна была составить костяк, вокруг которого следовало объединить все элементы Юга России, способные еще продолжать борьбу с Германией: донское казачество, украинских и кавказских националистов и т. д. Но чтобы указанные «центры сопротивления» могли существовать и получать нужное им оружие и боеприпасы, союзникам предлагалось овладеть транссибирской железнодорожной магистралью, а в случае надобности — усилить контрреволюционные группировки «новыми контингентами и подготовить военную интервенцию, послав им на помощь войска»¹.

В принципе предложения Фоша были одобрены всеми ее участниками, хотя между ними и возникли некоторые разногласия. Но они касались не основной идеи меморандума — необходимости свержения Советской власти, а лишь методов ее реализации. Некоторые из участников конференции, в частности Ллойд Джордж и полковник Хауз, требуя всемерной активизации анти-советской борьбы, высказались пока против немедленной вооруженной интервенции союзников, ссылаясь на то, что это «бросило бы Россию в объятия Германии».

На самом деле причина, конечно, крылась в другом: западные державы не располагали необходимыми силами. Смертельная схватка с австро-германским блоком не давала им возможности в данный момент выделить сколько-нибудь значительное количество войск и транспортных средств для посылки в Россию. Свободными силами располагала Япония, но она предпочитала ограничить пока свои действия Дальним Востоком. «Было бы соблазнительно,— писал Ниссель,— ввести в Россию союзные войска, чтобы восстановить там порядок. Однако японцы не проявляли к этому интереса, а для перевозки морем английских или французских войск в достаточном количестве в порты на севере и тем более на Дальнем Востоке требовались месяцы.

---

¹ J. Morley. *The Japanese Thrust into Siberia*. New York, 1957, p. 326—327.

Следовательно, приходилось довольствоваться более скромной ролью»¹. Вот почему представители Англии и США предлагали сосредоточить пока все внимание на мобилизации сил внутренней контрреволюции, помогая ей как можно скорее объединиться и организовать, предоставляя в ее распоряжение необходимые финансовые средства, военное снаряжение и боеприпасы.

Современные буржуазные историки, пытаясь как-то объяснить провалы политики Антанты и США в отношении России, всячески стараются выпятить предложение Бьюкенена. Многие авторы обвиняют руководителей западных стран в том, что они не сумели проявить должной гибкости в отношении своей бывшей союзницы и, в конечном счете, позволили укрепиться Советской власти и выйти России из войны. Английский историк Уилер-Беннет, например, по этому поводу довольно категорично утверждает: «Если бы политика Бьюкенена была принята, то вся последующая история Брест-Литовского мира была бы совсем иной»². Эта же мысль повторяется в работах Вильямса, Уорса, Кеннана и других западных историков. Но при этом старательно обходится или всячески затушевывается тот факт, что английский посол тоже всячески стремился удержать Россию в войне, с той только разницей, что он изыскивал для этого более реальный, с его точки зрения, путь.

Точно так же многие буржуазные авторы явно преувеличивают разногласия, имевшие место на данной конференции. Делается это явно из желания оправдать правящие круги своих стран и переложить ответственность на правительства других государств. Особенно здесь отличаются англо-американские историки. Английские историки, например, стараются подчеркнуть, будто предложение Бьюкенена было одобрительно встречено Ллойд Джорджем, Бальфуrom и Хаузом, но в конце концов отклонено из-за неуступчивости Клемансо и Соннино. В свою очередь американские авторы всячески выгораживают Вильсона и Лансинга и возлагают всю ответственность на руководителей других стран, в том числе и на англичан. Отдельные авторы пытаются создать у читателя впечатление, якобы

¹ H. Niessel. Le triomphe des bolchéviks et la paix de Brest-Litowsk. Souvenirs 1917—1918. Paris, 1940, p. 95.

² J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litowsk, London, 1956, p. 77.

Ллойд Джордж и Вильсон требовали проведения иной политики в «русском вопросе», нежели открытое поощрение контрреволюции и изоляция Советской власти. Действительные факты опровергают эти измышления.

Разумеется, среди антантовской коалиции имелись отдельные разногласия и противоречия в отношении методов осуществления поставленной цели и тактической линии, наиболее целесообразной в тех или иных обстоятельствах. Судя по меморандуму Фоша, французское правительство было сторонником открытых и немедленных интервенционистских действий. Правительства Англии и США выступали за проведение более «гибкой» политики. Но что касается основной цели — свержения Советской власти и удушения социалистической революции, то здесь все империалистические державы оставались едины в своем стремлении. «Никогда,— справедливо замечает американский историк Вильямс,— мнение Вашингтона, Лондона и Парижа не расходилось в отношении главной цели — низвержения Советского правительства»¹. Изучение дальнейших мероприятий западных держав и Японии в «русском вопросе» свидетельствует как раз о том, что в целом они осуществлялись именно в направлении, намеченном в меморандуме Фоша. Основные положения его были конкретизированы и уточнены в ходе последующих переговоров союзников по поводу развертывания интервенции.

Буквально накануне открытия Парижской конференции близкая к правительственным кругам и хорошо осведомленная «Таймс» откровенно писала: «Союзники учитывают, что Юг России уже не находится под властью большевиков», и поэтому они намерены установить с находящимися там «патриотическими» (т. е. контрреволюционными) силами, возглавляемыми Калединым, связь через Персию или по транссибирской железной дороге с целью оказания им всяческой поддержки. «Рано или поздно большевистское движение должно пасть»,—предрекала газета и добавляла: «...в наших интересах, чтобы оно пало как можно скорее». С таким же непревзойденным политическим цинизмом писали об этом другие английские, равно как

---

¹ W. A. Williams. Op. cit., p. 135.

и американские, реакционные газеты, синхронно отражая настроение империалистических правящих кругов Антанты и США.

Таким образом, ноябрьская конференция в Париже наметила две основные линии в борьбе с Советской властью. Во-первых, было решено во что бы то ни стало сорвать или как можно дольше оттянуть заключение мира, сделать этот мир по возможности более тягостным для России. Во-вторых, помочь внутренней контрреволюции организовать и объединить свои силы, оказать ей необходимую финансовую и другую материальную помощь, имея в виду прибегнуть и к прямому вооруженному вмешательству. В этих двух направлениях империалисты и развивали в дальнейшем свою антисоветскую деятельность.

Империалисты Антанты разграничивают «зоны действия»

Следующим важным шагом в разработке интервенционистских планов Антанты в отношении Советской России явилась англо-французская конференция в Париже, состоявшаяся 9—10 (22—23) декабря 1917 г. С английской стороны в конференции приняли участие заместитель Бальфура лорд Сесиль и военный министр лорд Мильнер. Франция была представлена самим премьером Клемансо и министром иностранных дел Пишоном. На конференции рассматривался новый меморандум по «русскому вопросу», исходивший на этот раз от англичан. (Предварительно он подвергся тщательному рассмотрению британским военным кабинетом.)

В соответствии с меморандумом 10 (23) декабря между Англией и Францией было заключено секретное соглашение (подписанное Клемансо и Сесилем) о разделе России на английскую и французскую «зоны действия». В английскую зону вошли Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия и северная часть европейской территории России; во французскую — Украина, Крым и Бессарабия¹.

---

¹ «Documents on the British Foreign Policy, 1919—1939», First Series, vol. III. London, 1949, p. 369—370.

Согласно меморандуму, Англия и Франция поставили перед собой задачу «убедить южную русскую армию возобновить войну», и с этой целью они решили предоставить субсидии Каледину и другим контрреволюционным генералам и атаманам. Было признано необходимым, чтобы в намеченных расходах приняли участие и Соединенные Штаты. (Позже была достигнута договоренность, что Сибирь и Дальний Восток являются преимущественно зонами действия США и Японии.)

Помимо финансирования контрреволюционных сил английское и французское правительства приняли на себя добровольное обязательство через своих агентов и чиновников воздействовать и оказывать поддержку различным контрреволюционным правительствам и их армиям в организационном отношении, но при условии, чтобы все это делалось «без всякого шума», дабы избежать по возможности обвинения в подготовке и проведении войны против большевиков¹. Однако сам Ллойд Джордж вынужден был признать, что провести намеченные мероприятия «втихую» было просто невозможно².

Для руководства намеченными операциями Англия, Франция, США, Италия и Япония должны были назначить своих представителей. Последним предписывалось для обеспечения полного единства действий поддерживать между собой контакт через специальных агентов. На конференции был рассмотрен также вопрос о возможности возвращения в Южную Россию царских офицеров, находившихся в тот период в Англии и во Франции. Как показали последующие события, многие из них прибыли в Россию с заданиями по развертыванию вооруженной борьбы.

К этому времени страны Антанты и США уже установили достаточно прочные связи с контрреволюцией Дона, Кавказа, Украины и Финляндии. После провала антисоветских выступлений в Петрограде и Могилеве их взоры были устремлены главным образом на Каледина и Украинскую раду: с ними они связывали теперь свои основные надежды на разгром большевизма.

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 330—331; Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 94—95.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 88.

Еще до победы Октябрьской революции Дон превратился в один из опаснейших очагов контрреволюции, которому отводилось важное место в подготовке второй корниловщины. После свержения Временного правительства власть на Дону захватил в свои руки атаман Каледин, штаб-квартирой которого стал Новочеркасск. Уже 26 октября Каледин заявил, что он не признает власти Советов и намерен вести беспощадную борьбу против большевизма. В обращении, выпущенном за его подписью от имени Войскового правительства, Каледин заявил: «Ввиду выступления большевиков с попытками низвержения Временного правительства в Петрограде и в других местах Войсковое правительство... окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной властью Войсковое правительство временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России, с 25 сего октября приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области». С огромной радостью было встречено это заявление атамана Каледина правящими кругами Запада и реакционной буржуазной прессой.

Вскоре в Новочеркасск пробрались генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Алексеев и некоторые видные кадетские деятели. Они приступили к формированию так называемой Добровольческой армии, которая, по словам американского историка Чемберлина, возникла как «отборная сила антибольшевизма». Судя по письму Алексеева генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего Дитерихсу, датированному 8 ноября 1917 г., инициаторы формирования Добровольческой армии намеревались создать на Дону «сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного». Эта цель, подчеркивал царский генерал, «в своем осуществлении не должна быть откладываема далеко. Нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться». Он выдвигал план формирования «реальной, прочной, хотя и небольшой армии» из офицеров, юнкеров и гардемарин, необходимой «для будущей активной политики». При этом главная

надежда «спасителей» русского государства возлагалась на содействие англо-американского и французского капиталов.

Выступая позже на одном из заседаний войскового правительства (18 января 1918 г.), генерал Алексеев говорил: «В октябре месяце в Москве был организован «Союз спасения России» (известный еще под названием Московского центра.— В. В.). Организаторами этого союза являлись, главным образом, представители кадетской партии. Союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами, для каковой цели я и приехал на Дон, как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы — офицеры и юнкера, из которых мною и была образована Добровольческая армия».

Еще более определенно о целях стекавшихся на Юг контрреволюционеров говорилось в письме Алексеева, адресованном французской миссии в Киеве. «Я предполагал,— писал генерал,— что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка. Я рассматривал Дон как базу для действий против большевиков»¹. Об этом же совершенно открыто заявлялось и в официальной «правительственной» декларации, опубликованной вождями донской контрреволюции 27 декабря 1917 г. В ней подчеркивалось, что первая непосредственная цель организуемой Добровольческой армии состоит в противодействии большевизму, о борьбе с Германией упоминалось лишь для проформы.

Обращая внимание революционных масс на активизацию контрреволюции на Дону, «Правда» писала 2 (15) декабря: «Каледин, собрав вокруг себя шайку казаков-помещиков, организовал отдельное государство и стал совместно со своими кадетскими друзьями сочинять проекты по организации центральной власти в России на смену власти народных комиссаров».

Перспектива сколотить на Дону надежные антибольшевистские силы сразу же приковала к себе внимание союзных империалистов, которые поспешили «навести мосты» к этому химерическому «государству». На юг

---

¹ См. «Пролетарская революция на Дону», т. IV. М.—Л., 1924, стр. 227.

России устремились многочисленные эмиссары Запада, предлагая свои щедрые услуги. К тому же белогвардейщина сама лихорадочно искала помощи и содействия со стороны империалистов Запада. Так что это было обоюдное желание и стремление внутренних и внешних врагов социалистической революции. 10 ноября английского посла посетил крупный банкир князь Шаховской, сообщивший, что Каледин и Алексеев собирают силы для похода на Москву и Петроград с целью свержения большевистского режима и хотят заручиться поддержкой союзников, просят предоставить им финансовую помощь. На это посол ответил, что, по его мнению, «союзники будут приветствовать любое сильное, стабильное и законно созданное правительство, которое готово удержать Россию в войне»¹.

Помощь последовала незамедлительно. В беседе с Нисселем 20 ноября (3 декабря) Бьюкенен поведал последнему, что после ареста Временного правительства он постоянно поддерживает связь с Калединым и оказывает ему финансовую поддержку. То же сообщал он и в своих донесениях в Лондон².

Развивали активность в этом направлении и представители Франции в России. Начальника французской военной миссии Нисселя также посещали эмиссары Каледина; один из них в чине генерала просил на содержание казачьих войск 100 тысяч рублей. По свидетельству Нисселя, генерал Алексеев дважды присылал ему письма с предложением о поддержании контактов, на что давались положительные ответы. Члены французской военной миссии, посещавшие резиденцию белогвардейских генералов в Новочеркасске, докладывали Нисселю о просьбе Каледина и К⁰ предоставить им денежную помощь на содержание двух армейских корпусов³. Посланный на Дон полковник Гюше уведомил Алексеева о решении французского правительства предоставить ему в кредит 100 миллионов руб. «с целью восстановления порядка в России и продолжения войны против центральных держав»⁴.

¹ R. Ullman. *Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Intervention and the War*. Princeton, 1963, p. 11.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 294, 296.

³ H. Niessel. *Op. cit.*, p. 107.

⁴ «*Foreign Relations, 1918. Russia*», vol. 2, p. 609.

Советское правительство знало о связях союзных представителей с агентами Каледина, об их помощи белогвардейщине с целью подавления революции, но оно проявляло большую выдержку и терпение, не принимая по отношению к ним каких-либо санкций в надежде, что в конце концов они сделают для себя правильные выводы.

Каледин и его окружение не довольствовались тайными связями с эмиссарами Запада; они спешили установить с империалистическими державами официальные дипломатические отношения, к чему последние относились весьма благосклонно. 16 ноября Нокс писал начальнику английской военной разведки о приезде с Дона «надежного русского», уведомившего о создании контрреволюционного юго-восточного союза и о большом желании созданного в Новочеркасске правительства иметь у себя представителя Англии. Нокс предложил послать туда капитана Ноэля, находившегося в Тифлисе, на что тут же последовало согласие¹. Другой английский агент направился в калединскую столицу из Ясс.

Соглашение о разграничении «зон действия» еще более активизировало деятельность союзников в указанном направлении. В начале 1918 г. начальник французской военной миссии в Яссах генерал Бертело командировал капитана Борда в Новочеркасск для передачи полковнику Гюше 7 миллионов франков, предназначавшихся для белогвардейцев. Однако Борду удалось добраться до места назначения уже после изгнания Добровольческой армии из Ростова и Новочеркасска, когда сам Гюше и его помощники находились под арестом. Вскоре, правда, они были освобождены. Борд вручил 3 миллиона франков отправившемуся в Москву Гюше, а сам предпринял вояж по Южной России, раздавая деньги находившимся там французским консулам, которые субсидировали затем контрреволюционеров².

Выступая на заседании войскового правительства Дона 18 января 1918 г., Алексеев подтвердил, что Добровольческая армия и ее организаторы получают финансовую поддержку от западных держав. Компенсацией

---

¹ R. Ullman. Op. cit., p. 45.

² См. «Вопросы истории», 1965, № 4, стр. 194.

за эту поддержку служила прежде всего их непримиримая борьба с Советской властью. По свидетельству генерала Казановича, одного из соучастников авантюры Алексеева, к февралю 1918 г. западные державы предоставили белогвардейцам Дона 500 тысяч руб.¹ (Эта сумма, судя по многим другим источникам, является явно заниженной.) Правда, главари белого движения утверждали впоследствии, что полученные ими суммы были незначительны и к тому же поступали несвоевременно, и это вызывало у них некоторое недовольство союзниками, стремившимися как всегда извлечь максимальную пользу из своей «помощи».

Не менее пристальное внимание иностранных империалистов привлекала к себе Украина. В ноябре в Киев, где в то время хозяйничала контрреволюционная Рада во главе с генеральным секретариатом, прибыли из ставки английская и французская военные делегации, имевшие инструкции «делать все, чтобы мешать заключению сепаратного мира с Германией» и предложить поддержку от имени своих правительств. Представители английской делегации полковник Чарльз, а французской Гравье и Перлие посетили генеральный секретариат с целью выяснения общей обстановки, пытаясь нащупать почву для установления тесных контактов с украинскими националистами.

Вслед за ними в Киев пожаловали начальник французской военной миссии при штабе Юго-Западного фронта генерал Табуи и английский майор Фитц-Вильямс. Союзники вообще и Франция в особенности, заявили они на встрече с министром иностранных дел Рады А. И. Шульгиным, «наблюдают с огромным сочувствием за политическим и национальным возрождением Украины», и, предлагая свою помощь, правительства Антанты хотели бы знать, чем они могут быть полезны. Все это было изложено затем в специальной ноте.

Не дав окончательного ответа, Шульгин сообщил, что для начала переговоров необходимо предварительное признание Антантой «Украинской демократической республики» и установление с нею дипломатических отношений. 29 ноября он направил союзным посольствам

---

¹ См. «Архив русской революции», т. VII, стр. 185.

в Петрограде ноту, уведомлявшую о провозглашении независимости Украины, в которой выражал готовность раболепно следовать диктату западных держав.

Столь радушное приглашение не заставило себя долго ждать. Вскоре генерал Табуи был назначен французским комиссаром на Украине. 5 декабря в сопровождении вице-консула в Киеве Арке, военных атташе Ванье и Дентца он представился главе генерального секретариата Винниченко и Шульгину. Зачитав официальное заявление о признании Украинской рады и своем назначении в качестве полномочного представителя французского правительства, Табуи подчеркнул, что Франция поддержит всеми своими моральными и материальными силами Украину в тех усилиях, которые она предпримет, чтобы продолжать идти по пути, начертанному Антантой.

В следующем месяце английский представитель в Киеве Багге уведомил Винниченко о назначении его единственным представителем Великобритании на Украине в данный момент. Несколько позже Багге заявил, что Англия «окажет всю возможную помощь украинскому правительству в выполнении его задачи по введению хорошего управления, поддержанию порядка и борьбы против центральных держав».

Разумеется, и здесь, как и на Дону, на первом плане стояла задача подавления социалистической революции. В этой связи в одной из секретных записок, вышедших из недр миссии Табуи, говорилось: «Украина представляла для нас совершенно исключительный интерес своим значением, своим географическим положением и богатствами сельскохозяйственными и промышленными. Было необходимо срочно поддержать Украину, чтобы она могла образовать блок против главного врага»¹, т. е. против Советской власти.

Как свидетельствовал в своих воспоминаниях А. Шульгин, западные державы неоднократно предлагали украинским националистам техническую помощь, государственные займы и всевозможные товары. Известно, например, что англичане ставили вопрос о возможности передачи Раде товаров, находившихся во

---

¹ «Борьба классов», 1931, № 2, стр. 74.

владивостокском порту, а Франция предоставила ей заем в 180 миллионов франков¹.

Такая щедрость была вполне понятной. В упомянутой секретной записке миссии Табуи определенно сказано, что Франция и ее союзники стремились поддерживать «различные автономные группировки» (на Украине, в Бессарабии, казачьих областях и на Кавказе), надеясь свергнуть с их помощью Советскую власть. Ту же самую мысль отразил в своих мемуарах Ниссель, полагавший, что наряду с Румынией, казачьими областями и Кавказом Украина могла бы стать «фактором внутреннего порядка и элементом военного сопротивления»².

Конечно, жизнеспособность русского государства, о которой «пеклись» тогда союзники, меньше всего занимала их. Свержение Советской власти и расчленение России путем отделения от нее наиболее важных в экономическом отношении областей — таково было основное содержание русской политики западных держав в рассматриваемый период. Англия и Франция активно поддерживали сепаратистские тенденции контрреволюционных сил на Дону, Украине и в Закавказье, помогая в то же время созданию единого антисоветского фронта.

Подобный курс избрало и Вашингтонское правительство. Хотя Соединенные Штаты формально и не принимали участия в подписании указанного соглашения о разделе России на зоны действия, однако они были в курсе дела. Английский меморандум, предусматривавший участие США в финансировании белогвардейских групп, был передан в госдепартамент американским послом в Лондоне Пейджем. Американский представитель в Межсоюзном совете по военным закупкам и финансовым вопросам в Париже Кросби информировал Вашингтон и об общем характере самого англо-французского соглашения. Никаких «принципиальных» возражений со стороны правительства Вильсона, как известно, не последовало. Известный американский историк и дипломат Д. Кеннан признает: «Едва большевики взяли под свой контроль Петроград, как союзники возложили свои надежды на сепаратизм»³. Признание

¹ «Борьба классов», 1931, № 2, стр. 18.

² H. Niessel. Op. cit., p. 107.

³ G. Kennan. Russia leaves the War. Princeton, 1956, p. 181.

Кеннана в полной мере относится и к самим Соединенным Штатам.

27 октября американский консул в Тифлисе Смит общался в госдепартамент о необходимости финансовой помощи кавказским сепаратистам. Предоставление ее, писал он, «явно в интересах союзников». По предположениям Смита, для этой цели могло потребоваться 10 миллионов долл. 5 ноября Смит снова вернулся к данному вопросу, считая вполне реальным объединение антибольшевистских сил Кавказа с контрреволюционными силами других районов страны. «Преимущества,— писал он,— которые союзники могут получить от удержания в своих руках линии Урал — Волга — Донбасс, зерновых, угольных и нефтяных ресурсов всей России, очевидны и смогут дать ядро для армии, с помощью которой можно будет увеличить германские трудности и удержать немецкую армию на восточном фронте». Спустя несколько дней, сообщая о предстоящем объединении закавказского правительства с южной федерацией, Смит в третий раз напоминал о своем предложении об оказании финансовой поддержки этим силам¹.

Телеграммы Смита не остались в госдепартаменте без внимания. Информировав о них полковника Хауза, прибывшего в Париж для участия в союзнической конференции, Лансинг просил его проконсультироваться с ответственными представителями Англии и Франции по данному вопросу, а также относительно возможности официального признания закавказского правительства.

19 ноября (2 декабря) Хауз сообщил в Вашингтон об обмене взглядами с Ллойд Джорджем, Клемансо и Соннино по всем этим вопросам, в ходе которого они договорились оказать помощь внутренней контрреволюции в борьбе за свержение Советского правительства. Помощник президента выразил некоторые опасения за последствия такого шага, но в то же время признал, что без поддержки извне контрреволюционеры неминуемо потерпят крах.

Тем временем Смит не переставал бомбить госдепартамент своими предложениями о безотлагательной помощи антибольшевистским силам через Сибирскую

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 2, p. 580—581, 582.

железную дорогу. 28 ноября (11 декабря) он снова настойчиво рекомендовал Лансингу помочь деньгами, людьми, вооружением так называемой Юго-Восточной федерации, Каледину, Украинской раде и другим антисоветским элементам¹. По его мнению, объединенные силы контрреволюции на юге России, контролируя все продовольственные ресурсы страны, значительно способствовали бы своему успеху в борьбе с большевиками. Ретивый американский консул посоветовал даже направить союзные войска в указанные районы. Подобные предложения поступали и от других американских представителей в России. О планах объединения контрреволюционных сил Кавказа и калединского казачества с целью борьбы с большевиками сообщал также в госдепартамент посол США в Швеции Моррис².

Позиция самого американского правительства в отношении Советской России нашла отражение в меморандуме государственного секретаря Лансинга от 27 ноября (10 декабря) 1917 г., в основу которого легли предложения американских представителей в России Френсиса, Смита, Саммерса и других. Прежде всего, в меморандуме подчеркивалось, что большевики определенно стремятся вывести Россию из войны, и чем дольше они будут находиться у власти, тем вероятнее заключение мира. Выпадение же России из Антанты затянет войну на целых два-три года и потребует от США значительного увеличения расходов и новых контингентов войск. Именно эти обстоятельства, отмечалось в меморандуме, и побуждают вашингтонское правительство принять необходимые меры к «исправлению» сложившегося в России положения. Формулируя задачи американской политики в отношении молодой Советской республики, автор меморандума подчеркивал невозможность для Соединенных Штатов признать большевистское правительство прежде всего потому, что оно является носителем социальной революции, и считая необходимым бороться с ним, он предлагал опираться на какую-либо сильную личность, способную создать дисциплинированную военную силу, достаточно мощную для восстановления «порядка» и обеспечения

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 2, p. 584, 588.

² Ibid., p. 586.

управления. Свои надежды он связывал с группой белогвардейских генералов во главе с Калединым, высказываясь за оказание им, при сохранении строжайшей тайны, необходимой материальной поддержки. «Надежда на создание устойчивого русского правительства,— писал Лансинг,— заключается ныне в военной диктатуре, могущей быть установленной лояльными (т. е. контрреволюционными.— В. В.) дисциплинированными войсками. Единственным заметным ядром для организованного движения, достаточно сильного, чтобы смести большевиков и создать правительство, может быть, как мне представляется, группа высших офицеров во главе с атаманом донских казаков генералом Калединым»¹.

Именно на контрреволюционную часть казачества Лансинг рекомендовал обратить наибольшее внимание. По его мнению, начать следовало с посылки Каледину специального обращения, в коем подчеркивалось бы, что Соединенные Штаты не признают власти Советов и готовы признать такое правительство, которое способно «восстановить порядок в России и вернуть ее на путь международных обязательств» (т. е. реставрировать буржуазный режим и возобновить войну против Германии). Не скрывая меркантильных соображений, свойственных американской политике, государственный секретарь не без цинизма писал, что Россия заслуживает «спасения», так как это позволит Соединенным Штатам уберечь сотни тысяч своих соотечественников и сэкономить миллионы долларов.

Руководитель внешнеполитического ведомства старательно доказывал, что это единственно возможная политика, так сказать, «наименьшее зло», и у правительства Соединенных Штатов нет иного выхода. «Я не считаю,— заключил он,— что возможно какое-либо ухудшение нашего положения от такой политики, поскольку у нас все равно нет абсолютно никаких надежд в случае сохранения большевиков у власти».

Под конец Лансинг принялся расхваливать Каледина, Алексеева и Корнилова, полагая, в частности, что первому из них обеспечена полная поддержка кадетов и всего буржуазно-помещичьего класса. И так думал

---

¹ «The Lansing Papers», vol. II, p. 343.

не только Лансинг, но и большинство ответственных представителей американского правительственного и дипломатического аппарата. Соображения государственного секретаря встретили полное одобрение и самого президента Вильсона¹. Таким образом, и правящие круги Соединенных Штатов ориентировались на установление контрреволюционной военной диктатуры в России.

Разработав эту «новую» доктрину и получив санкцию президента, госдепартамент приступил к ее практической реализации. Американским представителям в России и других странах были даны соответствующие инструкции и указания, которые с течением времени несколько видоизменялись, уточнялись, но суть их оставалась прежней: это подавление социалистической революции, ликвидация советского строя.

29 ноября (12 декабря) госдепартамент препроводил в Париж на имя своего представителя в Межсоюзном совете по военным закупкам и финансовым вопросам помощника министра финансов Кросби письмо, в котором подчеркивалась необходимость поддержки контрреволюционных сил внутри России. В письме говорилось, что из Москвы и Тифлиса продолжают поступать «обнадеживающие сообщения» об ослаблении власти Советов и об усилении антибольшевистского движения, причем наибольшие надежды возлагаются на силы, группирующиеся вокруг Каледина и Корнилова. Именно они, разъяснялось финансисту, смогут восстановить порядок в России и продолжить войну с германским блоком. Обстановка в России складывается так, что налицо явная угроза выхода ее из войны, а поэтому «всякое движение, имеющее своей целью предотвращение такой опасности, должно быть поддержано»².

В письме к Кросби указывалось на желательность оказания Каледину финансовой помощи, но не прямо, а через посредников, так, чтобы сами Соединенные Штаты оставались в тени. «Предложите Англии и Франции,— предписывалось Кросби,— оказать необходимую помощь калединскому движению, а наше правительство предоставит им средства»³. Одновременно

¹ «The Lansing Papers», vol. II, p. 345—346.

² Ibid., p. 345.

³ Ibid., p. 346.

нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк» начал переговоры о предоставлении Каледину займа на сумму в 500 тысяч долл.¹ Через несколько дней, 5 (18) декабря американский посол в Лондоне Пейдж сообщил Лансингу о предписании английского правительства своим агентам в Южной России выдать двум группам «патриотов» по 60 миллионов фунтов стерлингов².

5 (18) декабря по поручению Саммерса в Новочеркасск прибыл один из его сотрудников, Д. Пуль, встретившийся с Алексеевым, Калединым и другими белогвардейскими главарями. Целью его поездки было выяснить возможности и потребности донской контрреволюции. Опираясь на информацию, полученную от Пуля, Саммерс докладывал в госдепартамент: «Несомненно, положено начало объединению в тесный союз возрождающихся элементов в России, которые, как можно ожидать, будут эффективно действовать против большевиков и немцев. Пуль полагает, и я полностью разделяю его мнение, что правительства США и союзников должны оказать этому ядру всю возможную моральную и материальную поддержку»³.

Приведенные документы и факты со всей убедительностью показывают, что в политике правящих кругов США в отношении Советской России, так же как и в политике дирижеров Антанты, на первом плане стояло не «восстановление Восточного фронта», а подавление социалистической революции. В этой связи в одном из донесений Пуля прямо отмечалось, что планируемая Добровольческая армия «будет представлять собой подвижную полицейскую силу», предназначенную для борьбы с Советской властью, и что она «совершенно не эффективна против германских регулярных войск»⁴.

Вслед за французами и англичанами на Украину и в другие районы страны, где группировались контрреволюционные силы, устремились и американцы. Правда, правительство США пока воздерживалось от официального признания образовавшихся на окраинах сепаратистских националистических правительств, и в частности Центральной рады, проявляя при этом изве-

¹ См. А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964, стр. 112.

² Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 2, p. 591.

³ Ibid., p. 602—603.

⁴ Ibid., p. 614.

стную осторожность и осмотрительность. Но и оно, как об этом сообщал госдепартамент французскому послу в Вашингтоне Жюссерану на его запрос относительно признания Украинской рады, «тщательно» изучало данный вопрос¹. Для «ознакомления с обстановкой» на Украине госдепартамент командировал в Киев своего бывшего консула в Риге Дженкинса.

А тем временем реакционная американская пресса все усиливала антисоветскую пропаганду, призывая к решительным мерам против большевистского правительства. В тот день, когда Вильсон штудировал меморандум Лансинга, газета «Нью-Йорк таймс» поместила статью, озаглавленную «Надежда России», в которой рядовым американцам и мировому общественному мнению настойчиво внушалась мысль о необходимости широкой помощи Каледину и другим контрреволюционным силам. Каледин, без стеснения писала газета, столь же очевидно является союзником Америки, как большевики являются ее врагами.

Таким образом, и правящие круги Соединенных Штатов уже в первые недели после Октябрьской революции взяли твердый курс на поддержку контрреволюционных сил в их борьбе за свержение Советской власти, выступая в числе наиболее активных вдохновителей гражданской войны в нашей стране. Нет нужды доказывать, что, если бы не иностранное вмешательство, внутренняя контрреволюция не смогла бы оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления власти Советов и была бы сокрушена в кратчайший срок. Как отмечалось в обращении ЦК РКП(б) от 8 февраля 1919 г. ко всем работникам чрезвычайных комиссий, ряды активной контрреволюции, точившей нож на Советскую власть, «опирались в своей работе на сочувствие и прямую поддержку не только всех буржуазных элементов России, но и на активную денежную, материальную и моральную поддержку заграничных империалистов»².

В значительной мере связывало руки международной реакции все возраставшее противодействие антисоветской политике империалистических кругов со стороны демократических сил Запада и Востока. Октябрем

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 2, p. 655.

² «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов». М., 1958, стр. 248—249.

ская революция нашла горячий отклик в сердцах миллионов простых людей во всем мире. Многочисленные рабочие и профсоюзные организации, революционное крыло мирового социалистического движения, представители прогрессивной интеллигенции приветствовали новую революционную власть в России и ее решимость положить конец братоубийственной войне. Под непосредственным воздействием Великого Октября во всех воюющих странах резко возросло число революционных выступлений, стачек и демонстраций трудящихся, усилилось антивоенное движение среди населения и в действующих армиях. Активизировалось революционное и антивоенное движение и в нейтральных странах.

Следует сказать, что и среди правящих классов союзников раздавались отдельные трезвые голоса, призывавшие к отказу от враждебной антисоветской политики и к установлению с Советским правительством более или менее нормальных отношений. Но, к сожалению, они не встретили поддержки официальных кругов Запада и потонули в общем хоре контрреволюционного безумия.

Немецкое наступление и маневры западных держав

Добившись заключения перемирия, Советское правительство без промедления приступило к переговорам о мире, которые начались там же, в Брест-Литовске, 9 декабря, спустя неделю после подписания соглашения о перемирии. Однако продвигались они очень туго и продолжались в общей сложности более полутора месяцев. Дважды в переговорах наступал перерыв.

И до начала переговоров и в ходе их Советское правительство прилагало немалые усилия, чтобы привлечь к ним союзников, но все эти усилия оказались безрезультатными. Державы Антанты и США наотрез отказались разговаривать о мире, по-прежнему стремясь к продолжению империалистической войны.

Выступая 14 (27) декабря в палате депутатов, французский министр иностранных дел Пишон подчеркнул, что после стольких жертв и страданий Франция не может принять мир, который возвратил бы ее к довоенному статус-кво. Поэтому она вместе со своими союз-

никами будет продолжать войну в любом случае, независимо от того, заключит петроградское правительство сепаратный мир или нет. Что же касается общих взаимоотношений, то союзники намерены объединиться со всеми «честными элементами России», независимо от их партийной и социальной принадлежности, будь они, по его словам, социалистами, либералами или революционерами. «Мы не вмешиваемся во внутреннюю политику России,— лицемерно заявил Пишон,— но мы принимаем необходимые меры, чтобы обезопасить наши интересы в стране, с которой мы были связаны союзом четверть столетия»¹.

Вряд ли данное высказывание нуждается в каком-либо пояснении. Говоря о «невмешательстве», французский государственный деятель тут же пытался обосновать право союзников на «защиту» своих империалистических интересов в чужой стране, попирая волю ее народа. Но таковы уж нравы и принципы буржуазной дипломатии, таков ее ханжеский лексикон, с чем приходится встречаться на каждом шагу и в наше время. Из приведенного заявления отчетливо видно, что Россия рассматривалась государственными мужами Франции по меньшей мере как объект экономической экспансии, объект империалистической политики. Иными словами, Франция, как и другие великие державы, снова и снова подтверждала свое твердое намерение поддерживать контрреволюционные силы: монархистов, буржуазию, старорежимное офицерство и пр.,— окопавшиеся в различных районах страны и ведущие активную борьбу с Советской властью.

Несколькими днями позже английский премьер Ллойд Джордж также категорически отказался поддерживать советскую мирную инициативу. Англия и ее союзники, заявил он, будут до конца воевать против австро-германского блока. Они готовы сражаться бок о бок и с Россией. «Но если нынешние правители России,— продолжал Ллойд Джордж,— предпринимают действия независимо от своих союзников, то мы не собираемся вмешиваться, чтобы остановить катастрофу, которая обру-

---

¹ «Annales de la Chambre des députés II-e législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917». Tome unique. Troisième partie. Paris, 1919, p. 3797.

шится на их страну»¹. В этих словах скрывалась недвусмысленная угроза разрешить мировой империалистический конфликт за счет интересов нашей страны. По поводу этого выступления В. И. Ленин записал в своем дневнике публициста: «Исторические слова Ллойд Джорджа. «На счет России»»².

Союзники, таким образом, по-прежнему проводили линию на изоляцию Советской России. Цель их в данном случае заключалась в том, чтобы оставить ее с глазу на глаз с германским блоком, позволить центральным державам навязать ей грабительские условия, которые вызвали бы в стране всеобщее недовольство, усилили позиции внутренней контрреволюции и привели к падению большевистского правительства. Одновременно они давали понять, что только возвращение в лоно антантовской коалиции и следование ее курсом может якобы обеспечить России справедливый мир и целостность ее территории. В противном случае ей не избежать тяжелых последствий.

Во второй половине декабря 1917 г. в политических кругах Лондона, Парижа и Вашингтона все чаще высказывалось мнение о необходимости для союзных стран нового заявления о «миролюбивых» целях антантовской коалиции. Назначение такого заявления сводилось к тому, чтобы хоть как-то ослабить притягательную силу идей социалистической революции, и прежде всего парализовать ее мирную инициативу. Почин в этом взяли на себя руководящие деятели Вашингтона.

Стремясь оправдать противодействие правительства США переговорам о мире, Френсис еще 16 (29) декабря телеграфировал в госдепартамент: «Советское правительство полагает, что союзники примут участие в мирных переговорах, но союзники, вероятно, не согласятся на это. Поступая таким образом, им всем или президенту следовало бы обратиться к русскому народу и объяснить свой отказ участвовать в переговорах для того, чтобы помешать переходу России в немецкие руки, стимулировать благожелательный нейтралитет России и перенести на центральные державы ответственность

---

¹ «Russia and Germany at Brest-Litowsk». New York, 1919, p. 47—48.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 189.

за продолжение войны»¹. Через несколько дней американский посол вновь настаивал на необходимости выступления Вильсона или Лансинга с официальным заявлением о целях, преследуемых Соединенными Штатами в войне, дабы оправдать нежелание правительства США принимать участие в мирных переговорах².

Соображения Френсиса были признаны вполне резонными. В Вашингтоне также сочли необходимым успокоить общественное мнение и приглушить интерес к советским мирным предложениям. 20 декабря (2 января) Лансинг направил в Белый дом специальную записку по этому поводу. Касаясь нового советского обращения к союзным державам от 17 (30) декабря с призывом положить конец войне и приступить к мирным переговорам, Лансинг отмечал, что давать какой-либо ответ на советское обращение не следует. Вместе с тем он считал целесообразным заявить в ближайшее время об американских мирных условиях «с большей тщательностью, чем это делалось ранее»³. Лансинг подготовил даже проект соответствующего заявления, в котором пытался оправдать проводимую Соединенными Штатами политику непризнания Советской республики⁴. Заявление это не было, однако, опубликовано, так как в те дни готовилось выступление самого президента Вильсона по данному вопросу.

В канун нового, 1918 г. (26 декабря по ст. ст.) Вильсон обратился к народам и правительствам всех стран с посланием, в котором выдвигалась программа будущего мира, широко известная под названием «14 пунктов президента Вильсона». Основной смысл выступления американского президента состоял в том, чтобы ослабить мобилизующую силу революционно-демократических лозунгов Советской власти, ее миролюбивой внутренней и внешней политики, отвести обвинение правящих кругов Антанты и США в затягивании войны и представить их перед мировым общественным мнением поборниками международной справедливости.

Вильсоновская программа мирного урегулирования выражала интересы империалистических держав За-

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 405.

² Ibid., p. 422—423.

³ «The Lansing Papers», vol. II, p. 346.

⁴ Ibid., p. 349—351.

пада, и прежде всего самих Соединенных Штатов. Вместе с тем в ней нашли отражение серьезные противоречия между ними. Реализация данной программы должна была, по замыслу ее творцов, обеспечить американскому монополистическому капиталу доминирующее положение в послевоенном мире. Ближайшая практическая цель ее состояла в том, чтобы сорвать брест-литовские переговоры и таким путем вновь добиться возобновления военных действий на русско-германском фронте со всеми вытекающими из этого последствиями.

Хотя непосредственно России был посвящен всего лишь один пункт из четырнадцати (пункт шестой), но именно он составлял основу всей программы. Ближайший советник Вильсона полковник Хауз отмечал впоследствии, что президент Вильсон изучал пункт относительно России с особой тщательностью и вниманием, так как положение в России являлось в некотором роде главным «*raison d'être*» (т. е. оправданием) данной внешнеполитической акции¹.

Об этом же свидетельствовали и признания самого Вильсона. «Яд большевизма,— не без раздражения говорил он в те дни,— только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом»². Не случайно в своей вступительной речи в конгрессе перед оглашением разработанной им программы наибольшее внимание Вильсон уделил переговорам в Брест-Литовске. Несколько месяцев спустя (8 июля 1918 г.), когда все точки над «i» в основном были уже поставлены, Вильсон откровенничал: «Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней»³.

Таким образом, положение в России и миролюбивая политика Советской власти явилась одной из главных причин, вызвавших к жизни пресловутую вильсоновскую программу послевоенного мирного урегулирова-

¹ См. «Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939, стр. 231.

² Цит. по книге: Беккер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923, стр. 191—192.

³ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 272.

ния. Основное ее назначение, как уже отмечалось, сводилось к тому, чтобы служить противоядием для революционных идей большевизма, получавших все более широкое распространение в других странах. Она и составлена была прежде всего в расчете на пропаганду. Как писал Г. Сеймур, готовивший к печати архив полковника Хауза, 14 пунктов были сформулированы в общих выражениях, и именно эта неопределенность делала их «превосходным орудием пропаганды»¹.

Туманностью и неопределенностью отличался и шестой пункт. В нем говорилось о «гарантиях» России в деле получения ею «полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». Расшифровать значение этих слов можно было только в сопоставлении с другими заявлениями государственных и политических деятелей США.

Подлинный смысл этого пункта был раскрыт несколько позже, в конце октября 1918 г., в специальном комментарии к упомянутым четырнадцати пунктам, составленном по указанию Вильсона полковником Хаузом и его помощниками.

В комментарии к названному пункту указывалось: «1. Признание временных правительств, которые создавались или предполагалось создать в различных районах России (имелись в виду контрреволюционные правительства.— В. В.). 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства». Конкретизируя далее свою программу будущего мирного урегулирования, заокеанские деятели предполагали рассматривать Кавказ как часть Турецкой империи, а в отношении Средней Азии предоставить одной из держав «ограниченный мандат для управления ею на основе протектората». Одновременно признавалось необходимым создание правительств Великороссии и Сибири².

Как явствует из приведенных пояснений, своим шестым пунктом, сообщенным для всеобщего сведения в весьма безобидной и на первый взгляд даже привлекательной формулировке, Вильсон закодировал планы уничтожения Советской власти и расчленения России

---

¹ «Архив полковника Хауза», т. IV. М., 1945, стр. 118.

² См. там же, стр. 151—153.

на отдельные государственные образования, судьба которых целиком находилась бы в руках империалистических держав. Им заранее была уготована участь колоний и полукolonий англо-франко-американского и японского капитала.

Правящим кругам Антанты и США казалось, что их расчеты вот-вот увенчаются успехом. После первого десятидневного перерыва, длившегося с 16 по 26 декабря, брест-литовские переговоры вступили в решающую стадию. Убедившись, что западные державы и Япония полностью отмежевались от своей бывшей союзницы, поставив ее в положение изоляции, кайзеровская Германия, поддерживаемая Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, сбросила наконец с себя маску и откровенно заявила о своих империалистических притязаниях. Уже на первом, после возобновления работы конференции, заседании Кюльман напомнил, что ранее обсуждавшиеся принципы, которые по предложению советской делегации должны были лечь в основу будущего мира, делегации Четверного союза поставили в зависимость от того, примут ли все участвующие в войне государства в течение определенного срока и без всяких оговорок обязательство неукоснительно руководствоваться этими принципами. А так как десятидневный срок истек и ни одна из держав антантовской коалиции к мирным переговорам не присоединилась, «то прежнее заявление Четверного союза можно считать недействительным»¹. Вслед за Кюльманом с аналогичными заявлениями выступили представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции.

Постепенно обстановка на конференции становилась все более напряженной. Подлинные намерения австро-германского блока раскрылись, когда участники конференции от общих положений перешли к обсуждению конкретных вопросов. На заседании политической комиссии 29 декабря (11 января) Кюльман откровенно заявил, что Германия не собирается покидать захваченные ею области Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии. Необходимость присутствия немецких войск в оккупированных областях германский статс-

---

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1. М., 1920, стр. 45—46.

секретарь лицемерно оправдывал тем, что русская армия может якобы предпринять наступление вследствие изменения правительственной системы в государстве или «вследствие перемены курса у нынешнего российского правительства»¹.

Наконец 5 (18) января делегации центральных держав, пренебрегая какими бы то ни было соображениями морально-политического свойства, в открытую объявили о своих территориальных притязаниях. Эта миссия была возложена на генерала Гофмана. С присущей для прусских вояк бесцеремонностью генерал разложил перед советской делегацией карту, на которой синим карандашом были очерчены области, подлежащие отторжению главным образом в пользу германской империи. Считая излишним входить в дальнейшие объяснения, Гофман тоном победителя заявил, что данная линия «продиктована военными соображениями»². Еще на предыдущем заседании сам Кюльман недвусмысленно пояснял: «Поскольку это зависит от нас, мы не хотим, чтобы эти народы, пережившие ужасы войны, пережили еще и блага революции»³. Речь шла о народах, которым Германия собиралась навязать свое господство.

Начертанная на карте по указанию кайзера линия отторгала от России территорию площадью более 150 тысяч кв. км. Она охватывала Польшу и Литву, а также значительную часть земель, населенных украинцами, белорусами, латышами и эстонцами (у Эстонии отбирались острова в Балтийском море). А если учесть, что центральные державы оставляли за собой право сохранения на указанных территориях режима военной оккупации и после заключения всеобщего мира, то никакие оговорки и демагогия не могли скрыть, что они просто аннексированы. Наряду с непомерными территориальными притязаниями Германия и ее союзники пытались навязать молодой Советской республике кабальные экономические условия.

Положение становилось весьма серьезным. Складывавшаяся обстановка и поведение австро-германского блока ставили Советское правительство перед выбо-

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 68.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 125.

ром: либо подписать мир на предъявленных неприятелем грабительских условиях, либо возобновить военные действия по всему фронту. Ясно, что второй вариант был совершенно неприемлем. Молодая, еще не успевшая окрепнуть Советская республика остро нуждалась в передышке, необходимой для того, чтобы хоть слегка залечить нанесенные империалистической войной раны, поправить пришедшее в упадок народное хозяйство. К тому же предстояло еще завершить разгром внутренней контрреволюции.

Для вступления в решительную схватку с таким сильным противником нужна была стойкая армия, способная самоотверженно защищать завоевания диктатуры пролетариата. Советская республика пока не располагала такой армией, не успела еще создать ее. Старая же армия была не в состоянии решить эту задачу, не в силах отразить объединенный натиск австро-германских войск. Набранная в условиях царизма, изнуренная длительной войной, она стала почти небоеспособной и находилась в состоянии демобилизации, приостановить которую не представлялось возможным. Эта демобилизация началась стихийно еще до Октябрьской революции, и самое большее, что можно было сделать теперь и что сделали большевистская партия и правительство,— это направить стихийную демобилизацию в организованное, регулируемое русло.

Ярким показателем настроения армии и ее общего состояния явился общеармейский съезд по демобилизации, происходивший в Петрограде с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. В. И. Ленин обратился к его делегатам с рядом вопросов о положении и настроении армии, ее способности к наступлению в зимних условиях, о росте революционных настроений среди немецких солдат, о состоянии артиллерии, способности немцев захватить Петроград в случае разрыва переговоров о мире и т. п. Ленин особенно интересовался, следует ли, по мнению делегатов, учитывая настроение армии и степень ее боеготовности, а также уровень материально-технического обеспечения, затягивать мирные переговоры или немедленно разорвать их ввиду крайнего аннексионизма немцев; следует ли брать курс на немедленную революционную войну или принять германские условия мира, несмотря на их грабитель-

ский характер¹. Делегаты съезда в своих выступлениях рассказали, что армия находится в состоянии развала, что солдаты ждут не дождутся скорейшего прекращения войны и вряд ли можно рассчитывать на удержание фронта, если возобновятся боевые операции.

Настоятельная необходимость заключения мира выявилась также при обсуждении на заседании Совета Народных Комиссаров 18(31) декабря доклада наркома по военным делам Н. В. Крыленко о положении на фронте. На основании материалов общеармейского съезда по демобилизации, ответов его делегатов на поставленные Лениным вопросы и доклада Крыленко Совет Народных Комиссаров принял резолюцию, в которой определил дальнейшие задачи советской делегации в Брест-Литовске. Подтвердив тактику затягивания переговоров, она указывала в то же время на необходимость реорганизации и усиления армии, чтобы отразить возможное наступление германского империализма².

Таким образом, необходимость мира диктовалась всем военно-политическим и экономическим положением страны, интересами защиты великих завоеваний Октябрьской революции. Однако в тот период на пути к миру возникли новые трудности. Кабальный характер предъявленных немцами условий не замедлила использовать в своей борьбе с Советской властью русская и союзническая буржуазия. Буржуазная печать еще шире развернула пропаганду против мирной политики Советского правительства. Потоки лжи и клеветы обрушились на большевиков, неизменно обвиняемых в «измене родине», в «предательстве» интересов революции. Грабительские условия, навязываемые центральными империями, использовались ею в качестве «иллюстративного материала». Цель при этом оставалась прежней: выступая против мира, она надеялась вновь ввергнуть страну в войну и руками иноземных захватчиков задуть революцию.

Заодно с помещиками и буржуазией, реакционным чиновничеством и офицерством и прислуживающей им частью старой интеллигенции действовало и «левое»

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 179—180.

² См. там же, стр. 181.

подразделение лагеря контрреволюции — партии меньшевиков и правых эсеров, прочно связавшие себя с судьбою старого строя.

В ту же точку была союзная дипломатия и пропаганда. Вслед за четырнадцатью пунктами Вильсона со своей антитезой советской мирной программе решило выступить французское правительство, а за ним и английское. 14(27) января Клемансо и Пишон подписали предназначавшуюся для мирового общественного мнения ноту о целях войны. В ней, в частности, подчеркивалось, что центральные державы лишь на словах отказывались от захватов, на деле же они стремятся к осуществлению своих империалистических планов, о чем убедительно свидетельствуют переговоры в Брест-Литовске¹. Факт, разумеется, бесспорный. Скрытый смысл этой ноты состоял, однако, в том, чтобы подорвать позиции Советского правительства и усилить тем самым лагерь контрреволюции.

Трудности в деле достижения мира усугублялись еще больше тем, что против него выступили левые эсеры, входившие в правительственный блок с большевиками, а также оппозиция внутри самой большевистской партии в лице «левых» коммунистов, Троцкого и его сторонников.

В. И. Ленину и его твердым последователям пришлось выдержать упорнейшую борьбу, прежде чем удалось добиться жизненно необходимого для Советской республики мира, без которого ее судьба находилась под серьезной угрозой. В данной работе не представляется возможным подробно останавливаться на этой борьбе. Заметим лишь, что она закончилась полным провалом противников мира, торжеством твердой и последовательной ленинской линии.

После вторичного десятидневного перерыва, сделанного по предложению советской делегации, переговоры вступили в решающую стадию. Они возобновились 17(30) января, и сразу же стало ясно, что центральные державы не намерены отступать от своих замыслов и полны решимости во что бы то ни стало навязать ранее оглашенную ими экспансионистскую программу.

Выполняя указания правительства, советская делегация по-прежнему придерживалась тактики затягива-

¹ R. Poincaré. Op. cit., t. X, p. 21.

ния переговоров. Со своей стороны и германский блок некоторое время после перерыва не стремился форсировать их. Причиной являлись параллельные переговоры, которые вела Германия и ее партнеры с Центральной радой в надежде заключить с последней выгодный сепаратный мир, позволивший бы им оказывать на Советское правительство более сильный нажим. Кюльман в одном из своих докладов канцлеру Гартлингу подчеркивал, что «неизбежный... разрыв с большевиками был бы легче перенесен у нас, и особенно в Австрии, если бы можно было сослаться на заключенный с украинцами союз»¹.

27 января (9 февраля) никого не представлявшая уже делегация Центральной рады поспешно подписала с австро-германским блоком сепаратный мир, согласно которому Германия и ее партнеры признавали контрреволюционную Раду единственной полномочной властью на Украине и изъявляли готовность оказывать ей поддержку в борьбе с утвердившейся там властью Советов². В ответ на обещанную помощь и признание Рада приняла на себя обязательство поставить Германии и ее союзникам до 31 июля 1918 г. 1 миллион тонн хлеба, около 50 тысяч тонн мяса (в живом весе), 400 миллионов штук яиц, сало, пеньку, лен, марганцевую руду и другое сырье, в котором остро нуждалась военная промышленность центральных держав.

Так богатства украинского народа были отданы на разграбление иноземным захватчикам, а договор с Центральной радой послужил формальным поводом для оккупации территории Украины немецкими и австро-венгерскими войсками. Главнокомандующий немецкой армии фельдмаршал Гинденбург откровенно признавал, что договор с Винниченко и последующее вступление австро-германских войск на Украину «призваны были обеспечить Австро-Венгрию и Германию сырьем и про-

---

¹ Цит. по статье: А. А. Ахтамзян. О Брест-Литовских переговорах 1918 года. «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 37.

² К этому времени на Украине почти повсеместно, за исключением оккупированной немцами территории, была установлена рабоче-крестьянская власть. 26 января (8 февраля) войска Рады в панике покинули Киев и туда вступили советские части. Было создано украинское Советское правительство, направившее в Брест-Литовск своих представителей в качестве членов единой советской делегации.

довольствием»¹. Так ценой предательства своего народа Рада купила у кровавого кайзера и австрийского императора военные штыки, с помощью которых она решила восстановить и утвердить свою власть на Украине².

Оформив сделку с Украинской радой, центральные державы решили подвести черту и в переговорах с Советской Россией. Теперь они уже явно торопились, и подталкивала их усиленная подготовка к намеченным на первую половину марта (по ст. ст.) крупным операциям на Западном фронте. На очередном заседании 27 января (9 февраля) Кюльман заявил, что «нельзя бесконечно затягивать переговоры, не обещающие успешного исхода» и что «складывающиеся обстоятельства» вынуждают Германию и ее союзников как можно скорее принять какое-либо определенное решение³. В том же духе высказался и глава австро-венгерской делегации Чернин. Вслед за тем представители германского блока повторили свои грабительские условия в том виде, как они были отражены на «карте Гофмана». Работа конференции подошла, таким образом, к решающему финишу.

В крайне напряженной обстановке открылось последнее заседание конференции 28 января (10 февраля). Уже первые выступления представителей центральных держав со всей определенностью показали их желание прекратить полемику либо навязав свои условия, либо разорвав переговоры. Еще накануне Кюльман докладывал канцлеру, что «положение получит полную ясность на заседании, которое состоится завтра, в воскресенье 10-го, на котором с русской стороны последуют окончательные заявления относительно принятия наших существенных условий. Если это принятие не последует, то произойдет разрыв в течение 24 часов с расторжением перемирия и т. д.».

Стремясь еще больше накалить обстановку, Гофман в самом начале заседания в резком тоне заявил, будто

---

¹ «Воспоминания Гинденбурга», стр. 66.

² Заключив мир с Советской Россией, немцы «во исполнение обязательств» по договору с Радой продолжали наступление на Советскую Украину, пока на всей ее территории не была восстановлена власть контрреволюционного генерального секретариата. 1 марта Киев был занят немецкими войсками.

³ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 182.

на территории Финляндии, в нарушение условий перемирия, увеличивается численность русских войск и что он протестует против подобных действий. В свою очередь Кюльман обвинил Советское правительство и военное командование в подстрекательстве германских солдат против своих генералов и офицеров и т. д.¹ Указав затем на серьезность данного заседания, Кюльман потребовал закончить дискуссию и «обсуждать только пункты, дающие возможность прийти к определенным результатам». Фактически это означало ультиматум, хотя формально он еще не был предъявлен. Как видно из цитированного выше доклада Кюльмана и других документов, немцы собирались предъявить ультиматум в течение суток после данного заседания, если бы советская делегация не согласилась принять на нем выдвинутые условия².

Однако вместо принятия немецкого ультиматума, что диктовалось всей внутренней и международной обстановкой и на чем упорно настаивал глава Советского правительства В. И. Ленин, Троцкий, возглавлявший в тот период советскую делегацию, отклонил его. Он заявил, что Советская Россия выходит из войны, но отказывается от подписания мирного договора и отдает приказ о полной демобилизации армии по всему фронту. Этим заявлением Троцкий пытался найти некую «золотую середину», которая даже для немецких делегатов показалась явным абсурдом, хотя она давала Германии хороший козырь для подготовленного ею разрыва и развязывания агрессии.

Выступивший затем Кюльман достаточно определенно дал понять, что центральные державы прервут перемирие и возобновят военные действия, если советская делегация не изменит своего решения. Но Троцкий пренебрег указанием В. И. Ленина о необходимости принятия немецкого ультиматума, полагая, что Германия и Австро-Венгрия не решатся на такой шаг, и не согласился также с предложением Кюльмана созвать пленарное заседание на следующий день, заявив, что советская делегация исчерпала свои полномочия и считает необходимым вернуться в Петроград для обсуж-

---

¹ См. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 206.

² См. А. А. Ахтамзян. Указ. соч., стр. 38, 42—43.

дения создавшегося на переговорах положения, после чего она сможет дать соответствующий ответ на выдвинутые противной стороной условия.

Между тем угроза Кюльмана оказалась не пустым звуком. Еще в первой половине января немецкое верховное командование пришло к решению прервать переговоры и возобновить операции на Восточном фронте, если советская сторона откажется подписать договор на предъявленных ей условиях. На совещании военной верхушки, состоявшемся в Берлине 10(23) января, было заявлено: «Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир»¹.

«Жест» Троцкого избавил Германию даже от необходимости предъявления формального ультиматума. 31 января (13 февраля) коронный совет под председательством Вильгельма и с участием канцлера Гартлинга, Гинденбурга, Людендорфа, Кюльмана и других высокопоставленных гражданских и военных чинов принял окончательное решение разорвать перемирие и 18 февраля перейти в наступление против Советской России.

Вечером 16 февраля старший военный консультант советской делегации А. А. Самойло, остававшийся в Брест-Литовске после разрыва переговоров, отправил в Наркоминдел телеграмму, в которой сообщалось: «Сегодня, в 19 час. 30 мин., от ген. Гофмана мне официально объявлено, что 18-го февраля в 12 час. оканчивается заключенное Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны»². В тот же день сам Гофман направил аналогичную телеграмму непосредственно в Совет Народных Комиссаров. В своем дневнике он записал в этой связи: «Решение приступить опять к военным действиям — самое правильное... Пока мы не дойдем до озера Пейпус (Псковское озеро.— В. В.), мы не остановимся»³.

¹ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II. М., 1923, стр. 127.

² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 105.

³ М. Гофман. Записки и дневники. 1917—1918 гг. Л., 1929, стр. 239—240.

Троцкий же и теперь все еще считал, что немцы не осмелятся привести в исполнение свою угрозу и только запугивают. 17 февраля он отправил германскому правительству телеграмму, в которой просил уточнить, не являются ли сведения, поступившие от генерала Самойло относительно разрыва перемирия, провокационными. Однако подобный демарш больше напоминал чистейший авантюризм, чем трезвую политику, игру в жмурки с полуоткрытыми глазами.

18 февраля ровно в 12 часов немецкая армия перешла в наступление по всей линии фронта, нарушив договор о перемирии, согласно которому предупреждение о его разрыве должно было сообщаться минимум за 7 дней. Предпринимая наступление, немцы намеревались сокрушительным и молниеносным ударом проорвать фронт, двинуть войска на Петроград и Москву и свергнуть Советское правительство.

Стремясь как можно скорее покончить с Советской Россией, немецкое командование перебросило с Западного на русский фронт несколько наиболее благонадежных дивизий, предварительно «обработав» их в духе шовинизма. Из 30 немецких дивизий, введенных в бой, 15 держали направление через Псков и Нарву на Петроград. Не встречая почти никакого сопротивления, немецкие войска стремительно продвигались в глубь страны, угрожая разгромом Советской власти. Многие участки фронта к тому времени оказались фактически оголены, так как солдаты отдельных русских подразделений, а иногда и целые части, не дожидаясь распоряжения о демобилизации, снимались с позиций и уходили домой. Уже через два часа после начала операций немцы заняли город Двинск и ряд других пунктов, а через несколько дней вражеские войска находились уже в 200 км от Петрограда. Они захватили значительные запасы снаряжения, боеприпасы и продовольствие. В Смольный шли «мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении...»¹.

Преодолевая невероятные трудности, большевистская партия и Советское правительство мобилизовали

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 394.

все силы и средства на защиту завоеваний революции. 21 февраля Совнарком объявил социалистическое Отечество в опасности, призвав трудящихся организовать отпор врагу. Первое серьезное сопротивление захватчикам было оказано отрядами рабочих-красногвардейцев и только что сформированными частями Красной Армии под Ревелем, Псковом и Нарвой 23 февраля. Однако полностью приостановить наступление врага не удалось. Вечером 24 февраля немцы захватили Псков, а на следующий день они заняли Ревель. Но хотя продвижение немецких войск продолжалось, их наступательный порыв заметно угас. Нарва, например, успешно оборонялась красноармейцами еще в течение целой недели и была оставлена ими лишь 4 марта.

Тем не менее положение все еще оставалось весьма серьезным. Советское правительство еще 19 февраля заявило Германии о своем согласии подписать мир на предъявленных ею условиях, но немецкое командование не спешило приостанавливать военные действия. 26 февраля генерал Гофман в ответ на повторный протест Крыленко против наступления немецких войск цинично заявил, что оно будет продолжаться, пока не будет подписан мирный договор. Причем сами немцы на этот раз явно не торопились возобновлять дипломатический диалог. Не произвел должного впечатления и двухкратный протест советской делегации, выехавшей в Брест-Литовск 24 февраля для оформления договора. (Протест был заявлен Гофману в Пскове 26 февраля и по прибытии в Брест-Литовск 28 февраля.)¹

Как же вели себя в этот критический для нашей страны момент державы антантовской коалиции? В какой мере поведение австро-германского блока отразилось на их позиции по отношению к своей бывшей союзнице? Разумеется, они поспешили воспользоваться весьма благоприятной для них ситуацией, которой они столь упорно добивались, и сделать так, чтобы возобновившиеся на русском фронте боевые действия не были приостановлены. С этой целью союзники решили прибегнуть к новому маневру — предложить Советской республике «помощь» в борьбе с ненавистными захватчиками.

---

¹ См. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 267.

Наибольшую активность в этом направлении развили французы. 17 февраля начальник французского генштаба генерал Фош направил Нисселю инструкцию, в которой содержались рекомендации оказывать поддержку всем элементам, независимо от их политической ориентации, если они изъявляют готовность сражаться против Германии и Австро-Венгрии. «Следовало бы,— отмечалось в инструкции,— проявляя необходимую предосторожность, смягчать затруднения, существующие между различными группами населения и центральной властью, всякий раз, когда это вмешательство позволит заменить внутреннюю междоусобную борьбу борьбой против общего врага...»¹ Эта директива, поясняет французский автор Дельмас, хотя и косвенно, относилась и большевистские власти к числу элементов, могущих еще оказывать сопротивление немцам.

Спустя два дня французское правительство уполномочило своего посла в Петрограде сообщить Советскому правительству, что если оно будет сопротивляться и защищать Россию от Германии, то Франция окажет ему военную и финансовую помощь. Во исполнение этого поручения 21 февраля Нуланс позвонил лично Троцкому и заявил ему: «В вашем сопротивлении Германии вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку Франции».

Днем позже союзные послы поддерживали французскую инициативу. Однако никакой эффективной помощи, кроме помощи техническим составом, которым располагали союзные военные миссии в России и которому могло быть поручено разрушение мостов, шоссе-ных и железных дорог, складов боеприпасов и продовольствия и т. д., с тем чтобы задержать продвижение вражеских войск, они не обещали. Значение такой помощи было весьма и весьма невелико.

Ни правительства Англии и США, ни французское правительство, выступившее с указанной инициативой, в действительности и не собирались оказывать Советской России сколько-нибудь эффективную помощь в борьбе против вражеского наступления. Когда французское посольство в Вашингтоне 19 февраля обратилось в госдепартамент с запросом, намерено ли аме-

---

¹ J. Delmas. Op. cit., p. 1088.

риканское правительство оказывать помощь большевикам, если они решатся продолжать войну против Германии и Австро-Венгрии, то Лансинг ответил, что об этом не может быть и речи. Точно так же высказался и сам президент Вильсон¹.

Для того чтобы вопрос о помощи получил какое-либо реальное воплощение в жизнь, союзникам надо было вступить в более тесные и более широкие связи с Советским правительством, что означало бы признание его по крайней мере де-факто. А это никак не соответствовало планам и замыслам правящих кругов Антанты и США. В те самые дни, когда зашел разговор о помощи, Лансинг в инструкции Френсису от 14 февраля писал, что государственный департамент не возражает против контактов с советскими властями, но предлагает пользоваться для этого такими каналами, «которые давали бы возможность избежать всякое официальное признание. Правительство,— снова подчеркивал Лансинг,— не имеет никаких намерений официально признавать правительство большевиков»².

Как свидетельствуют многочисленные документы и факты, обещая помощь, союзники пытались снова втянуть нашу страну в войну и руками немецких агрессоров уничтожить Советскую власть. Уже через два дня после разрыва переговоров в Брест-Литовске, 31 января (13 февраля), Френсис телеграфировал в Вашингтон, что падение Советского правительства неизбежно. Вскоре после начала немецкого наступления (20 февраля) он сообщал в госдепартамент, будто большевистское правительство полностью дезорганизовано и передовые немецкие части находятся в семидесяти километрах от столицы, хотя на самом деле это расстояние было в три раза больше. (Такое преувеличение лишний раз указывало, насколько немецкие завоеватели были для него желанными гостями в цитадели революции.) На следующий день американский посол снова спешил обрадовать свое начальство известиями о близком вступлении неприятельских войск в Петроград³. Радость и надежды разделяли и многие другие офици-

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 383.

² Ibid., p. 381.

³ Ibid., p. 381, 383.

альные представители союзников, в том числе и сами ответственные представители западных держав.

Кроме того, своими обещаниями, переданными в основном через второстепенных лиц, союзники хотели создать у Советского правительства впечатление, будто они и в самом деле могут прийти на помощь. Эта нехитрая приманка должна была оправдать их дальнейшее пребывание в России, необходимое им для оказания более эффективного содействия антисоветским элементам. Действующий русско-германский фронт в тот момент нужен был союзникам главным образом для создания в нашей стране как можно более напряженной обстановки, что облегчило бы задачи внутренней контрреволюции, лихорадочно формировавшей специальные вооруженные силы, готовясь к решительной схватке с Советской властью. Напряженность помогала реакции выиграть время для консолидации и организации своих сил. А вся обстановка давала союзникам «законное» основание для начала вооруженной интервенции, к которой они вели деятельную подготовку.

Английский историк Уилер-Беннет писал: «Официальное мнение на Западе было разделено между страшным недоверием к большевикам и твердым убеждением, что они будут сметены в течение нескольких недель объединенными силами белогвардейцев и казаков, сформировавшимися тогда на Севере и Юге»¹. Именно Советская власть являлась для империалистов проблемой номер один, наиболее опасным противником, которого надо было уничтожить любым путем. «Союзники,— свидетельствует тот же автор,— больше боялись тогда большевизма, чем Германии»².

И в этом правящие круги империалистических держав были полностью солидарны с силами внутренней контрреволюции. Сам Ниссель, предлагавший Советскому правительству «конкретную» помощь, вынужден был признать, что в германском нашествии эксплуататорские классы и сословия видели избавление от революции. «Буржуазия, финансисты, промышленники и офицеры,— констатировал он,— с нескрываемой радостью следят за продвижением германских войск в

---

¹ J. Wheeler-Bennett. Op. cit., p. 143.

² Ibid., p. 238.

надежде, что немцы скоро наведут порядок в этой растревоженной стране... Все старые господствующие классы будут призывать Германию, чтобы восстановить социальный порядок»¹.

Но даже если бы союзники и в самом деле имели намерения оказать Советской России реальную помощь, то и в этом случае нельзя было делать на нее ставку в борьбе с германской агрессией. Ибо исход борьбы зависел буквально от нескольких дней, одной-двух недель, а союзники могли бы подоспеть со своими войсками в лучшем случае через два-три месяца. Единственной державой, которая была в состоянии оказать помощь в максимально короткий срок, являлась Япония. Но и ей потребовалось бы не меньше месяца, чтобы перебросить свои войска на русский фронт и ввести их в бой. Между тем она отнюдь не собиралась делать такой жест. А ведь немецкие войска находились всего в двухстах километрах от столицы.

В этой связи не лишне сослаться на признания самих представителей Запада. Так, известный французский исследователь, один из крупнейших специалистов в области истории международных отношений, П. Ренувен пишет: «Но каково могло бы быть практическое значение этих неясных и запоздалых предложений (о помощи.— В. В.)? Советская власть, даже если бы она получила обещания о вооруженной поддержке, была бы сметена немецкими войсками задолго до оказания этой помощи извне. С того момента, как Советская власть захотела «спасти революцию», она не имела другого выхода, кроме как заключение мира»². К такому же выводу пришел и его соотечественник Ж. Дельмас. «Большевистские руководители,— отмечает он,— не дали себя обмануть временной выгодой, которую предлагала им французская миссия»³.

Действительно, большевистская партия и Советское правительство не дали себя обмануть. В. И. Ленин и его последовательные сторонники видели, что единственная надежная защита революции в данный момент, единственно разумный выход из создавшегося положе-

¹ J. Delmas. Op. cit., p. 1091.

² P. Renouvin. Les crises du XX siècle. Paris, 1957, p. 104.

³ J. Delmas. Op. cit., p. 1094.

ния — это немедленное заключение мира, позволяющего уклониться от навязанной нам неравной схватки с жестоким и коварным врагом. Почему, спрашивал Ленин, американская, английская и французская буржуазия хочет втянуть нас в войну с Германией? И отвечал: «...потому что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом»¹. Несмотря на свои непомерные аппетиты и стремление расправиться с Советской властью, германское верховное командование вынуждено было подписать мирный договор, боясь увязнуть на просторах России и упустить возможность избавиться наконец от страшных «тисков», давивших их в течение почти трех с половиной лет, т. е. от продолжения войны на два фронта.

Свое предложение о помощи союзники повторили 5 марта в надежде побудить Всероссийский съезд Советов отказаться от ратификации Брест-Литовского мира. При этом западные державы намекали на японскую помощь. Когда же Наркоминдел попросил уточнить, о каких видах помощи может идти речь, американский ответ, например, констатировал, что США, «к сожалению», не в состоянии оказать «прямую и эффективную помощь»².

В период работы IV Всероссийского съезда Советов, созванного специально для рассмотрения вопроса о мире, союзники предприняли еще одну попытку в том же направлении. На сей раз инициатива принадлежала президенту США Вильсону. Он обратился к участникам съезда с телеграммой, рассчитывая усилить сопротивление противников Брестского договора на съезде, сорвать его ратификацию и таким образом снова вовлечь Советскую Россию в вооруженное столкновение с Германией и Австро-Венгрией. Выражая свое «искреннее сочувствие» русскому народу, оказавшемуся в тяжелом положении в связи с нашествием германских полчищ, Вильсон обещал приложить все усилия к тому, чтобы оградить суверенитет русского государства. Но тут же оговорил, что в данный момент правительство Соеди-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 352.

² P. Renouvin. Op. cit., p. 104.

ненных Штатов, «к сожалению», не в состоянии оказать России «непосредственную и деятельную поддержку». При этом Вильсон косвенно пытался возвести на большевиков обвинение в том, что своей политикой мира они якобы помогают Германии осуществить ее империалистические замыслы.

Приведенные выше документы и факты убедительно свидетельствуют о том, в какой мере американское правительство и представляемые им бизнесмены собирались «ограждать» русский суверенитет, добиваясь распада России и расчленения ее на мелкие государства, которые находились бы под контролем и во власти иностранного капитала.

Начало вооруженной интервенции

В тот момент, когда над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность и полчища захватчиков рвались к Петрограду и Москве, руководители Антанты и США, занимаясь посулами сомнительной помощи, одновременно заканчивали последние приготовления к началу вооруженного вторжения собственными силами в пределы нашей страны, согласовывали и «утраивали» отдельные разногласия на сей счет. Основными вдохновителями и организаторами политики антисоветской интервенции являлись правящие круги Англии, Франции и США, не отставала от них и Япония.

Подготовка к интервенции велась полным ходом. Весь вопрос теперь сводился лишь к изысканию необходимых материально-технических средств и людских резервов. Намечая пункты вторжения, союзники исходили из того, что сухопутная граница России на Западе, откуда проще было бы его осуществить, для них недоступна, так как вдоль всей этой линии находились неприятельские армии. Черное море также оставалось закрытым до тех пор, пока не капитулировала Турция. Поэтому в 1918 г. для интервенции оставались открытыми лишь два наиболее возможных пути: с севера, через Мурманск и Архангельск, и с Дальнего Востока, в Сибирь и далее в глубь страны, в центральные и южные районы европейской части России.

Военные и дипломатические представители союзников в России вскоре после начала немецкого наступления получили указание покинуть Петроград. Большинство из них перебазировалось в Вологду. Французский посол Нуланс бросил якорь в Гельсингфорсе в ожидании новых инструкций от своего правительства. Остальные направились кто на юг, кто в центральные районы страны. В Петрограде остались только Ниссель, его итальянский коллега Ромеи и специальный представитель английского правительства Локкарт. Вологда, как объяснял позже Робинс, была избрана потому, что оттуда сравнительно легко можно было связаться с другими районами страны. Из Вологды были свободны пути на север, в Финляндию, Петроград, Москву и далее на юг, в Сибирь и на Дальний Восток. Город имел телеграфную связь с Архангельском и Мурманском, откуда пролегал контролируемый союзниками кабель в Лондон, без которого представители западных держав были бы крайне стеснены в получении необходимых инструкций от своих правительств.

Представители союзников все настойчивее требовали ускорить высадку союзных войск на территории России. 21 февраля Френсис, ставший после отъезда Бьюкенена главой дипломатического корпуса, отправил Лансингу телеграмму, в которой убеждал свое правительство, что для союзников пришла пора действовать. «Я настаиваю на том,— горячился американский посол,— чтобы мы взяли контроль над Владивостоком, а Англия и Франция — над Мурманском и Архангельском»¹. Через два дня он опять телеграфировал в госдепартамент: «Я снова советую немедленно захватить Владивосток, Мурманск и Архангельск»². И в последующие дни Френсис еще не раз возвращался к этой теме. Посол не был еще достаточно осведомлен о том, что правительства западных держав и Японии уже приняли соответствующее решение.

Торопили союзников с интервенцией и многочисленные антисоветские комитеты и клубы за границей. Одним из вдохновителей этой политики стал вернувшийся на родину Бьюкенен. В первых своих беседах

---

¹ «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. 1, p. 384.

² Ibid., p. 387.

с Ллойд Джорджем Бьюкенен, по его словам, высказывался против полного разрыва с большевиками по тем же причинам, на которые он ссылался раньше, а именно из опасения, что это предоставило бы немцам полную свободу действий в России. Вскоре, однако, он стал все настойчивее предлагать совершенно порвать с Советским правительством и отозвать английское посольство, рассматривая это как первый шаг для начала непосредственного вооруженного вторжения. «Я сильно склонялся в пользу последнего выхода,— писал он,— особенно ввиду некоторых надежд, которые, казалось, подавала оказываемая союзниками материальная помощь лояльным элементам на юге России, которые не подчинились еще ни большевикам, ни германцам»¹.

По собственному признанию Бьюкенена, хотя у него не было теперь каких-либо официальных обязанностей, или, точнее, должности, но в течение ближайших полутора лет он был всецело поглощен оказанием «помощи британским и русским беженцам и освещением русского вопроса перед британской публикой». Центральным пунктом этой «помощи беженцам» являлась организация и подготовка вооруженной интервенции против Советской России. Бьюкенен являлся президентом англо-русского клуба, основанного несколькими коммерсантами, имевшими интересы в России. Во всех своих выступлениях, как в «русском клубе», так и в других местах, сознавался Бьюкенен, он всегда защищал политику вооруженной интервенции.

Именно в этом клубе и родственных ему комитетах разрабатывались и штопались антисоветские планы, которые тут же поступали на утверждение правительства Ллойд Джорджа и британского военного и морского командования. Клуб, писал Бьюкенен, мало-помалу сделался «сборным пунктом» для всех, кто имел интересы в России, и так как большинство его членов на практике было знакомо со всеми условиями политической, экономической и финансовой жизни России, «то он был в состоянии давать правительству его величества весьма ценную информацию», т. е. советы и рекомендации. Это означает, что сами подлинные хозяева и распорядители капиталистического мира опре-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 308.

деляли и направляли антисоветскую интервенционистскую политику правительства. Видным членом названного клуба, его, так сказать, гордостью, являлся хорошо известный читателю Уинстон Черчилль, занимавший в тот период пост первого лорда Адмиралтейства и стремившийся, как уже отмечалось, задушить большевизм «в зародыше».

Антисоветские клубы и комитеты создавались и в других союзных странах. Так, во Франции, при активном участии бывшего посла в Петрограде Палеолога и с благословения правительства Клемансо и самого президента Пуанкаре, разворачивал свою деятельность так называемый «Союз возрождения России». Непосредственными учредителями этого «Союза» являлись посол Временного правительства Маклаков, генерал Леонтьев, княгиня Демидова и некоторые другие приверженцы старого режима, намеревавшиеся привлечь в лоно своей антисоветской секты в качестве ее почетных членов Родзянко, Алексеева, Корнилова и других видных контрреволюционеров монархической закваски¹.

Бурную антисоветскую деятельность развивал в Соединенных Штатах бывший посол Временного правительства Б. А. Бахметев и группировавшиеся вокруг него военные и дипломатические представители свергнутого режима. Все они торопили союзников как можно скорее направить свои войска на подмогу российской белогвардейской контрреволюции.

Кое-кто полагал, что интервенция не потребует от союзников значительных усилий и быстро приведет к желаемой цели. Так, начальник французской военной миссии в Румынии генерал Бертело убеждал свое начальство, что для «наведения порядка» в России потребуются, в сущности, не более одной приличной дивизии. По этому поводу бравый вояка представил даже в «Версальский комитет» специальный доклад. «Он полагает,— записал Пуанкаре в своем президентском дневнике после состоявшегося с ним разговора,— что пяти или шести тысяч союзных войск было бы достаточно, чтобы контролировать всю страну».

Встречались, однако, и еще более горячие головы, рассчитывавшие, что вторжение в Россию будет пред-

---

¹ R. Poincaré. Op. cit., t. X, p. 162—163.

ставлять собой несложную полицейскую операцию, своего рода небольшую военную прогулку, полную экзотики и романтических приключений. Вот как оценивались перспективы такой «прогулки» в одном из документов, вышедших из недр военной миссии генерала Табуи: «Россию в настоящее время можно сравнить с такими дезорганизованными странами, как Судан и Конго, где нескольких дисциплинированных европейских батальонов вполне достаточно для водворения порядка и прекращения анархии»¹. Можно было бы привести еще немало подобных высказываний.

Не многим больше здравого смысла проявляли и опытные политики и дипломаты, претендовавшие на звание знатоков русской действительности. К их числу, например, относились сэр Бьюкенен и стоявшие за ним круги, которые хотя и не считали, что для наведения порядка в «русском Конго» будет достаточно нескольких «дисциплинированных батальонов», но тем не менее тоже надеялись на успешное осуществление интервенции с помощью экспедиционного корпуса. По словам Бьюкенена, он якобы не защищал обширной экспедиции с целью завоевания России, но отстаивал подкрепление армий белогвардейских генералов посылкой «небольших добровольческих частей». «Большевистская армия,— пояснял позже свою позицию бывший посол,— не была тогда настолько сильна, как в настоящее время, и просто-таки горстки британских войск с танками и аэропланами было бы достаточно для того, чтобы генерал Юденич мог бы взять Петроград. С другой стороны, если бы мы помимо снабжения генерала Деникина военным снаряжением послали бы британского генерала во главе небольшого экспедиционного корпуса для контроля над его операциями и с целью настаивать на том, чтобы он вел примирительную политику по отношению к крестьянам, то Москва была бы также взята, а большевистское правительство не долго пережило бы падение двух этих столиц»².

Единственную трудность в осуществлении начертанного им плана «президент русского клуба» видел в изыскании финансовых средств. Но если бы цель дан-

---

¹ «Международная жизнь», 1922, № 1 (119), стр. 12.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 308—309.

ного предприятия была достигнута, уверял он, то израсходованные на него фунты, доллары и франки «оказались бы помещенными в хорошее дело». Между прочим, Бьюкенен упрекал союзников за то же самое, за что порицают их ныне многие буржуазные историки (Кеннан, Чемберлин, Уорс, Ренувен и др.), а именно: не за саму интервенцию, а за то, что велась она «вяло и нерешительно». Проводимая таким образом, «скрепя сердце», как он выразился, «она, несомненно, была ошибкой, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер. Союзные правительства... прибегли к полумерам, неудача которых была почти предрешена... Если бы интервенция проводилась иначе, то и результаты ее могли бы быть совершенно иными»¹.

Ничем иным, конечно, кроме этих избитых «если бы», враги Советской власти не хотели объяснять свой позорный провал. Другие политиканы отыскивали новые «если бы» для оправдания своей бесславной деятельности, но суть их оставалась одна: революция победила случайно, ее можно было задушить. История, однако, показала, что только близорукие или совершенно ослепшие политики могли еще твердить, будто крах интервенции произошел из-за отсутствия какого-то экспедиционного корпуса, наделенного «особыми» полномочиями. Враги нового строя испробовали множество средств и методов, но все оказалось безрезультатным, все было опрокинуто героической борьбой молодой Советской республики.

Итак, интервенция была предрешена; она началась в марте 1918 г., вскоре после подписания Брестского мира. Первая высадка войск интервентов произошла 9 марта в Мурманском порту. Свое вероломное вторжение в пределы Советской республики союзники пытались оправдать ссылками на необходимость обороны Мурманского края от немцев. В действительности же, оккупируя Кольский полуостров, западные державы спешили создать плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь страны на соединение с силами внутренней контрреволюции с целью свержения Советской власти.

Высадке союзников в указанном районе предшествовало соглашение командования интервенционист-

---

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 309.

ских войск с представителями Мурманского Совета «о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края», заключенное последними с ведома Троцкого. 1 марта председатель Мурманского Совета Юрьев сообщил в Петроград, что англичане и французы предлагают помощь на случай возможного нападения немцев. Информировав правительство о том, что на линии Мурманской железной дороги находится около двух тысяч сербов и чехов, направляющихся во Францию, Юрьев запрашивал, «в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав?». В тот же день от Троцкого поступил ответ, не только разрешающий, но даже обязывающий «принять всякое содействие союзных миссий», что послужило как бы официальным разрешением на высадку англо-французских войск.

Получив столь широкие полномочия, руководители Мурманского Совета тотчас вступили в переговоры с представителями английского и французского командования. 2 марта состоялось совещание, на котором присутствовали Юрьев, командующий английской эскадрой адмирал Кемп, английский консул Холл, французский капитан Шарпантье, управляющий делами Мурманского Совета Веселаго и др. На этом совещании и было принято так называемое «словесное соглашение» о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края. Данное «словесное соглашение» служило союзникам удобной ширмой для прикрытия интервенции. Действия Мурманского Совета встретили отрицательное отношение со стороны Совнаркома и лично В. И. Ленина. Тем не менее Юрьев продолжал проводить свою опасную, капитулянтскую линию и после заключения Брестского мира. В Мурманске было введено осадное положение. Интервенты быстро сформировали бронепоезд и немедленно установили связь с отрядом поляков и чехословаков, находившимся в г. Коле. В Париж и Лондон полетели донесения с просьбами и рекомендациями относительно присылки новых интервенционистских отрядов. Однако с этим пришлось пока повременить, так как вскоре немцы предприняли на Западе крупные операции, не позволявшие союзникам распылять бое-

вые силы и средства. Как сообщает в своих мемуарах Ллойд Джордж, на состоявшейся 16 марта в Лондоне дипломатической конференции премьер-министров и министров иностранных дел стран Антанты рассматривался доклад Нокса, который рекомендовал послать в Архангельск отряд в 5 тысяч человек. К докладу было приложено заявление британского военного представителя в Архангельске капитана Проктора, выдвинувшего проект о посылке в указанный район смешанного союзного отряда в 15 тысяч человек. Вопрос этот был передан на обсуждение союзного морского совета и постоянного совета военных представителей в Варшаве (так называемый «Версальский комитет», в который входили: от Франции — генерал Фош, от Англии — генерал Вильсон и от Италии — генерал Кадорна). «Однако, — продолжает Ллойд Джордж, — когда оба эти совета собрались на совместной конференции 23 марта, разразилось германское наступление на Западном фронте. В такой момент невозможно было обсуждать вопрос о военной экспедиции в Северную Россию»¹.

Таким образом, посылка на север России значительных вооруженных контингентов временно была отложена. Но сама интервенция не приостанавливалась. Считая ее совершенно необходимой, западные державы решили снова обратиться к Японии с предложением начать вторжение в Россию со стороны Дальнего Востока, продвигаясь затем вдоль транссибирской железнодорожной магистрали, вплоть до Урала и дальше.

На совещании в Лондоне 14—16 марта западные державы (Англия, Франция и Италия) приняли специальную декларацию о непризнании Брест-Литовского мирного договора. На этом же совещании Бальфур выступил против оставления в России официальных союзных представителей. Участники совещания подтвердили также свою позицию относительно японской интервенции в Сибирь и захвата союзниками транссибирской железнодорожной магистрали².

Последнее решение было принято не без колебаний, особенно со стороны США, которые сами давно зарились

---

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 6. М., 1938, стр. 83.

² R. Poincaré. Op. cit., t. X, p. 77.

на богатства Сибири и Дальнего Востока и не без оснований опасались, что если Япония вступит на эти земли, то ее не так легко будет выдворить оттуда. Но в конце концов и Вашингтону пришлось смириться, ибо иного «выхода» пока не было; русская революция казалась страшнее всяких конкурентов. «И с точки зрения человеческого материала и с точки зрения транспорта,— доказывал Бальфур,— Япония может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка, Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске. Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии...»¹ К тому же полагали, что влияние большевизма и позиции Советской власти в этих районах значительно слабее, чем в европейской части страны.

Японские же милитаристы, делая вид, что идут на интервенцию, лишь уступая просьбе и настояниям союзников, поспешили воспользоваться благоприятной для них ситуацией. Оставалось только подыскать подходящий для этого повод, в чем, как известно, империалистическая практика не испытывает особых затруднений. Вскоре во Владивостоке было совершено провокационное убийство двух японцев. 5 апреля, не дожидаясь результатов расследования преступления, Япония высадила свои войска на советской земле под предлогом обеспечения безопасности жизни и собственности иностранных подданных. В тот же день командующий японским флотом адмирал Като обратился к населению Владивостока с воззванием, в котором извещалось, что Япония берет на себя «охрану порядка» в городе и его окрестностях. Одновременно с японскими интервентами высадился отряд американской морской пехоты.

В официальном сообщении Советского правительства по поводу интервенции на Дальнем Востоке говорилось: «Ход событий не оставляет никакого места сомнениям в том, что все было заранее подготовлено и что провокационное убийство двух японцев составляло необходимую часть этой подготовки. Таким образом, давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задуть Советскую революцию, отрезать Россию от Ти-

---

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 6, стр. 88.

хого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян»¹.

Постепенно иностранная интервенция принимала все более широкие масштабы. 3 июня 1918 г. Верховный военный совет Антанты принял решение о посылке на север России сводного отряда из английских, французских, американских и итальянских частей. Вскоре подразделения этого отряда начали высадку в Мурманске. 17 июня в Мурманск прибыл английский крейсер, на борту которого находились командующий интервенционистскими войсками на севере генерал-майор Пуль, многочисленные инструкторы и отряд английской пехоты. 31 июля англичане высадились в Онеге, а в первых числах августа антантовская эскадра бросила якорь в Архангельском порту, обстреляв предварительно подступы к нему. В том же месяце во Владивосток прибыли новые группы японских, английских и американских войск. Одновременно английские войска вторглись через Персию в Среднюю Азию и Закавказье. 4 августа они высадились в Баку.

Составной частью союзнической интервенции в Советской России явился также мятеж частей Чехословацкого корпуса, поднятый его контрреволюционным командованием против Советской власти по приказу заправил Антанты и США в мае — июне 1918 г. Характеризуя создавшееся положение, В. И. Ленин подчеркивал в августе 1918 г., что главным внешним врагом Советской республики в данный момент является англо-французский и японо-американский империализм, который все более наступает на Россию с разных сторон и грабит ее земли².

Но особенно широкий размах интервенция приняла после капитуляции Германии и Австро-Венгрии, развязавшей руки англо-франко-американским империалистам. Теперь им было гораздо проще маневрировать имевшимися в их распоряжении силами и средствами, хотя и появились некоторые новые затруднения, главным образом политического характера. Не имея больше возможности прикрывать свое вооруженное вмешательство во внутренние дела Советской страны ссылками

---

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 225.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 38.

на необходимость сохранения Восточного фронта и «защиты» России от центральных держав, враги Советской власти выдвинули новую интервенционистскую доктрину, согласно которой вооруженная борьба с Советской властью признавалась вполне оправданной и необходимой в силу того, что «большевистский режим» якобы несовместим с установлением прочного и длительного мира, завоеванного столь дорогой ценой.

Так, в записке верховного командования союзными армиями от 18 января 1919 г., озаглавленной «О необходимости интервенции союзников в России», подчеркивалось: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами. Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненной необходимостью, а политические трудности, которые она порождает, не могут иметь решающего значения, чтобы отказаться от проведения интервенции или отложить ее осуществление... Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее; их солидарный долг состоит в том, чтобы объединить с этой целью свои усилия»¹. Далее в записке распределялся этот «солидарный долг» между ведущими империалистическими державами, в том числе и Италией, и указывалось на необходимость обеспечения единого руководства интервенцией. Точно так же определялись цели и задачи интервенции во многих других документах.

Уже в конце ноября 1918 г., т. е. вслед за подписанием перемирия с Германией и Австро-Венгрией, союзники (англичане и французы) высадили свои войска на юге России — в Новочеркасске, Севастополе и Одессе. Тогда же англичане высадились в Батуме. Недели раньше их флот вторгся в советскую зону Каспийского моря. В первых числах декабря началась открытая интервенция Антанты в Прибалтике.

По данным на 15 февраля 1919 г., общая численность иностранных войск в России составила уже 130 тысяч

¹ «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. 1. М., 1960, стр. 83, 87.

человек¹. Однако и на этом прибытие непрощенных гостей не приостановилось. Постепенно силы интервентов наращивались. Но ничто не спасло их от позорного краха. Созданная в огне борьбы Рабоче-Крестьянская Красная Армия разгромила белогвардейские полчища и присланные им на помощь иностранные легионы, отстояла великие завоевания Великого Октября.

Описанные события и факты показывают, какие неимоверные трудности лежали на пути закрепления завоеваний социалистической революции в России, каких огромных усилий потребовала от рабочего класса и его авангарда, большевистской партии, борьба за торжество нового общественного и государственного строя.

Октябрьская революция наглядно подтвердила ту непреложную историческую истину, что обреченные господствующие классы и правящие круги не уходят добровольно с исторической арены, а вступают в ожесточенную схватку с трудящимися массами, стремясь всеми силами сохранить над ними свою власть. В этой схватке они используют всевозможные средства, прибегая также к содействию своих классовых союзников за рубежом. Последние, в свою очередь, не дожидаются особого приглашения, а сами немедленно вторгаются во внутренние дела восставшего народа, пытаются добиться реставрации старых порядков, возобладания контрреволюции, экспорт которой является одной из наиболее характерных черт империализма, неотъемлемой частью его международной политики.

Приведенные в книге документы и материалы со всей убедительностью свидетельствуют о том, что с первых дней Февраля правящие круги западных держав и Японии непрерывно вмешивались во внутренние дела нашей страны с целью подавления революции и недопущения перехода государственной власти в руки трудового народа. Степень этого вмешательства, особенно после провозглашения Советской власти, возра-

---

¹ «Foreign Relations. The Paris Peace Conference. 1919», vol. IV. Washington, 1944, p. 11.

стала с каждым днем и в результате привела к открытой военной интервенции против Республики Советов.

Но все усилия внутренней и внешней контрреволюции добиться реставрации свергнутого режима разбились о непоколебимую стойкость рабочих и крестьян, черпавших силы в правоте своего дела, в идеях большевистской партии и ее великого вождя В. И. Ленина. В этой беспримерной в истории человечества классовой битве трудящиеся нашей страны покрыли себя немеркнущей славой.

Борьба с интервентами и белогвардейцами ярко продемонстрировала правоту ленинских слов: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Исторический подвиг российского пролетариата и трудового крестьянства и поныне является великим вдохновляющим примером для народов Азии, Африки и Латинской Америки, ведущих упорную борьбу за свое национальное и социальное освобождение, за светлые идеалы человечества.

Адвокаты капитализма до сих пор не перестают твердить, что Октябрьская революция, пробившая зияющую брешь в системе империализма, была случайностью, каким-то «парадоксом истории». Пятидесятилетие Советского государства убедительнее всяких слов доказывает и показывает полнейшую несостоятельность этой антисоветской мифологии. Если в 1917—1920 гг. по образцу русских Советов возникли Советы в ряде других стран, то ныне по русскому примеру и под его непосредственным воздействием сложилась мировая социалистическая система, границы которой неуклонно расширяются. И нет ни малейшего сомнения в том, что рано или поздно на всей планете восторжествует единая и всеобъемлющая система — система социализма.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ГЛАВА I. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЮЗНИКИ	6
Тревога и смятение	—
Двоевластие портит музыку	23
С кнутом и пряником	32
Пасторы II Интернационала в цитадели революции	39
Первые попытки «обезвредить» В. И. Ленина	54
ГЛАВА II. ВЫНУЖДЕННАЯ РЕОРИЕНТАЦИЯ. СТАВКА НА МЕЛКОВУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ	67
Гучков и Милюков теряют министерские кресла	—
Союзные империалисты приветствуют коалиционное правительство	78
Керенский обещает победу	90
Дирижеры войны торопят с наступлением	99
Галицийская катастрофа	111
Вильсон снаряжает «универсальную» миссию	116
ГЛАВА III. «ТРАДИЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» КОРОНУЕТ ДИКТАТОРА	131
Пиррова победа российской и союзной буржуазии	—
Усиление вмешательства в русские дела	136
На кухне антибольшевистских провокаций	142
В повестке дня «русский вопрос»	147
В поисках сильного человека	153
Генерал от кавалерии и его зарубежные покровители	158
Общенациональный кризис. Попытка повторить корниловщину	175
ГЛАВА IV. НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ ИСТОРИИ	193
Прорыв фронта империализма. Декреты обретают бессмертие	—
Власти трудящихся отказано в признании	201
Противодействие мирной политике Советов	218
Снова «русский вопрос»	237
Империалисты Антанты разграничивают «зоны действия»	246
Немецкое наступление и маневры западных держав	261
Начало вооруженной интервенции	283